

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ ПРИКАМЬЯ

Старина – это волшебное зеркало, в котором в перспективе веков мы видим себя, своих предков, каждую грань церковной, общественной и государственной жизни.

И. Шестаков
Исторический путеводитель по г. Соликамску. 1917 г.



Об исторических городах, поселках, селах Пермского края написана разнообразная литература, но предлагаемая всем, кого интересует удивительная судьба Пермского Прикамья, серия книг «По городам и весям Прикамья» аналогов не имеет: впервые предпринята многоаспектная характеристика, при этом поселения, обладающие общностью историко-культурного развития, описываются в одном томе.

сего таких книг пять.

Книга «Города Перми великой Чердынь и Соликамск» посвящается опорным центрам заселения и освоения огромной территории Урала.

«Строгановские городки, острожки, села» — повествование об Орле, Пыскоре, Нижнечусовских и Верхнечусовских городках, Сылвенском, Очерском, Яйвинском острожках, о селах Новое Усолье и Ильинское.

Книга «Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск» знакомит с городами, которые развивались как уездные центры южных земель Прикамья.

О формировании и развитии Дедюхина, Пожвы, Добрянки, Чермоза, Майкора, Полазны, Очера, Павловского, Суксуна, Нытвы, Лысьвы, Пашии рассказывает книга «Города-заводы». Это подробная картина своеобразия уральской горнозаводской цивилизации.

Отдельный том «Губернский город Пермь» представляет главное поселение Прикамья, помогает увидеть индивидуальное лицо города, его особое место в судьбе Урала и России.

Описания подготовлены на документальной основе и на широком фоне общероссийской истории и культуры. В них много забытых или малоизвестных событий, фактов, имен.

Достоинство цикла и в его иллюстративном богатстве, которое предстает в виде старых и новых фотографий, карт, схем, слайдов. Многие архивно-музейные предметы публикуются впервые. Издания снабжены хронологическими указателями и списками литературы.

Авторы книг — ученые Пермского государственного национального исследовательского университета, много лет исследующие историю и культуру Урала.



ГОРОДА-ЗАВОДЫ

Пермь
«Книжный мир»
2011

ББК 63.3

Г 67

В этом томе серии «По городам и весям Прикамья» рассказывается об исторических поселениях, которые возникли в связи с промышленным развитием Пермского края. Перед заинтересованным читателем предстает убедительная картина развития и существования своеобразной горнозаводской цивилизации на Западном Урале.

Научный редактор –
доктор исторических наук, профессор

Г. Н. Чагин

Рецензенты:

В. В. Шилов,

кандидат исторических наук,
доцент Березниковского филиала

Уральского государственного экономического университета;

Н. А. Швецова,

учитель-исследователь Майкорской средней школы
Юсьвинского района

Коми-Пермяцкого округа

Поддержка данного проекта осуществлена
Министерством культуры, молодежной политики
и массовых коммуникаций Пермского края

© Коллектив авторов, 2011

© Книжный мир, 2011

ЗАВОДСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

Поселения – это места, которые человек обустроил для длительного проживания. На выбор этих мест, основание и развитие поселений влияли не только наличие природных ресурсов, удобных путей сообщения, перспективность ведения хозяйства, но и факторы, которые не оставались неизменными.

В Пермском крае среди всех известных типов поселений – городов и сел, слобод и острожков, деревень и починков – особое место занимают поселения с заводским производством. Впервые они возникают в XVII в. с открытием горнорудных богатств. Возле д. Григорово, расположенной на правом берегу Камы (напротив нынешнего Соликамска), и по р. Яйве, левому ее притоку, строгановский крепостной Яков Литвинов в 1617 г. обнаружил месторождения медистых песчаников.

Недалеко от месторождений, на правом берегу Камы, в 1634 г. строится казенный Пыскорский медеплавильный завод. В 1640 г. его переносят ниже по Каме, в устье р. Камгортки (Пыскорки). Здесь были плотина, плавильня, мельница, разные административные и жилые сооружения.

Этот завод стал первым медеплавильным заводом не только на Урале, но и в России.

В 1640 г. на базе болотного месторождения железных руд по р. Вишере, в ее среднем течении, начал действовать казенный Красноборский железоделательный завод. Он имел одну домну с двумя горнами. Возле него существовало небольшое поселение. Местонахождение

*В 2009 г. археологи Пермского университета обследовали остатки производственной деятельности в урочище «Красное» – россыпь железных шлаков, бракованные крицы, фрагменты гончарной посуды, железный нож. Они отмечают, что разрушение береговой полосы продолжается, поэтому необходимо продолжать раскопки, чтобы как можно больше узнать об одном из самых ранних железоделательных предприятий на Урале.

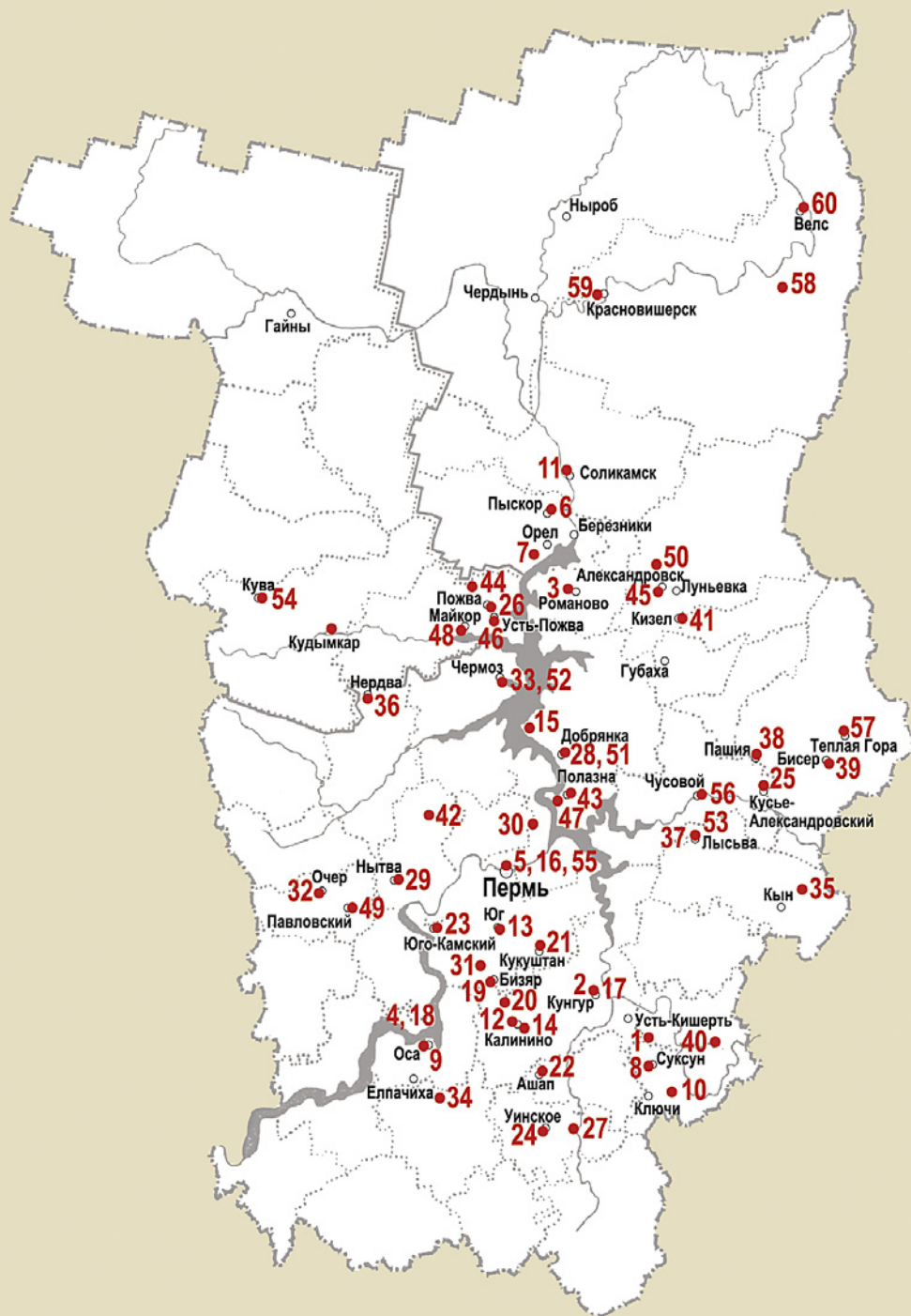
**Указывается год начала действия завода. Цифрой в скобках обозначено местонахождение завода на карте (с 9).

***По Высочайшему (императорскому) указу 1788 г. завод преобразован в Анненский монетный двор – государственное предприятие, чеканившее монеты. Монеты обозначались буквами «А. М.» (Анненская монета). Закрыт монетный двор в 1799 г.

завода давно заброшено, но за ним сохраняется старое название «Красное»*.

Попробуем представить хронологическую последовательность возникновения заводов в Прикамье в конце XVIII в. **:

- 1704 – Мазуевский (1)
- 1714 – Кунгурский (2)
- 1716 – Романовский (3)
- Середина 1720-х** – Давыдовский (4)
- 1723 – Егошихинский (5); Пыскорский (построен казной заново) (6)
- 1726 – Таманский (7)
- 1729 – Суксунский (8)
- 1730 – Анцубский (9); Тисовский (10)
- 1731 – Троицкий (Соликамский) (11)
- 1733 – Юговской (Юго-Кнауфский) (12)
- 1735 – Нижне-Юговской (13)
- 1736 – Бымовский (14); Висимский (15)
- 1739 – Мотовилихинский (16)
- 1740 – Шаквинский (17); Нижне-Рождественский (18)
- 1741 – Бизярский (19)
- 1742 – Верхне-Юговской (20); Курашимский (21)
- 1744 – Ашапский (22)
- 1748 – Юго-Камский (23)
- 1749 – Уинский (24)
- 1751 – Кусье-Александровский (25); Пожевской (26); Иштеряковский (27)
- 1752 – Добрянский (28)
- 1756 – Нытвенский (29); Хохловский (30)
- 1760 – Анненский*** (31)
- 1761 – Очерский (32); Чермозский (33); Шермеитский (Шермейский) (34)
- 1762 – Кыновской (35)
- 1783 – Елизавето-Нердвинский (36)
- 1785 – Лысьвенский (37)
- 1786 – Архангело-Пашийский (38); Бисерский (39)
- 1787 – Молебский (40)
- 1788 – Кизеловский (41)
- 1789 – Екатерино-Сюзьвенский (42)
- 1797 – Полазненский (43)
- 1798 – Елизавето-Пожевской (44)



В результате строительства заводов (их общее число в XVIII в. составило 44) в Пермском крае был создан новый металлургический район, превосходивший по своей мощи все старые промышленные районы России.

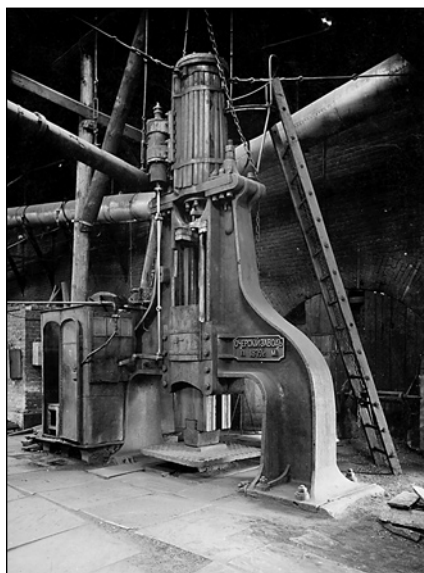
В XIX в. были пущены новые заводы:

- 1802 – Александровский (45)
- 1804 – Марьинский (46)
- 1810 – Мариинский (47)
- 1811 – Никитинский (Майкорский) (48)
- 1816 – Павловский (49)
- 1818 – Всеволодо-Вильвенский (50)
- 1826 – Софийский (51)
- 1829 – Екатерининский (52)
- 1833 – Варваринский (53)
- 1856 – Кувинский (54)
- 1864 – Пермские пушечные заводы (55)
- 1883 – Чусовской (56)
- 1884 – Теплогорский (57)
- 1890 – Кутимский (58)
- 1899 – Вижаихинский (59)
- 1906 – Вёлсовский (60)

История металлургического развития Пермского края знает 60 заводов, а это значит, что возникло 60 больших и малых заводских поселений.

Очень часто заводы назывались по имени их основателя и владельца (Александровский, Никитинский, Павловский, Софийский и др.), иногда по имени владельца и местоположению (Всеволодо-Вильвенский, Екатерино-Сюзьвенский, Елизавето-Нердвинский, Кусье-Александровский).

Заводское строительство в Пермском крае имело важные социальные результаты. Впервые, заводы привлекали крестьян, как местных, так и пришлых – из центральных уездов



Очерский завод. Паровой молот.
Фото 1879 г.

Европейской России, бежавших от налоговой политики правительства, от преследования за приверженность к старообрядчеству. Во-вторых, развитие горнозаводской промышленности вызвало появление нового социального слоя населения – мастеровых и работных людей*. Формирование этого слоя в большей степени шло за счет перевода на уральские предприятия специалистов с других казенных и частных заводов – тульских, нижегородских, казанских, московских.

У крестьян и других сословных групп людей, связавших жизнь с заводами, менялся их прежний юридический и экономический статус. Они могли рассчи-

*Работники горных заводов, трудившиеся как на основных работах, в цехах (преимущественно мастеровые), так и на вспомогательных, не цеховых (преимущественно работные люди) и получавшие за свою работу денежную и натуральную оплату.



Панорама села Кын-завод. Фото 2008 г.

тывать на лучшее материальное положение, на защиту от рекрутчины и от преследований за религиозные убеждения. С годами у них формировались новые идеологические представления, культурно-бытовые черты, что, несомненно, отражалось не только на их личной жизни, но и на общественной. Когда же возникала социальная неустойчивость, ухудшалось материальное положение, мастеровые и работные люди, порой при поддержке служилых людей, разворачивали открытую самозащиту.

Заводы представляли собой развитые и сложные в техническом отношении предприятия. Здесь сосредотачивались инженерные специалисты, рабочие, средства труда, гидросооружения, запасы топлива. Здесь производилась продукция, которая шла на внутренний и внешний рынок.



Кыновской завод Строгановых в действии. Фото 1900 г.



Железодельный завод. Фото 1895 г.

Заводские поселения начинались с сооружения производственных объектов и плотин. На предзаводской площади строились административные, торговые, жилые господские и культовые здания, в том числе обязательно располагалась заводская контора – низшее звено системы управления горнозаводской промышленностью, руководившее отдельным заводом, а также приписанными к нему рудниками, лесами, гидрологическими сооружениями и населенными пунктами. В целом ансамбль зданий получался однотипным на всех заводах, что подметил Д. Н. Мамин-Сибиряк:

«Заводы похожи один на другой как две капли воды: заводский пруд, фабрика, контора, господский дом, базар, дровяная площадь, угольные валы, а там ряд улиц с обывательскими строениями»*.

Об этом же как о типичном признаке заводского ансамбля, а также о своеобразии заводского поселения писал Е. Пермяк:

«Сам завод находится в глубине большой зеленой долины, ниже плотины пруда. Так ставились почти все старые уральские и приуральские заводы, где падающая вода была главной силой, приводящей в движение плуцильные и прокатные станы, мехи доменных печей и все, что было не по силам коням и людям... Чем ближе к центру, тем больше и чернее деревянные дома. Каменные начнутся в самом центре... все они двухэтажные...»**.

* М а м и н - С и б и -
р я к Д. Н. Статьи и
очерки. – Свердловск,
1947. – С. 354.

**Пермяк Е. Горбатый
медведь. – М., 1971. –
С. 37.



Село Кува, в котором с 1856 по 1909 г. действовал чугунолитейный завод Строгановых. Фото 1889 г.

Заводское производство формировало не только производственную, но и жилую и общественную среду поселения. Материальные объекты с чертами топографического положения поселения и подчинения природной среды становились историческим наследием. Наряду с этим здесь развивалась духовная культура в ее особом, своеобразном проявлении.



План Кизеловского заводского поселка. Вторая половина XIX в. Экспозиция Кизеловского краеведческого музея. Фото 2009 г.

В научной литературе не существует однозначного мнения по поводу типологии заводского поселения. Его называют «заводом», «заводским поселком», «заводским селом», «Городом-заводом» и «поселком». В. Н. Татищев в своем «Горном уставе» предлагал называть заводские поселения «горными заводами». Таковыми, как пишет Н. С. Попов в начале XIX в., их осознавало и население:

**Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – СПб., 1811. – Ч. I. – С. 331.*

***Там же.*

****«Городовое положение», или «Грамота на права и выгоды городов Российской империи» 1785 г. – закон, в соответствии с которым город являлся самостоятельной самоуправляемой единицей. Органами самоуправления являлись: Общая городская дума, Шестиголосная дума, Градское общество. В 1870-м и 1892 г. принимались новые городские положения.*

«Селения, принадлежащие к фабрикам чугуноплавильным, медеплавильным, молотовым и проч., известны вообще под именем горных заводов»*.

При этом, по сообщению того же Н. С. Попова, население отличало их от поселений при соляных варницах, «которые вместе с жительством называют соляными промыслами, а не заводами»**.

Ученые расходятся также во мнении, к какой категории поселений – городских или сельских – относить заводские. Тому есть ряд причин. Во-первых, не существовало правительственного решения о признании их городами, и поэтому в них не функционировали учреждения по статусу «Городового положения» 1785 г.***, хотя это были промышленные поселения с соответствующей планировкой и архитектурой, с



Моисей Югов (1760–1797). Ему и группе кизеловских рудознатцев принадлежит открытие залежей угля в Кизеловском бассейне. *Скульптура*

Бадья для поднятия угля из шахты. Луньевские копи. Первая половина XIX в.

Экспозиция Александровского краеведческого музея. Фото 2009 г.



населением, в основном занятым в производственной сфере. Во-вторых, в быту населения сохранялось немало черт крестьянского образа жизни. В-третьих, не во всех городских поселениях, имеющих этот статус официально, было промышленное производство, и поэтому они не обладали высоким социально-экономическим уровнем развития.

При определении статуса заводского поселения не следует забывать о горнозаводском законодательстве. В XVIII в. горное ведомство функционировало на основании Берг-привилегии* 1719 г. и Берг-регламента** 1739 г. Руководство промышленностью осуществляла Берг-коллегия, созданная в начале 1720-х гг.***.

В XIX в. основополагающим документом являлся «Проект Горного положения для управления заводов хребта Уральского» от 13 июля 1806 г. Согласно этому документу заводы признавались городским поселением с получением наименования «горный город», установлением особого управления, сначала со стороны Пермского горного правления, с 1831 г. – Уральского горного правления в Екатеринбурге, а также горного округа и горного начальника. Кроме того, каждый завод имел заводскую контору с управляющим, подчинявшимся владельцу завода и имения в целом. Но статус горного города на Среднем Урале имели только Екатеринбург и Дедюхин. Причем Дедюхин был безуездным (заштатным) городом****.

Передача Екатеринбурга из горного ведомства, организованного на воен-

* Берг-привилегия – законодательный акт от 10 декабря 1719 г., определявший политику русского правительства в горнорудной промышленности; являлся практическим руководством для Берг-коллегии. Гарантировал право наследственной собственности на заводы, ограждал промышленников от вмешательства в их дела местных властей, обязывал Берг-коллегию оказывать промышленникам техническую и финансовую помощь, провозглашал право свободной продажи железа. Полезные ископаемые объявлялись собственностью царя, и промышленники обязаны были платить в казну налог в размере 10% прибыли [с 1724 г. – 1 коп. с пуда чугуна]. Берг-привилегия отдала предпочтение при разработке полезных ископаемых владельцу земли; промышленник обязан был платить вотчиннику за лес и землю 1/32 долю от прибыли. С целью привлечения квалифицированной рабочей силы Берг-привилегия освобождала мастеровых от рекрутских повинности и подушного налога. В середине XVIII в. эти льготы для мастеровых были отменены. Берг-привилегия способствовала развитию промышленности. В 1739 г. Берг-привилегия была дополнена Берг-регламентом. Действовала до 1807 г.

**Берг-регламент – законодательный акт 1739 г., изданный и развитие Берг-привилегии. Берг-регламент уменьшил налоговое обложение промышленников, ликвидировал преимущественное право вотчинников на разработку полезных ископаемых на своей земле, признав это право за теми, кто их обнаружил первыми. Предоставил иностранцам равные права с русскими промышленниками. Утратил значение в 1807 г.

*** Берг-коллегия – государственное учреждение, осуществлявшее руководство горнорудной промышленностью на основе Берг-привилегии и Берг-регламента. Выделилась из Берг- и Мануфактур-коллегии около 1722 г. (штат утвержден в 1725 г.). Функционировала в 1722–1731, 1742–1783, 1797–1802 гг. как самостоятельное учреждение, подчиненное Сенату, в 1802–1807 гг. в составе Министерства финансов (в 1731–1736 гг. основные функции коллегии осуществляла Коммерц-коллегия, в 1736–1742 гг. – Генерал-берг-директориум, в 1783–1797 гг. – Экспедиция о государственных доходах Сената). Окончательно упразднена в 1807 г. Находилась в 1728–1760, 1767–1768 гг. в Москве, остальное время – в Санкт-Петербурге.

****Учитывая, что г. Дедюхин не получил освещение в научной литературе, к тому же он к середине 1950-х гг. исчез с карты Пермского края, в этой книге мы посвящаем ему первое развернутое историческое исследование.





ных началах, в гражданское произошло в 1863 г., после чего в городе сильно активизировалось частное строительство.

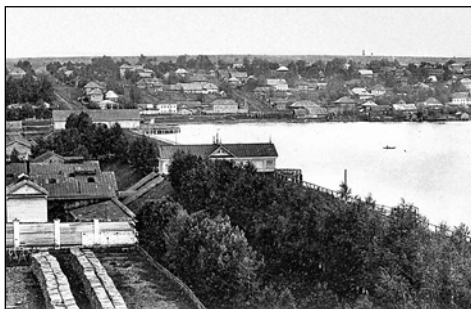
Сопоставляя все аспекты развития заводского поселения, ряд исследователей для определения его статуса применили понятие «город-завод»*. Несомненно, они основывались преимущественно на производственной и градостроительной традициях, отличающих «завод», «заводской поселок», «заводскую слободу», «заводское село», «поселок» от исключительно сельских поселений. Мы согласны с таким статусным, естественно неофициальным, определением и используем его в названии данной книги.

Чтобы признание заводского поселения «городом-заводом» было убедительным, аргументируем его некоторыми примерами из сферы культурно-бытового развития, хотя в наиболее полном виде они представлены в очерках, составляющих данную книгу. Оценивая образ жизни заводского населения, Н. С. Попов считал:

*Иофа Л. Е. Города Урала. – М., 1951. – Ч. I. – С. 236 и др.

**Попов Н. С. Хозяйственное описание... С. 89.

«...горнозаводские жители составляют как бы середину между городскими и сельскими. К первым подходят они своею торговлею, промыслами и рукоделиями, а к последним приближаются склонностию своею к скотоводству и земледелию»**.



Вид Очерского завода начала XX в. Фотооткрытка



Промышленная зона г. Очёр. Фото 2007 г.



Вид на плотину Павловского пруда. Фото 2008 г.

Такого же мнения был писатель Е. Пермяк:

«Заводом здесь называют не одни лишь фабричные корпуса, но и самый заводской поселок... Все большие и малые при заводские уральские поселки не города и не села, но их собратья...» В них «пахнет и фабричным дымом и прелой, унавоженной землей огородов. И тот же Яков Кумынин на заводе кузнец, а дома сельский житель. У него богатый огород, корова, буланая лошадь, две овцы, свинья, гуси и куры, а он ни мужик, ни крестьянин, а мастеровой человек, как большинство жителей... которых «кормит завод-батюшка, а подкармливает земля-матушка»*.

**Пермяк Е. Горбатый медведь... С. 37-38.*

Одну из ярких характеристик облика заводского поселения Пермского края оставил нам Родерик Импи Мурчисон – английский ученый-геолог, совершивший в 1840–1841 гг. экспедиции в Пермский край, результатом которых стало выделение в строении Земли пермской геологической системы.

Мурчисон с большой похвалой отзывался о заводских поселениях:

«Ни одно географическое или статистическое сочинение не может передать ясного понятия о блестящем состоянии этих средоточий промышленности (т. е. заводских поселений. – *Авт.*), каждое из них и более населено, и находится в более цветущем положении, нежели многие города, обозначенные на карте крупными буквами; не имея вовсе в виду вдаваться в политико-экономические подробности, не можем не заметить, что при горных заводах, и правительству, и частным лицам принадлежащих, находятся многие тысячи мастеровых и непрременных работников, которых жилища и домовитость редко уступают мануфактурным** городам Европы»***.

В этой характеристике очень важно свидетельство выдающегося ученого о том, что пермские заводские поселения не уступали «мануфактурным городам Европы».

Своеобразием отличаются заводские поселения и старой, и новой застройки. Так, в 1899 г. на р. Вишере появился Вижаихинский завод, о чем «Пермские губернские ведомости» сообщили:

«Назад тому три года был сплошной лес и почти непроходимое болото, а ныне красуется грандиозный чугунолитейный завод с прекрасными во всех отношениях постройками, сооруженный благодаря неутомимой энергии Г.Ф. Реймон (инженер, главноуправляющий вишерскими заводами. – *Авт.*) в каких-нибудь полтора года»****.

**От слова *мануфактура*, означающего в XVI–XIX вв. предприятие, основанное на разделении труда и ручной ремесленной технике; мануфактура подготовила переход к машинному производству.

****Мурчисон Р. И. Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского//Горный журнал. – СПб., 1848. – Кн. 1. – С. 20-21.*

*****ПГВ. – 1900. – № 26.*

Культуре и быту населения заводских поселков как нового типа поселений были присущи устойчивые особенности. Пусть это были не столь однородные этнические черты, как у крестьянства, но все же есть основания говорить о слое этнической специфичности, который следует воспринимать как часть народной культуры.



Панорама Лысьвенского металлургического завода и поселка. 1845 г. Акварельный рисунок воспроизведен в увеличенном масштабе с рисунка на фарфоровой чайной чашке И. Спеховым. Экспозиция Лысьвенского краеведческого музея

На рост заводских поселений, их социально-экономическую и культурную активность большое влияние оказывало расположение их по трактам и судоходным рекам, вблизи от горнорудных ресурсов.

Для Пермского края характерна опорная система заводских поселений, сложившаяся в тесной взаимосвязи со всеми процессами хозяйственного и культурного развития каждого конкретного региона. К рубежу XIX–XX вв. значение центров ведущих регионов Прикамья закрепили за собой такие заводские поселения, как Пожва, Майкор, Чермоз, Очер, Павловский, Дедюхин, Добрянка, Полазна, Суксун, Нытва, Лысьва, Пашия, Чусовой, Мотовилиха. При этом большинство из них превосходили уездные города Чердынь, Соликамск, Осу, Оханск по численности населения, а также, что было важно, например, для автора «Хозяйственного описания Пермской губернии», сделанного на рубеже XVIII–XIX вв., и по развитой ремесленной деятельности населения:

«В некоторых заводах найти можно гораздо лучших столярей, каретников, плотников, каменщиков, штукатуров, медников (и частью серебрянников), слесарей, кузнецов и проч., нежели каких здешние города имеют... заводские мастера имеют еще пред сими городскими цеховыми и то преимущество, что умеют делать всякую посуду из металла, лить колокола и даже артиллерийские снаряды... даже делать часы. Так что городские мастера только кожевничеством и портным ремеслом могут их превысить»*.

**Попов Н. С. Хозяйственное описание... С. 89–90.*

Среди всех заводских поселений Пермского края особо выделялся поселок при Мотовилихинском заводе. Очевидцы давали ему такую характеристику:

«Огромное селение Мотовилиха численностью жителей, постройками и внешним видом напоминает хороший уездный город»*.

Однако в связи с закрытием заводов некоторые заводские поселения переживали упадок. Их производственные сооружения ветшали и разрушались, а сами поселения теряли заводской облик, превращались в села (Аннинск, Ашап, Висим, Нердыва, Григорьевское, Таман, Курашим, Тис, Молебка, Кын). И только поселку Егошихинского завода суждено было стать городом – губернской Пермью (1780).

Поселение теряло завод, а вместе с этим и социально-культурную среду, но его заводское прошлое не забывалось. Оно отражалось в памяти местных жителей и даже в обиходном названии поселения. Так, заводское село Кын на р. Чусовой лишилось в 1910 г. завода, а его продолжали называть «село Кын-завод» и называют так до нашего времени. Название «завод» сохранилось за селами Ашап и Аннинск.

Другие заводские поселения за счет расширения производства и торговли увеличивали численность населения, в них создавался специфический городской уклад жизни.

К середине XX в. они стали городами со статусом областного или районного значения (Александровск, Кизел, Нытва, Чермоз, Очер, Лысьва, Добрянка, Чусовой) либо поселками городского типа (Суксун, Павловский, Юго-Камский, Пожва, Майкор, Полазна, Пашья).

Социальный, этнический и конфессиональный состав населения заводских поселений имел значительную специфику. Специфика эта отражалась в членении поселения на отдельные части, в застройке и культурном потенциале. Системе развития поселения соответствовали, например, ансамбли административных зданий или малая «со-

**Урал Северный, Средний, Южный: справочная книга/Сост. Ф. П. Доброхотов. – Петроград, 1917. – С. 315.*



Пос. Майкор. Памятный знак завода, окончательно затопленного в 1955 г. Фото 2008 г.



Пос. Пожва. После затопления завода. Фото 2007 г.



Панорама г. Чермоза. Фото 2007 г.



Вид на Суксунский завод и пруд. Фото 2008 г.

лидность» домов, которые зачастую были единственными каменными сооружениями.

Для крупных заводских поселений становилось характерным такое явление, как превращение в товар жилых и хозяйственных помещений. В частных домах оформлялись гостиницы. Возводились доходные дома, нижние этажи которых сдавались для жилья и торговли. Нередко на одной усадьбе, в едином комплексе закреплялись жилые, складские и торговые помещения, что делало удобным ведение торговли.

На формирование застройки заводского поселения оказывали влияние, с одной стороны, его производственный характер, а с другой – топографическая среда, т. е. размещение всех материальных объектов (производственных, гражданских, культовых) в рельефе по отношению к водоему – реке и пруду. У одного из современников, хорошо знавших подобные поселения, осталось такое впечатление:

«Завод выдает себя по наружному виду чистенькими постройками, скученными около прудов и речек, в гористой всегда местности ширится, поэтому и занимать большие усадьбы в заводе нельзя. Соломенных крыш, овинов, разбросанных по селению сараев и хлебных амбаров – в заводах нет»*.

** Архангельский И.И. Этнографические очерки горнозаводского населения Урала. – Пермь, 1891. – С. 11.*

Можно утверждать, что к концу XVIII в. в Пермском крае уже сложился исторический тип застройки заводского поселения. Для него характерно расположение на берегах не самой большой реки, чаще всего при ее впадении (или невдалеке от устья) в другую, большую реку (например, рек Добрянки, Полазны и Чермоза в Каму, рек Молебки и Суксуна – в Сылву), и использование водных пространств как заводской территории. Интерес к реке как части заводского поселения был про-



Очер. Вид на сквер и храм. Фото 2009 г.



Горнозаводск. Фото 2009 г.

диктован реальной необходимостью. Река рассматривалась как важнейшая транспортная магистраль для перевозки продукции сплавом. Поэтому ее берега, где оборудовались пристани и причалы, становились важной частью заводского поселения.

В дальнейшем, вплоть до нашего времени, благодаря своей устойчивости, территориальные черты застройки и планировки становятся культурными традициями, а в целом историческим наследием. Сегодня их в полном виде можно наблюдать в Александровске, Очере, Павловском, Пашии, Кусье-Александровском, Лысьве, Суксуне, Нытве, Юго-Камском. Во фрагментарном состоянии они сохранились в Добрянке, Полазне, Чермозе, Висиме, Кыну, Бисере, Молебке, Курашине, Аннинске, Нердве, Григорьевском, где заводы давно закрыты.

В отличие от городов, заводские поселения не имели оборонительных сооружений, поскольку они возникали не как военно-административные оплоты. Здесь центральное место занимали пруд, производственные сооружения, располагавшиеся компактно ниже плотины. Невдалеке от них, на каком-либо одном берегу, образовывалась площадь с заводоуправлением, храмом, училищем, торговыми лавками, усадьбой начальника завода, а иногда и Народным домом. Предзаводские площади с прилегающими территориями становились местом для прогулок и общения. На них сооружались памятники. Так, памятник императору Александру II был открыт в 1887 г. в поселке Павловского металлургического завода, а в 1905 г. – в поселке Юго-Камского железодельательного завода.



Лысьва. Вид на пруд, завод и Ленинский поселок. Фото 2007 г.

В поселениях заводского характера нынешний центр обычно совпадает с центром, сформировавшимся в XVIII – начале XX в.

Уличная система планировки, когда жилые дома располагаются по обеим сторонам проезжей части и обращены фасадами друг к другу, изначально являлась традиционной. В отдельных случаях по берегам прудов и рек допускалась рядовая застройка, и тогда улица, как правило, проходила перед домами по краю берега. Во всех поселениях выделялись территории под строительство жилых домов: состоятельным людям – в центре, а менее обеспеченным – на значительном удалении от него. Элементы такой застройки приходится видеть в Очере, Суксуне, Нытве, Лысьве. Для всех заводских поселений проекты размещения материальных объектов составлялись архитекторами.

Системность застройки способствовала созданию компактного и цельно воспринимаемого заводского поселения. Н. С. Попов, хорошо знавший такие поселения в начале XIX в., писал:

«Горные заводы (так Н. С. Попов называет заводские поселения. – Авт.), как казенные, так и частные, расположены по большей части порядочными улицами, хотя не всегда прямыми, и притом больше узкими, кои в нужных местах вымощиваются деревом или сланью. Дома заводские состоят также из белой избы и клети или горницы с сенями; по другую сторону ворот всегда строятся службы, т. е. сарай, конюшня, погреб, хлев и проч., так что с банею и огородом занимают узкую, но длинную полосу земли, поперек квартала»*.

**Попов Н. С. Хозяйственное описание... С. 336.*

Заводской вариант жилища обычно представлял собой не только трехкамерный дом (изба, клеть-горница и сени между ними), какой

преобладал в сельской местности. Нередко дома рабочих были с одним жилым помещением, разделенным перегородками и сенями. Два, а то и три, окна дома и одно окно сеней были обращены на улицу. Автор этнографического очерка горнозаводского населения Урала в 1891 г. по поводу такого жилища писал:

«Домашняя обстановка у мастеровых заводских далеко лучше и опрятнее земледельческого крестьянства. Красивый снаружи, хоть и небольшой дом заводского крестьянина внутри почти всегда оштукатурен, разделен на две – на три комнаты, которые содержатся чисто и бело. Пол устлан половиками своей работы. Есть мебель своих заводских мастеров. У состоятельных заводских людей домашняя обстановка чисто городская. Особенно хорошо и в довольстве живут служащие в конторах»*.

* *Архангельский И.И. Этнографические очерки... С. 11.*

На рубеже XIX–XX вв. преобладающими становились двухкамерные дома в один этаж, а у состоятельных хозяев – в два этажа, при этом первый этаж использовался под кухню и мастерскую. Нередко жилище было пятистенным, когда две избы разделялись пятой капитальной стеной. В нем обычно поселялись большие семьи. Примеры подобного вида жилищ сохраняются в Молебке, Кыну, Суксуне, Лысьве, Нытве, Добрянке, Полазне, Пашии.

Процесс промышленного развития отразился на отделке жилых и общественных построек. Общей заметной тенденцией было покрытие крыш листовым железом и широкое использование металла, в том числе художественного. Решетки, скобы, петли, дверные запоры, воронки водосливов, наверхья дымовых труб (надымники) – устойчивое явление, кое-где сохранившееся до нашего времени (Павловский, Очер, Суксун, Лысьва, Пожва, Майкор). Во внутренней отделке дома получают широкое распространение штукатурка и побелка стен.

Обилие однотипных усадеб в заводских поселениях всегда сильно поражало приезжих. Эту особенность, например, сохраняет Молебка, бывшее заводское поселение, а ныне село на р. Сылве. Здесь распространен тип усадьбы, носящий название «на три коня». Для него характерно наличие трех примыкающих друг к другу двухскатных крыш: одна на доме, вторая на холодном дворе и третья на теплом дворе, амбаре, погребе, завозне, размещенных параллельно двору и дому. Но некоторые дома



Дверная ручка, изготовленная на Кыновском заводе в конце XIX в. Фото 2008 г.

в с. Молебка имеют четырехскатные крыши, как следствие развития типологии жилища. Они характерны для усадеб зажиточных рабочих, которые стремились к дробному членению жилой площади согласно ее функциональному использованию.

Богатые особняки в заводских поселениях единичны. Их мы обнаруживаем в Чермозе, Лысьве, Нытве, Суксуне, Очере, Пожве. Характерные больше для провинциальной архитектуры, они не могли не влиять на восприятие художественного облика поселения. Так, по отзыву очевидца, при Троицком (Соликамском) медеплавильном заводе А. Ф. Турчанинова «собственный дом заводчика построен в сем заводе... великолепным в сравнении со всеми строениями, находящимися во всем уезде Соликамском»*.

**Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. – СПб., 1772. – С. 100.*

Непрерывной частью убранства домов являлась деревянная и каменная резьба. В дереве преобладает пропильная (сквозная) резьба. В резном уборе заводского жилища обнаруживается большее, чем в селах и деревнях, разнообразие направлений классического, барочного и эклектического стилей. Но, несомненно, здесь немало примеров того, что в развитии декорирования жилища присутствовало влияние города и села. По данным этнографов, декорирование имело широкое распространение в конце XIX – начале XX в. Эта картина наиболее ярко предстает в Суксуне, Нытве, Юго-Камском, Очере, Павловском, Пашии.

К сожалению, декор рабочего жилища Прикамья никем не изучался, хотя эта форма бытования народного искусства широко сохраняется в наше время. Посещая некоторые заводские поселения, задаешь один и тот же вопрос: как возможно было достичь такого многообразия в бытовой художественной культуре и гармоничного воплощения его в соответствующей среде? Например, в поселке Павловском никого не оставят равнодушными печные трубы домов: над надетыми на них железными кожухами возвышаются миниатюрные елочки, а иногда и фигурки всадников на конях. В поселке Суксун удивляют резные витые полуколонны с капителями, которыми закреплены углы жилых домов.

Особенности заводского поселения отразились на одежде его обитателей. Здесь господствовал комплекс женской одежды с сарафаном (в его поздней разновидности прямого покроя), кокошником шамшурой (шашмурой). Но вскоре он трансформировался. С конца XIX в. женщины начали носить юбки, кофты, платки. Мужчины надевали рубахи, штаны, по праздникам – пиджаки, жилеты из фабричных тканей. Наря-



Шахтерский пос. Луньевка – владение Демидовых. Служащие, учителя, врачи.
Фото 1910 г.

*Н а н к а – грубая хлопчатобумажная ткань, именовалась по китайскому г. Нанкин.

ду с кафтаном, зипуном, азямом бытовали суконные и нанковые* халаты и троеклинки (одежда мужчин и женщин с отрезной талией, но без сборов). Многие современники отмечали щеголеватость в одежде заводского населения.

Новшества в одежду заводских жителей приходили с различной долей интенсивности. Люди состоятельные чаще покупали готовую одежду или шили ее из фабричных тканей. В тех поселениях, где усиленно развивались промыслы и торговля, например при Добрянском заводе, домотканина шла на рабочую одежду, а сарафаны, платья, фартуки шили из ярких фабричных тканей – ситцевых, атласных, кашемировых. Платки, шали, наколки из сатина становятся основными головными уборами. Изготовлением одежды на городской манер занимались свои швецы и портные. Обычно это были жены мастеровых и рабочих. Они шили пальто, сюртуки, рубашки с крахмальной грудью**.

**Киселевская С. Добрянский завод//Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. – Л., 1932. – Вып. 2. – С. 89–103.

В Юго-Камском поселке служащие и те из рабочих, кто приторговывал, надевали «сюртучный костюм», дополняя его перчатками и часами. Женщины любили носить казачки и юбки из одной и той же ткани. Среди молодежи распространялись шапки из материала, имитирующего каракуль.

Обувь тоже отличалась от крестьянской. Женщины надевали башмаки с резинками или на пуговицах, а мужчины – хромовые или лаковые сапоги. Чаще всего их шили местные чеботари. Девушки покупали



Жители поселка Очерского завода во время празднования 25-летия пастырской деятельности И. Топоркова. Фото 1915 г.

галоши, но носили их редко, как говорили, «больше на них смотрели»*.

Следствием проникновения в конце XIX в. в заводскую среду городского костюма является характеристика одежды, которую дал ей один из современников: «...одевается молодежь исключительно в немецкое платье»**, т. е. неместных фасонов.

Но при всех изменениях в одежде, которые происходили на рубеже XIX–XX вв., поразительной стойкостью бытования обладали традиционные сарафан, рубаха-косоворотка, кафтан. Несомненно, это было вызвано преобладанием в заводских поселках старообрядческого населения.

О традициях и новациях в народном костюме писал И. И. Архангельский:

«Заводского крестьянина вы всегда отличите по платью. Он одет щеголевато. Служащие заводские, равных положений и званий, носят немецкое платье, волосы стригут и часто, как чиновники, бреются. В подражание им и рабочая молодежь ходит стриженная, в сюртуках; носит длинные щегольские сапоги с калошами, в сухое даже время. Народ постарше одевается летом в зипуны (халат) шерстяные, самодельные и носит высокие, как цилиндр, шляпы. Старики и народ победнее ходят в лаптях. На работе: в кирпичной фабрике, при добыче руды, перевозке угля и проч., эта обувь считается самой удобной и легкой; ею тогда не гнушаются и заводские франты – молодые рабочие. Женщины по части нарядов из кожи, как говорится, лезут. Драповые бурнусы, модное пальто, кофты разной материи, платья шерстяные и шелковые – так

**Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX – начало XX в.)//Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. – М., 1960. – С. 140.*

***Новокрещенных Н. Н. Чермоозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. – СПб., 1889. – С. 55.*



Приказчики возле угольной копи «Жонес-1».
Луньевские копи Демидовых.
Фото начала XX в.

и пестрят в праздничное время в церкви или на гулянье... Впрочем, мастеровому и средства позволяют хорошо одеваться»*.

Нередко в заводских поселениях наблюдались глубокие процессы интеграции культурной среды всех слоев населения, причем результаты их осознавались самими жителями. О таком явлении, например, поведал священник В. Протопопов, прислав в 1849 г. в Ученый архив Русского географического общества «Этнографические сведения о жителях Юговского купца Кнауфа завода** Осинского уезда»:

«...население так между собой сблизилось, сроднилось, уравнилось, что нет никаких признаков различия... оно перестало обращать внимание на то, откуда их предки... живут и думают так, как будто они коренные здешние жители»***.

Результаты аналогичного процесса констатировал еще один наблюдатель:

** Архангельский И.И. Этнографические очерки... С. 9–10.*

***Ныне с. Калинино Кунгурского района.*

****РГО, р. 29, оп. 1, д. 19, л. 1–1об.*

*****Попов Р. Горнозаводский Урал//Отечественные записки. – 1874. – №12. – С. 331.*

«На Урале и теперь не редкость встретить не только в одном заводском округе, но и в одном заводе, потомков представителей как самых разнообразных типов русского народа, так и инородческого, даже иноземного населения. Но вся эта разнохарактерность происхождения сгладилась под гнетом общей доли и выработалась в особый, все-таки характерный тип горнозаводского рабочего. По отзывам всех наблюдателей, горнозаводские рабочие – одни из более развитых интеллигентных представителей рабочего класса, и даже крепостное право не могло окончательно обезличить их и забить, как обезличило и забило массу крестьянского населения»****.

Ярким примером своеобразия культуры и быта заводского населения является живая разговорная речь. Ее отличительные черты особенно проявлялись в сравнении с речью окружающего сельского населения. По этому поводу неоднократно высказывались разные свидетели языковой картины.

В обстоятельном исследовании «обособленности» местных «коренных хрестьян» – хлеборобов и окрестных заводских крестьян, осу-

щественном учителем А. Н. Гладких из с. Торговище на р. Сылве (в прошлом Красноуфимский уезд, а ныне Суксунский район) в 1913 г., указано:

«...помимо окающего вообще наречия крестьян употребляется женщинами еще “цеканье”; например, вместо общепотребительного *что* или *што* бабы говорят *це*, а мужики *чо*, или же *цю* вместо *чу* и т. п. Но это только среди земледельческого населения. Соседняя же заводские жители эти звуки произносят совершенно иначе: *ше* и *шю* вместо *це* и *цю* и т. д. Те и другие произношения служат нередко для выражения надсмешек сторон друг над дружкой. Заводские, например, дразнят и “обзывают” крестьян за слова: *цярь*, *цярца*, *дьяконица*, *курица*, *ейца*, *молоцьке*, *вымицьке*, *це*, *цево*, *цю-цево*, *черна немощь*, *цюця мокрая*; или (мужские выражения) *дьяконица*, *курица*, *ейца*, *чо*, *чево* и т. п. Заводских же в свой черед дразнят так: *сарь*, *сариса*, *дьякониса*, *куриса*, *яиса*, *молошько*, *вымишько*, *ше*, *шово*, *шю-шево*, *шерна немощь*, *шюшя мокрая* и т. п.

Но этот выговор не исключительная принадлежность всех окружающих здесь заводских жителей. Так только говорят в заводах бывших Демидовых; в заводах же бывших Осокина у жителей совершенно другое произношение, например: “*Ды я иму гьварил, ды он ни пьнимает*” и т. п. Да при том же еще в заводах есть единовольцы и староверы разных толков и согласий, начетники и начетницы, которые даже в обыденных иногда разговорах изъясняются церковно-книжным языком.

Одним словом, в нашей округе на пространстве каких-нибудь тридцати квадратных верст можно повстречать жителей: и коренных крестьян-землеробов, и татар, и черемис, и два разного пошиба заводских людей с разными наречиями и обрядностями. Живя по соседству, люди эти, как и всегда бывает с иноплемениками, иногда из-за каких-либо пустяков и поссариваются, и – бывает опять – “*гостятся да подшуются*”^{*}.

Языковые различия, о которых мы говорим, были настолько значительными, что о них долго помнили старожилы. Так, В. И. Винокуров, родившийся в 1903 г. в д. Березовке (в прошлом Красноуфимский уезд, а ныне Суксунский район), вспоминал:

«Жители сел Березовки, Молебки называли себя заводскими, а всех других в деревнях – крестьянами. Заводские люди были бойкими. Разговор у них особый. Они *шокали* и *сокали* (т. е. употребляли *ш* и *с* на месте *щ* и *ц*. – Авт.)»^{**}.

Из приведенных характеристик видно, что понимание речевых и бытовых различий служило противопоставлению *мы* – *они* и обеспечивало понимание более четкого представления о том, кто житель заводского поселения, а кто – села и деревни. Так, жителей поселка Суксунского завода во всей округе называли *заводскими* и *заводщиной*. Крестьяне при этом подчеркивали:

«Они не пашут, не сеют, продукты им в заводе хозяин выдает.. заводские заносились перед деревенскими: дескать мы завод, не какая-то деревня...»

**Гладких А.Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговищского Красноуфимского уезда Пермской губернии//Труды Пермской ученой архивной комиссии. – Пермь, 1913. – Вып. X. – С. 24.*

***Полевые материалы автора, полученные в 1993 г.*

Аналогичная картина наблюдалась в с. Тис Суксунского района. Несмотря на то, что Тис с закрытием завода утратил статус заводского поселения, за жителями не только прежде, но и в наши дни, как в случае с Суксуном, сохраняется наименование *заводские* *.

**Полевые материалы автора, полученные в 2009 г.*

Одной из устойчивых черт семейного быта заводского населения является ее постоянное дробление за счет отделения женатых сыновей на сторону, «чтобы жить им своими семьями». Этот процесс в заводских семьях развивался намного быстрее, чем в сельских. Многие молодые стремились обособиться от родителей. Если не было собственного жилья, снимали частную квартиру. Нередко молодые оставались с родителями, но вели свое хозяйство.

Заводские семьи состояли в основном из двух поколений – родителей и детей. Большие семьи, тем более братские, не получили распространения, что было связано с характером занятий: работать приходилось в основном на производстве.

Во многих поселениях наблюдался постоянный прилив новых семей, которые находились в стадии становления: из сельской местности шел приток молодых людей, мечтавших стать постоянными жителями при заводах. Как уже говорилось, на первых порах существования заводского поселения сюда в поисках работы прибывало немало крестьян. Закрепившись на заводе, они привозили своих земляков.

Заводская работа была главным источником существования. Она же и определяла общественную жизнь и распорядок в семьях. Так как родители трудились на производстве, на детей ложилась большая доля домашних работ.

Показательно, что заводская молодежь, как правило, не вступала в браки с крестьянами. Тот же учитель А. Н. Гладких из с. Торговище считал эту ситуацию «не маленькой даже обособленностью», подчеркивая:

«Браки между ними очень редки; несмотря на то, что те и другие живут бок о бок, "в сусидях", и постоянно, как ранее "из покол-век", так и "осю-пору" имели и имеют делово-хозяйственные сношения между собой: заводские как потребители, а простые крестьяне как производители и поставщики продуктов обработки земледелия»*.

Однако стоило в поселке закрыться заводскому производству, как обособленность эта начинала сглаживаться. Дело в том, что бывшие заводские люди вынуждены были братья за «рогаль», т. е. за соху:

**Гладких А.Н. Крестьянские свадебные обряды... С. 6.*

***Там же.*

«...и на этой, в буквальном смысле, почве явилась общность интересов, разрозненных различными видами труда, сторон. Соседи заводские становились учениками коренных хлеборобов – крестьян "мешков", как их ранее величали заводские»**.

Культурный потенциал заводских поселений всегда оставался достаточно разнообразным и высоким. Здесь были больницы или госпитали, действовали различные учебные заведения. Каждый раз появление их становилось событием. Так, «Пермские губернские ведомости» в 1899 г. сообщали, что в поселке Кыновского завода состоялось «открытие и освящение нового здания больницы, устроенной заводоуправлением по всем требованиям современной медицины»*. Вскоре больница получила статус госпиталя Кыновского горнозаводского округа. Здание этого лечебного учреждения сохранилось до нашего времени.

*ПГВ. – 1899. – № 222.

К нуждам заводской службы были приспособлены школы для детей мастеровых и непременных работников в Чермозе, Пожве, Добрянке, Полазне, Лысьве. Когда требовалось обучать детей техническим знаниям и ремесленным специальностям, учителями становились представители чиновничества заводского ведомства. Дети заводских служащих обладали правом бесплатного обучения, в чем виден сословный подход. Лучшие ученики по распоряжению заводского начальства направлялись для обучения в специальные учебные заведения – Уральское горное училище, Горную техническую школу, Пробирное училище и Школу земледелия и горнозаводских наук С. В. Строгановой в Санкт-Петербурге.

Наравне с казенными и заводскими учреждениями развивалось и частное обучение.

Заводские поселения являлись центрами развития науки, литературы, искусства. Здесь формировались творческие кадры, внедрялись передовые достижения и распространялись научные знания. Так, в Чермозе в 1829 г. по проекту архитектора И. М. Подьячева строится церковь Рождества Богородицы с часами-курантами, изобретенными заводским механиком Е. Епишиным. На двух циферблатах, размещенных на западном фасаде церкви, по-



Село Кын-завод. Здание больницы-госпиталя Строгановых, построенное в 1899 г. Фото 2008 г.



Пос. Всеволодо-Вильва. Дом управляющего именем и заводами С. Т. Морозова (с 1890 г.). Восстановлен в 2008 г. Фото 2009 г.

казываются часы и минуты, месяцы года и дни месяца, фазы Луны в соответствии с датами. Архитектор А. З. Комаров проектирует Свято-Митрофаньевскую церковь в поселке Добрянского завода. Художник И. Н. Поляков, выпускник Чермозского художественного училища, создает видовые заводские пейзажи Чермоза, Полазны, пишет иконы для местных храмов*.

**Крепостные и забытые живописцы Прикамья конца XVIII – первой половины XIX века: каталог выставки. – М., 1990.*

На Пожевском чугуноплавильном и железодобывательном заводе под руководством выдающегося инженера, основоположника порошковой металлургии П. Г. Соболевского в 1817 г. были построены два первых камских парохода и созданы термолампы – источники газового освещения. Здесь же в 1839 г. строится первый отечественный паровоз широкой колеи. Типичная для русского классицизма постройка – дом владельца Пожевского завода – возводится в 1812–1817 гг. по проекту архитектора П. Д. Шретера.

В поселке Очерского железодобывательного завода инженер-механик Н. И. Мальцев и горный инженер П. А. Вологдин в 1885 г. устанавливают солнечные часы. Служащие и рабочие Лысьвенского горного округа сооружают в 1908 г. памятник бывшему владельцу округа графу П. П. Шувалову: проект по их заказу выполнял известный скульптор Л. В. Шервуд (1871–1954).

Поселок Полазна – родина писательницы А. А. Кирпищиковой, в творчестве которой запечатлена жизнь заводского населения. Из крепостных заводчиков Всеволожских вышел писатель И. С. Сигов. В его романе «На старом Урале» и других произведениях представлена живая, реалистичная картина общественной и культурной жизни Пожвы и Майкора. В поселке Пашийского завода в семье священника родился известный математик И. М. Первушин. Признанием его открытий явилось избрание членом Петербургской и ряда зарубежных академий наук.

О благодатной заводской среде, в которой появлялись талантливые люди, очень образно сказал писатель В. И. Немирович-Данченко:

«Заводский народ в высшей степени способен и любознателен. Трудно сказать, что бы выработалось из него при других условиях!.. На заводах встречаешь превосходных механиков, выработавшихся у машин без всяких научных сведений. Они изобретают новые приспособления, упрощают старые. По общему отзыву специалистов, наши мастера, начавшие свое воспитание у кричных печей и кончившие его в столярной мастерской, иногда затыкают за пояс немцев-механиков... В старое время Строгановы и Демидовы сотни таких самородков выводили на широкую дорогу»**.

***Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал: очерки и впечатления. – СПб., 1904. – С. 234.*

Центрами распространения научной и художественной информации в заводских поселениях являлись библиотеки, существовавшие при управлениях заводами. Они отличались богатством изданий, в том числе периодических, которые пользовались спросом служащих.

Особым явлением культуры были театры, которые действовали почти при каждом заводе. Отнюдь не следует соглашаться с мнением некоторых исследователей, что в российской провинции театров было меньше, чем в столице. Наиболее ярко протекала театральная жизнь в Очере, Пожве, Чермозе, Лысьве, Кыну, Суксуне. Почти каждый спектакль становился праздником для населения.

Нередко театральные коллективы приглашались не только на общественные, но и на семейные вечера. Так, В.Н. Берх, служивший советником Пермской казенной палаты, по случаю отъезда в Санкт-Петербург в 1821 г. устроил «пермякам подарок» – выступление приглашенных актеров крепостных театров из Очера и Пожвы.

По сообщению «Пермских губернских ведомостей», любители сценического искусства поселка Кын в конце XIX в. организовали театр, «дающий возможность обывателю получить эстетическое удовольствие, так необходимое и полезное в нашем уголке. 21 ноября ставились “Жертва за жертву”, драма Дьяченко, водевиль “Картинка с натуры”»*.

Писатель В. И. Немирович-Данченко, побывавший в 1875 г. в поселке Александровского завода, в своих очерках отметил:

«Вообще рабочие, занимающиеся в механической мастерской, являются уже гораздо более развитыми, чем остальные. Они очень много читают, и не одну беллетристику, газеты для них делают и потребностью. Здесь, например, в механической мастерской целые спектакли ставят, и часто. Недавно играли “Жениху” Гоголя, “Доходное место” Островского, “К мировому” В. Александрова. Вообще же в большом ходу здесь репертуар Островского. Нет такой пьесы его, которая бы здесь не была поставлена. По общим отзывам, играют отчетливо и толково. Зрителями являются администрация и рабочие со всего завода. Бывает человек до полутораэта»**.

*ПГВ. – 1899. – №261.
** Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал... С. 125-126.

Таким образом, заводские поселения в течение длительного времени оставались крупными центрами производства и культуры. Промышленные предприятия были главными факторами их образования и развития. Культура и быт подчинялись нуждам производства и, как следствие, обретали своеобразие, обусловленное спецификой такого поселения. В этом видится воплощение принципа утилитарности.

На первых порах существования поселка заводское население в большей степени являлось носителями традиционной (крестьянской) культуры. Но по мере развития производства, торговли, образования



Александровск. Фото 2009 г.



Герб г. Александровска: «В поле, пересеченном лазурью (синим, голубым) и серебром, – стоящий юноша, увенчанный княжеской шапкой, в черном длинном кузнечном фартуке поверх серебряной одежды и черных туфель, правой рукой опирающийся на обращенный золотой рукоятью вверх черный кузнечный молот, а в левой руке держащий черное ядро, сопровождаемый в левом нижнем углу шестью таковыми же ядрами, сложенными пирамидально (один, два, три)». Утвержден решением Земского собрания от 24 ноября 2005 г.

в его повседневную жизнь проникали элементы городской культуры и быта.

Приведенных примеров, думается, уже достаточно, чтобы убедиться в правильности определения заводских поселений «городами-заводами». Подробные и конкретные их описания в последующих очерках должны еще более уверить нас в этом.

Города-заводы несомненно следует считать историческими поселениями, поскольку они соответствуют критериям, которые мы предъявляем для отнесения поселений к этому статусу: 1) давность

**Чагин Г. Н. Исторические поселения Прикамья: наследие, принципы и методы изучения / Исторический вестник университетов Люблины и Перми. – Ljubljana – Пермь, 2007. – С. 144–148.*

возникновения и продолжительность существования поселения; 2) реализация функций поселения в объектах культурного наследия; 3) признание обществом наследия поселения, восприятие его как памятника культуры и позиционирование жителями себя в его историческом пространстве*.

* * *

В основе предлагаемой книги «Города-заводы» лежит немало нового материала, позволяющего проследить закономерности формирования, характерные особенности, этапы развития заводских поселений, а в целом складывание горнозаводской (индустриальной) культуры и соответствующего ей мировоззрения.

Многоплановость развития заводских поселений обусловила выбор методологической основы исследования с использованием междисциплинарного подхода: многие аспекты изучались авторами-историками в тесной взаимосвязи с такими дисциплинами, как культурология, демография, этнология, религиоведение, фольклористика, искусствознание.

При создании очерков авторы опирались на современные теоретико-методологические подходы и методы.

Социокультурный подход позволил рассматривать культуру заводских поселений как широкий спектр социальных явлений, представляющих собой одновременно средства и результаты общественного функционирования и развития. При таком подходе открылась возможность показать взаимосвязь социального статуса населения и культурного развития заводского поселения. Одновременно принималось во внимание, что социокультурная трансформация является одним из показателей общественного прогресса, в котором воплощаются мотивы деятельности общества, социальные и духовные идеалы.

Заводские поселения изучались как средоточие различных субкультур, для которых было характерно проявление и традиций, и новаций. Авторы старались также показать их влияние на содержание социокультурного развития Пермского края. В связи с этим в научный оборот введено множество новых источников.

Изменение качества жизни населения заводских поселков прослежено с применением историко-культурологического подхода. Для этого широко использован метод «персонификации истории», который позволил на примере отдельных личностей и династий не только конкретизировать процессы и события, но и всесторонне показать картину духовной жизни населения, тенденции к рационализации и индивидуализации мышления и морали. При этом внимание уделялось этническому аспекту происходивших явлений.

При изучении социально-демографических процессов широко применялась статистическая обработка первичных данных о народонаселении, этническом и социальном составе населения, степени освоённости территории.

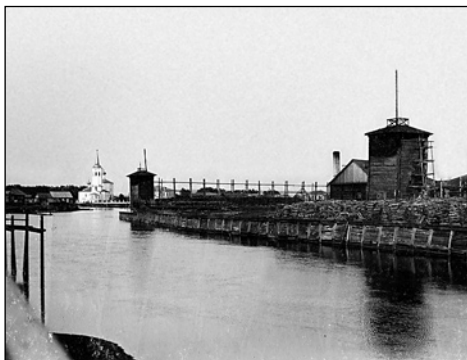
*В числе тех, кому следовало бы непременно посвятить очерки, города Александровск, Кизел, поселки Всеволодо-Вильва, Кусье-Александровский, Бисер, село Кува. В аннотациях серии «По городам и весям Прикамья» мы высказывали намерение подготовить очерк о г. Чусовом, но отказались от этого намерения потому, что в Чусовом не сложилась та историко-культурная среда, которая сформировалась в заводских поселениях, основанных в XVIII – начале XIX в. Чусовой возник поздно, в 1878 г.: в связи, во-первых, с постройкой Горнозаводской железной дороги как станция Чусовская, и, во-вторых, с основанием металлургического завода французскими предпринимателями (в 1894 г. построена первая домна, статус города поселок получил в 1933 г.). Это, по сути, новый город, уже советской эпохи.

Надеемся, что издание послужит не только целям образования, но и будет иметь значение для новых исследовательских достижений, тем более что еще многие заводские поселения Пермского края остались неохваченными*. В целом же наш труд призван внести существенный вклад в региональную историографию заводского населения, активно участвовавшего в модернизации общества.

Наши описания начинаются очерком о г. Дедюхине: среди всех заводских поселений Пермского края он имел особый статус горного города. Порядок последующих описаний определен одним фактором – по основным владельцам заводов. Сначала идут очерки о Пожве и Майкоре, длительное время принадлежащих Всеволожским, затем о Чермозе и Полазне, которыми владели Лазаревы и Абамелек-Лазаревы. В один ряд поставлены очерки о Добрянке, Очере, Павловском, где заводы принадлежали Строгановым. Далее идут очерки о Нытве и Пашии, развивавшихся в вотчине Голицыных. Завершается книга очерками о Лысьве – владении Шуваловых, и Суксуне, наиболее яркие страницы которого связаны с Демидовыми.



Чусовой. Фото 2007 г.





ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕДЮХИН

XVII–XVIII вв.

*«Занимаемая местность образует
низменную, лесистую и болотистую
долину, усеянную холмами,
топями и кочковыми лугами...»**

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Два города – Березники и Усолье – разделены р. Камой. В 1982 г. через Каму был построен мост. К северу от дамбы, ведущей на мост, на низком левом берегу реки, есть место, полузатопленное и заросшее осокой. В 90-е годы прошлого века здесь пытались добывать грунт, и мощные борозды от тяжелой гусеничной техники еще заметны на поверхности. В глубине одного из небольших заливчиков, пронизывающих левый берег, видны деревянные останки старой пристани. Это топкое место да заброшенная пристань – все, что осталось от горного города Дедюхина, разрушенного и полузатопленного Камским водохранилищем.

К юго-востоку от бывшего Дедюхина находятся развалины Ленвенской церкви. К северо-западу, на другом берегу Камы, возвышается Пыскорский мыс – место первой уральской резиденции Строгановых и их монастыря. На юго-западе располагалось Новое Усолье, ныне г. Усолье. Ниже по р. Каме, на юге, при устье речки Яйвы, существовал строгановский Орел-городок.

Предыстория Дедюхина началась 4 апреля 1558 г.: Строгановы получили от Ивана IV жалованную грамоту на земли по р. Каме – от устья

*В заголовках главков использованы цитаты из подлинных документов. Все цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации источника, за редкими исключениями, когда использование современных правил и знаков препинания необходимо для прояснения смысла.

**Подробнее об этом см.: Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села. – Пермь, 2005.*

речки Лысьвы и Пызновской курьи на севере до р. Чусовой на юге*. На месте древнего городища, в устье р. Пыскорки, Строгановы строят городок Канкор, а в 1570 г. передают его Пыскорскому монастырю.

В «Сведениях о Дедюхинском солеваренном заводе», опубликованных в «Горном журнале» за 1827 г., дается самая ранняя дата основания Дедюхина:

«Известно... что солеварни построены монахами Пыскорского Преображенского монастыря, и как полагать надобно, около 1600 или не позже 1606 года».

Существуют два предания о ранней истории камских вотчин Строгановых. Одно связано с Орлом-городком: на том месте, где впоследствии возник городок, рос лес; в лесу свил гнездо огромный орел; однажды этот орел похитил ребенка из *Дедюхина*, и Аника Строганов, преследуя орла, нашел гнездо и убил птицу. На том месте и возник Орел-городок. Другое предание гласит, что владелец Орла-городка назывался «*дедюхинским князьком*». Оба предания указывают на несомненную древность поселения и предполагают его возникновение, по крайней мере, во второй половине XVI в. Однако это не подтверждается документальными свидетельствами.

В переписях 1579 г. и 1623–1624 гг. по вотчинам Строгановых Дедюхин не упоминается. Первые сведения в дошедших до нас документах о «Рождественском Усолье, Дедюхино тоже» относятся ко второй половине XVII в. В 1674 г. Дедюхинский соляной промысел достался Пыскорскому Спасо-Преображенскому монастырю. Известно также, что место будущего Дедюхинского промысла было расчищено монахами от леса, использовалось под выгон и называлось «росчистями монастырскими».

Опираясь на эти и иные дошедшие до нас сведения, можно реконструировать раннюю историю Дедюхина следующим образом. Получив от Строгановых в 1570 г. Пыскор (Канкор), Спасо-Преображенский монастырь начинает хозяйственное освоение близлежащих земель. Прежде всего монахов интересует соль – главный в то время источник богатств на Урале. Монастырь ставит первую варницу и получает жалованную грамоту на безоборочную варку соли. К 1634 г. у него были уже 3 действующие варницы на Побоищном острове, а еще одна заложена на речке Нечаихе. В это время начинаются судебные разбирательства монастыря с Г. Никитниковым: тот пожаловался в Москву, что монахи расширили свой промысел, а деньги в казну не платят, и попросил передать варницы ему, обещая платить по 200 руб. оброка. Судебные

разбирательства 1640–1641 гг. были выиграны монастырем (не без помощи Строгановых), и промысел продолжил расти и развиваться: в 1647 г. за ним числилось уже 7 варниц.

В 1649 г. был принят новый свод законов Российского государства, известный как Соборное уложение. Ряд его положений был направлен против роста монастырского землевладения. С 1652 г. новые законы стали исполняться, и Пыскорский монастырь потерял пашенные земли и сенные покосы. Всплыло дело о неплатежах оброка с новых варниц. У монастыря было конфисковано 5 лучших варниц, и на их основе создан казенный Усть-Зырянский соляной промысел. Доходы монастыря резко упали. Чтобы исправить положение, в 1654 г. архимандрит Евфимий, ссылаясь на низкое качество оставшихся за монастырем варниц, обращается в Москву с просьбой разрешить строительство новых варниц, обязуясь платить с них оброк. Такое разрешение было получено, строительство новых варниц на Побоищном острове началось. Закрепляя успех, в 1663 г. монастырь запрашивает в Москве разрешение на новые варницы, ссылаясь на то, что варницы на Побоищном острове по весне затапливает, и трубы уже несколько раз вымывало паводком в Каму. И опять разрешение на строительство получено – с тем условием, что новые трубы и варницы должны быть возведены на монастырской земле, а по возведении обложены оброком. Вероятно, это решение и положило начало новым Дедюхинским, или, как писалось в документах XVII в., Рождественским промыслам монастыря.

В исторической литературе бытует мнение, что Дедюхинские промыслы могли быть изначально устроены Строгановыми. Однако это заключение противоречит содержанию договора между Пыскорским монастырем и Г. Д. Строгановым от 23 сентября 1699 г. Суть договора заключалась в том, что выварка соли в монастырских варницах не должна превышать 90 тыс. сапец* (540 тыс. пудов) в год. Но нас интересует иное: в документе подчеркивается, что все земельные угодья получены монастырем в XVI в. от Строгановых, при этом Строгановы сохранили за собой право распоряжаться этими землями, в частности лесом. Монастырь же самовольно, не спросив разрешения Строгановых, в нарушение условий пользования землей устроил крупный соляной промысел. Содержание договора напрямую свидетельствует о том, что к строительству Дедюхинских промыслов Строгановы отношения не имели.

Исследователь истории и хозяйства Пермской губернии Н. С. Попов, а за ним и другой краевед, дедюхинский врач Д. Петухов указывают на

*Сапец – мера спиртных напитков и соли, равная 6 пудам, или 98,3 кг.

то, что в 1674 г. Дедюхинский соляной промысел достался Пыскорскому Спасо-Преображенскому монастырю действующим. На этом основании делается вывод, что соляные разработки здесь были устроены кем-то другим, не монастырем. Однако слова о передаче действующего соляного промысла можно истолковать и иным образом.

24 июня 1668 г. соликамскому воеводе Б. Г. Бухвостову пришла грамота из Москвы. В грамоте был запрос: построил ли Пыскорский монастырь новые варницы, и обложены ли эти варницы оброком? Если варницы построены и «прежних варниц угоднее и лутчи, и на них оброк положить больши», а оброк следует положить с 1663 г. Но сведений об оброке с новых варниц в казну нет. Из этого можно сделать вывод, что они еще не были устроены. Надо сказать, что посадка рассолоподъемных труб – занятие долгое и кропотливое и по времени может занимать не один год. Платить же оброк с промыслов, которые не дают никакого дохода, мягко говоря, расточительно, и, судя по всему, Пыскорский монастырь был заинтересован в том, чтобы оттянуть время оброкообложения до того момента, когда промысел начнет действовать. Есть основания полагать, что это удалось: в 1674 г. монастырь, говоря современным языком, ввел промысел в эксплуатацию, и с этого момента, а не с 1663 г., стал платить государству оброк.

Но как же быть с преданиями о древности Дедюхина, как быть с самим названием «Дедюхин»?

Предания как исторический источник крайне ненадежны. В них всегда путаются правда и вымысел; исследователи не раз отмечали, что события, происходившие в разное время, в устных преданиях могут объединяться, переплетаться самым причудливым образом, теряя хронологическую последовательность и существовать в одной временной реальности. Топонимика, наука о географических названиях, дает более четкие ответы: если за местом, на котором возник промысел, вдобавок к новому названию «Рождественское Усолъе» прибавлялось старое, народное «Дедюхино», значит, нужно искать какого-то Дедюхина, жившего в этих местах. Вот что об этом еще во второй половине XIX в. пишет один из первых исследователей истории Дедюхина, врач и краевед Д. М. Петухов:

«Самое имя промыслов показывает, что их завел Дедюхин. Иначе как же бы им усвоилось это имя? Хотя монастырь и переименовал их в Рождественское Усолъе, но оно к нему не привилось, и старое имя неумолчно слыло в устах народа; и потому-то в договорной записи для пояснения села Рождественского прибавлено и Дедюхино тоже. Несмотря на усилия письменности, древнее основное имя пережило новое прививное, и Дедюхино сохранилось под первобытным именем своего основателя. Надо полагать, что Дедюхин долго владел

своим промыслом в старые годы. Иначе не упрочилось бы за ним названия старинного владельца»*.

**Петухов Д. Горный город Дедюхин и окольные местности. – СПб., 1864. – С. 21.*

Эту же точку зрения высказывают и современные историки. По их мнению, название поселения происходит от имени собственного, от имени некоего выходца из Центральной России. Большинство историков утверждают, что промыслы основал Дедюхин, затем эти промыслы были присвоены Пыскорским монастырем «таким же способом, каким Строгановы приобрели варницы у Шуваловых и Филатьевых» – т. е. исправлением одних документов и уничтожением других, путем судебных разбирательств. Документы, в которых фигурировал бы действительный основатель промыслов Дедюхин, впоследствии были уничтожены.

Попробуем разобраться с этой версией.

Фамилия Дедюхин действительно достаточно распространена в Центральной России. Как утверждают филологи, она образована от имени Дедюха – сокращенной формы древнерусского Дедослав, либо от календарных имен Дидор или Дидот (что значит «Дар Зевса»). Приспособливаясь к русскому произношению, эти имена получили формы Дедор, Дедот, а затем Дедюха.

Однако в документах, касающихся древней истории интересующих нас земель Верхнего Прикамья, можно найти только одно упоминание Дедюхина: в переписи Елизарова 1647 г. указывается кузнец Никитка Прокопьев сын Дедюхин, только вот проживал он в с. Слудка и вряд ли имел отношение к Дедюхинским промыслам. Среди жителей Дедюхина такая фамилия не встречается вовсе, что очень странно: в д. Малютиной всегда есть Малютины, в Елькиной – Елькины, в Дедюхине же Дедюхиных нет как нет. Странной также выглядит версия Д. Петухова, что Строганов отправлял в Москву оброк, который доставлял на Орел-городок некий Дедюхин, за что и прозывался «дедюхинским князьком». Однако термин «дедюхинский князек» указывает на владение территориями, а не на то, что кто-то выступает посредником при сборе налогов.

Быть может, есть тому иное объяснение?

Дедюхой, согласно В. И. Далю, называли лихорадку. А вот что пишет об особенностях местности, где располагался горный город Дедюхин, тот же Д. Петухов:

«Низменно-болотистое местоположение, служа источником гниющих испарений, способствует развитию болезней гнилостного свойства, увеличиваемого ежегодно широким и продолжительным разливом Камы... в окружающих же болотах застойная и проточная вода в истоках покрывается у берегов ржавчиной; и туземцы, бродя в ней, получают рожистые воспаления либо желтые огромные

пузыри... влекущие за собой мокрые сыпи... Животные же в прежние и недавние времена, напившись болотной воды либо надыхавшись ее испарений, иногда очень скоро издыхали во множестве... Болезнь шла быстро и продолжалась...

**Петухов Д. Горный го-
род Дедюхин... С. 212.*

четверть, полчаса и много два часа; а иногда захворавшая лошадь почти мгновенно издыхала*.

Быть может, под названием «Дедюхин» скрывается вовсе не фамилия таинственного создателя промыслов, но болезненные явления, вызываемые в этой местности суровыми природными условиями? Быть может, название расшифровывается не как «место, принадлежащее Дедюхину», а как «Нездоровое место», «Лихорадкино»? Тогда становится понятно, почему недавно расчищенные от леса, следовательно, не занимаемые никакими промыслами, земли уже имели свое название, и почему в древних преданиях, описывающих то время, когда поселения Дедюхин не существовало, такое название уже было в обиходе.

Конечно, это всего лишь гипотеза – не самая романтическая из существующих, но увязывающая противоречия прочих догадок. К сожалению, вряд ли отыщутся письменные документы, которые позволят однозначно решить вопрос о происхождении названия. Наверное, только археологи позволят уточнить время возникновения поселения на месте Дедюхина.

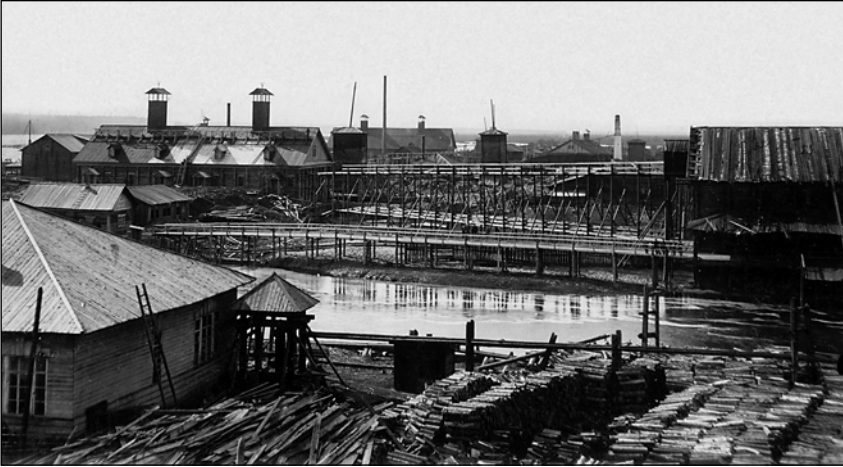
Пока же, опираясь на сохранившиеся сведения, можно заключить, что поселение Дедюхин возникло во второй половине XVII в., где-то между 1670 и 1674 гг. – не очень точная, но вполне определенная дата.

*«...и теми варницами нам,
архимандриту с братиею, соли варить
на всякий год по 90 000 сапец...»*

СОЛЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Соляные пласты под Дедюхином находились сравнительно неглубоко: на 40–45 сажень от поверхности земли, т. е. на 85–95 м. Для сравнения заметим, что самые глубокие из скважин, пробуренные с целью добычи соли в Прикамье в это время, достигали отметки 200 м.

Процесс солеварения начинался с конца июня (в современном месяцеисчислении), после того как отступала паводковая вода. Паводок, затопивавший хозяйственные площадки, естественным образом очищал трубы и подчрненные печи от скопившихся мусора и грязи. Соль варили на протяжении 264 дней – до начала следующего паводка, ко-



Вид на солеваренный завод. Фото начала XX в.

торый приходился на конец апреля – середину мая. Период работы промыслов – от паводка до паводка – назывался «варничным годом».

Технология получения соляного раствора и выварки соли со временем менялась незначительно – разве что к концу XIX в. ворот и бадью заменили насосы, а приводить в движение поршень насоса, используемого при выкачке рассолов, стали паровые машины.

Как добывали соль? Сначала по ряду сложных и не всегда ясных признаков выискивали место, где слой грунта, прикрывающий соляные пласты, был тоньше. На выбранном месте ставили рассолоподъемную трубу. Для этого рыли квадратную яму величиной в две сажени – рыли до тех пор, пока не показывались грунтовые воды. Потом внутрь ямы опускали деревянный сруб, а в центре делали круглое углубление для *матицы* – толстого древесного ствола с отверстием в сердцевине, деревянной трубы. С помощью мехов, сверл и долота отверстие углубляли, вынимая грунт через матицу; сама же матица при этом уходила все глубже и глубже в землю. Когда заканчивалась одна труба, к ней наращивали следующую – до тех пор, пока скважина не натыкалась на пласт соляного рассола. Изначально рассолоподъемная труба состояла из одной матицы; позднее, для того чтобы предотвратить загрязнение соляного раствора и разбавление его грунтовыми водами, стали использовать дополнительные трубы, опускаемые одна в другую – *обсадную* и *веслую*. В середине XIX в. в Дедюхине спуск рассольной трубы производился силами восьми человек под надзором двух подмастерьев. Работа шла в две смены, без перерыва. Иногда на спуск одной трубы уходило до восьми лет.

Над трубой строили деревянную башню высотой в несколько саженей. Поднимаемый соляной раствор отводили с помощью деревянных желобов в специальные *лари* – деревянные, не пропускающие влагу резервуары емкостью от 8 до 17 ведер. Из ларей рассол по трубам направляли в варницы. В помещении варницы устанавливался *чрен* (црен) – большой плоскодонный сосуд из котельного железа, наполняющий большую сковороду, в котором кипятился рассол. Чрен прикрывался деревянной крышкой (ее называли *полати*), в середине которой была труба для отвода пара. Когда влага из раствора выпаривалась, загустевшую соль деревянными лопатами выбрасывали на полати, где соль окончательно просушивалась, после чего ее загружали в мешки и отправляли в соляные амбары. За сутки в каждой дедюхинской варнице выпаривалось от 350 до 450 пудов соли, при этом сжигалось 6–7 саженей дров.

Готовую соль складировали в специальных помещениях – *магазинах*, оттуда ее грузили на суда и сплавляли вниз по Каме.

В XVII в. Дедюхин находился на острове. Два больших протока р. Камы проходили к востоку и западу от него. Затем, в результате подвижек русла, восточная протока обмелела и пересохла, и Дедюхин оказался соединен с низким берегом. Историк XIX в. и уроженец Дедюхина А. А. Дмитриев писал:

**Дмитриев А. Пермская старина. – Вып. II. – Пермь, 1890. – С. 202.*

«При старом же течении в местности нынешнего Дедюхина существовало не один, а несколько островов, которые носили название Меркурьевых островов... получивших свое название от солепромышленника Меркурьева»*.

Большую часть территории города занимал солеваренный завод, продолжавший действовать вплоть до затопления города водами Камского водохранилища в середине XX в.

В XVII в. Дедюхинские соляные промыслы располагались в низменной и болотистой местности. Здесь чередовались холмы, топи, кочковые луга. На многих лугах были небольшие озерца с нездоровой, вредной для людей и животных водой. Первоначально соляные промыслы Дедюхина (в более поздние времена их назовут Нижними) располагались в северо-восточной части поселения.

В 80-е гг. XVII в. на Дедюхинских промыслах в 10 варницах добывалось до 210 тыс. пудов соли ежегодно. Производительность промыслов с каждым десятилетием увеличивалась: может быть, сказывался растущий опыт мастеров, может быть, все ниже заглубляемые трубы давали более концентрированный соляной раствор. По договору между Г. Д. Строгановым и Пыскорским монастырем 1699 г., выварка соли

на монастырских промыслах ограничивалась 540 тыс. пудов в год, и есть основания предполагать, что Г. Д. Строганов добивался уменьшения производительности предприятий этого своего конкурента.

В 1732 г. для контроля за деятельностью монастырских промыслов в Дедюхине учреждается Пермское соляное комиссарство. Оно просуществовало до 1759 г. В 1764 г. заводы Дедюхинский и Березниковский (выстроенный на Березовом острове до 1623 г.) по указу Правительствующего сената были отобраны у Пыскорского монастыря в казну и поступили в ведомство соликамского воеводы, затем – Пермского соляного правления в Соликамске. В 1781 г., после открытия Пермского наместничества, Дедюхинские промыслы поступили в ведение Казенной палаты.

Производительность промыслов росла. В 1764 г. в дедюхинских варницах было получено 542 036 пудов соли, в 1773-м – 1 118 328 пудов.

«...а в нем церковь соборная...»

СТРОИТЕЛЬСТВО ЦЕРКВЕЙ

В ранних документах по истории Дедюхина этот населенный пункт именуется *селом* Рождественским. Уже в начале его существования попечением архимандрита Пафнутия здесь была выстроена церковь. На ризе переданной в церковь иконы Рождества Христова была вычеканена следующая надпись:

«Сей образ написан в молитвенный храм Спасов в Рождественское Усолье в 1684 году при архимандрите Пафнутии с братиею тщанием их. Присылать сию икону в монастырь к Спасу по вся годы на Рождество Христово. На утрие Рождества соборне провожая к подгорной церкви петь молебен и литургию служить и проводя в Рождественском молебен же петь».

Первая церковь была деревянной и стояла по левую сторону канала, разделявшего Дедюхин на две части. В середине XIX в. на месте старого деревянного храма была небольшая каменная часовня. В переписи дьяка Сибирского приказа Алексея Аникеева по вотчинам Пыскорского монастыря за 1711 г. в Дедюхине значится еще один храм:

«...того ж Пыскорского монастыря село Дедюхино, а в нем церковь соборная во имя Пресвятыя Богородицы»*. **РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1149, л. 13.*

Вероятно, на месте этого собора в Дедюхине была впоследствии заложена каменная церковь. Впрочем, не исключено также, что «молитвенный храм Спасов» – это один из приделов соборной Богородиц-

кой церкви. Во всяком случае, в переписи 1711 г. в Дедюхине упоминается только один храм.

Сложности в реконструкцию церковного строительства Дедюхина добавляет и название поселения – Рождественское Усолье. Если следовать логике, в Дедюхине должна была существовать Рождественская церковь.



Христорождественский собор. Репродукция картины Л.П. Старкова. 1950 г. Из собрания Березниковского историко-художественного музея

Одноглавый Христорождественский собор был заложен в 1730 г. по благословию епископа Вятского и Великопермского Алексея и сооружен также на средства Пыскорского ставропигиального Преображенского монастыря при непосредственном участии монастырского архимандрита Даниила. Строительство было завершено в 1739 г. Христорождественский собор был покрыт листовым железом и выкрашен зеленой краской.

Собор был сооружен «на палатах», т. е. в нижнем этаже под всю церковь и алтарем находились просторные помещения, с окнами и дверями, запирающимися железными ставнями. В этих помещениях до 1865 г. помещались гауптвахта и казначейство Дедюхинского соляного правления, склад купеческих товаров, а также заводское депо смолы и дегтя. В одной из комнат казначейства в стену была вмонтирована кедровая доска со стихотворной надписью, что здесь погребен находившийся «у смотрения соляных промыслов» секретарь Самуилов, сын дедюхинского священника, при котором строился храм.

Главный летний придел церкви был освящен в 1739 г. в честь Рождества Христова. Северный теплый придел в честь Рождества Пресвятыя

Богородицы освящен по благословию Вениамина, епископа Вятского и Великопермского, настоятелем Пыскорского монастыря архимандритом Даниилом в 1741 г. Южный придел во имя Святителю Христова Николая Чудотворца освящен по благословию епископа Лаврентия архимандритом Симоном в 1775 г.

С 1778 по 1780 г. в приделе Рождества Христова старанием бывшего начальника Дедюхинского завода секунд-майора Елисея Чадина, на средства заводского приказчика Алексея Вогульского дедюхинец Влас Иконников и экономический крестьянин Евдоким Тупасов установили новый иконостас и расписали стены.

XIX–XX вв.

«...производство горных работ вольными людьми, а не из принуждения... возвело на высшую степень совершенства умозрительную часть горных наук...»

ГОРНЫЙ ГОРОД

В начале XIX в. Дедюхинские промыслы снабжали солью Пермскую и Вятскую губернии, а остаток соли поставлялся в Нижний Новгород, в казенные соляные магазины. Суда сплавлялись целыми караванами. В состав такого каравана входили 25–30 судов-бархотов* и межеумок**. На судах сплавлялись команды численностью в две-три тысячи человек, в основном вольнонаемные из крестьян Вятской, Вологодской и Казанской губерний.

В 1801–1802 гг. Сенат утверждает ряд документов-инструкций об открытии Горных начальств. Предполагалось, что, освободившись от власти губернского гражданского начальства, горные заводы повысят свою производительность. 21 сентября 1804 г. был принят закон об управлении горным городом с принадлежащим ему округом. На основании доклада министра финансов о новом управлении горными заводами и об учреждении горных городов поселение при Дедюхинском заводе с 1805 г. получает статус горного города.

По «Проекту Горного положения» 1806 г. предполагалось создание еще пяти таких городов: Екатеринбург – для Екатеринбургских заво-

*Бархот (бархат) – барка длиной 20 сажень, шириной до 5 сажень, вмещавшая до 25 тыс. пудов соли.

**Межеумок – большая барка длиной 25–30 сажень и шириной 5–8 сажень, способная принять на борт до 70 тыс. пудов соли.

дов, Кушва – для Гороблагодатских, Богословск – для Богословских, Юг – для Пермских и Ис – для Камских. Цели при написании «Проекта Горного положения» ставились разумные и благородные:

«Производство горных работ вольными людьми, а не из принуждения, людьми, гордящимися своим состоянием, и вообще упражнение сих людей в горных промыслах, следовательно, науках, как собственно горных, так и тех, кои сим служат вспомогательными, не только усовершенствовало горные работы, но и возвело на высшую степень совершенства умозрительную часть горных наук... В учреждении горных городов сей предмет есть главнейший, и сия польза не только для заводов, но и для государства есть самая важнейшая».

Однако реализация этого проекта, как часто бывает, сдерживалась жизненными реалиями, и Дедюхин долгое время оставался единственным горным городом на Урале, пока такой же статус не получил Екатеринбург.

В 1805 г. в Дедюхине открылась соляная экспедиция под председательством Андрея Федоровича Дерябина. Дедюхинское соляное правление было подчинено непосредственно Департаменту горных и соляных дел Министерства финансов, Дедюхин был объявлен городом, не имевшим губернского подчинения. Именно этот особый статус станет причиной традиции именовать Дедюхин «горным городом», хотя это и расходится с установками «Горного положения» 1806 г.

Известный березниковский историк В. В. Шилов писал:

«За что ему была оказана такая честь, совсем непонятно. Среди горных заводов на Среднем Урале набрался бы не один десяток, по всем статьям превосходивших его. Даже рядом лежащие села Ленва и Усолье могли запросто соперничать с Дедюхиным и по численности населения, и по мощности сользаводов»*.

**Шилов В. «Китеж» близ Березников//Уральский следопыт. – 1996. – №97. – С. 11.*

Ну, во-первых, можно поспорить с тезисом о том, что Дедюхин уступал кому-либо в «мощности сользаводов». В 1784 г. здесь было получено 1 346 320 пудов соли – абсолютный рекорд, Дедюхин стал самым крупным соляным промыслом России и Европы. Во-вторых, пролить свет на вопрос об обретении нового статуса города может следующая история.

Министр внутренних дел (в это министерство входил Департамент соляных и горных дел) граф Виктор Павлович Кочубей в начале XIX в. обеспокоился недостаточной, по его мнению, производительностью Дедюхинских промыслов. Для того чтобы увеличить их производительность, он решил передать Дедюхинский сользавод в аренду частным предпринимателям. В качестве таковых согласились выступить начальник Уральских медных заводов оберберггауптман** А. Ф. Дерябин, барон

***Оберберггауптман – высший горный чин V–III класса.*

Строганов и московский именитый гражданин Кнауф. В начале сентября 1804 г. проект арендного договора

был готов. Однако император Александр I отказался его подписывать. Вместо этого он предложил А. Ф. Дерябину пост управляющего заводом за соответствующее дополнительное вознаграждение. Дерябин предложение принял. Городской статус подчеркивал особую значимость Дедюхинских промыслов как государственного предприятия, подчиненного Министерству внутренних дел. Что касается других промыслов – того же Усольского, – то присвоение им статуса города было нецелесообразно хотя бы потому, что промыслы эти были частновладельческие.

Перспективы и возможности развития Дедюхинских промыслов были широкие. В это время здесь действовали 24 варницы при 12 рассолоподъемных трубах. Еще 4 варницы и 28 рассолоподъемных труб требовали ремонта. А. Ф. Дерябин деятельно принялся за обновление промыслов. Он разработал подробный план реконструкции, предусматривавший постройку новой варницы, проведение опытов по улучшению рассолов искусственным путем, расчистку городского канала, усовершенствование методов доставки дров. Часть заводских сооружений была спроектирована архитектором И.И. Свизевым. Чтобы преодолеть нехватку рабочей силы, с Пыскорского медного завода в Дедюхин было направлено 137 человек. Все эти меры сказались на росте производительности Дедюхинского завода: в 1806 г. было выварено 1 041 830 пудов соли, в 1807-м – 1 211 854, в 1808-м – 1 305 626, в 1809-м – 1 349 430 пудов. Однако уже в 1810 г. выварка соли сокращается, что было вызвано нехваткой рабочих рук. Вскоре на завод прибывают еще 200 человек.

В конце 1811 г. А. Ф. Дерябин назначается директором Горного корпуса и уходит с поста управляющего Дедюхинскими промыслами. Его место занимает недалекий и жестокий чиновник Фарафиннов (по другим источникам Форафонтов), вскоре снятый с этой должности за злоупотребление полномочиями. После него управляющим стал деятельный и европейски образованный обергиттенфервалтер* Татариннов, пытавшийся реконструировать Дедюхинские солеварни по западным образцам. Но в это время на русском рынке появляется южная соль, и спрос на уральскую соль падает. В Нижнем Новгороде, служившем своеобразной перевалочной базой для уральской соли, происходит затоваривание, и в связи с этим в 1825 г. Министерство финансов издает распоряжение искусственно ограничить выварку соли в Дедюхине 800 тыс. пудов в год.

Обергиттенфервалтера Татариннова на посту управляющего сменил Пиленко. Д. Петухов так характеризует этого человека:

* Обергиттенфервалтер – горный чин VIII класса.

**Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 24.*

«[Пиленко] всякое должностное лицо поставил в свои границы... завел по управлению существующий ныне обряд и охранял слабого противу сильного, разумеется, если слабый был прав»*.

На смену Пиленко пришел управляющий Кармалин, и находился он в этой должности до августа 1862 г. Известно, что на этого управляющего было написано несколько доносов, в которых изобличались его злоупотребления, но то ли факты, изложенные в доносах, не имели реальной основы, то ли у Кармалина существовали властные покровители – доносы не возымели действия, и отставка Кармалина была вполне почетна: «по болезни» и в связи с указом о передаче Дедюхинских промыслов в частные руки.

Причина передачи была все та же – падение конкурентоспособности уральской соли на внутреннем российском рынке. Кроме того, менялось положение населения казенных заводов. 8 марта 1861 г. вышло в свет «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов», в соответствии с которым горнозаводские рабочие освобождались от обязательной работы на заводах и получали гражданские и имущественные права свободных людей. Казенные солеваренные заводы передавались в аренду.

Дедюхинский солеваренный завод перешел в аренду В. А. Кокареву, который и распорядился им вплоть до 1886 г.

«...Пришлось отпустить ребят по миру...»

СОЛЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ЧАСТНЫХ РУКАХ

В. А. Кокарев, предприниматель, разбогатевший на винных откупах, сыгравший значительную роль в развитии торговли, в том числе и с зарубежными странами (с 40-х гг. XIX в. он вел торговлю с Персией), учредитель и председатель правления Волжско-Камского банка, был заинтересован в получении максимальной прибыли. При этом он явно не строил длительных планов по эксплуатации промыслов. Варницы и трубы работали практически без ремонта, приходили в упадок. Когда в 1886 г. закончился срок аренды, В. А. Кокарев отказался его продлевать: заводские постройки нуждались в серьезной и срочной рекон-

струкции, требовавшей значительных капиталовложений, и бывший арендатор посчитал это невыгодным для себя.

Желающих взять завод в аренду больше не нашлось. Солеварение в Дедюхине прекратилось. Рабочие промыслов остались без источников к существованию и были вынуждены обратиться за помощью к правительству. При Министерстве внутренних дел была создана специальная комиссия по расследованию, но ситуация не изменилась. В альбоме Петра Богомолова, хранящемся в Березниковском музее, этот период в жизни завода описывается отдельной «картиной №6»:

«Завод стоит. Стоит 3 года. Работы нет. Акилина Константиновна Богомолова (мать П. Богомолова. – Авт.) носила соль, но завод стоит, работы нет, пришлось отпустить ребят по миру – Петра и Алексея близнецов сироток. И пошли по миру собирать милостыни»*.

*БИХМ. №1187.

Лишь в 1888 г. Министерство государственных имуществ объявило новые торги на сдачу завода в аренду на 12 лет на особо льготных условиях – за 7200 руб. годового оброка с правом выварки соли в неограниченных количествах. При этом правительство предоставляло арендаторам скидку в размере 53% на закупку лесоматериалов. Чтобы еще более ускорить процесс сдачи Дедюхинских промыслов в аренду, завод был разделен на два участка. Арендные торги выиграли купцы И. И. Любимов и Г. М. Касаткин. Но недолгое правление В. А. Кокарева нанесло заводу непоправимый урон, и через 12 лет И. И. Любимов и Г. М. Касаткин отказываются продлевать аренду, несмотря на еще более льготные условия, предоставленные государством (предлагалось взять завод в аренду за ту плату, которую назначат сами арендаторы), и на то, что, отказываясь от аренды, они теряли свыше 52 тыс. руб. залога.

*«Немало придется трудиться
артельщикам хотя бы в оправдание
затрат...»*

ДЕДЮХИНСКАЯ АРТЕЛЬ

В 1901 и 1902 гг. Дедюхинский завод четыре раза безрезультатно выставлялся на арендные торги. Над местными солеварями нависла реальная опасность вновь остаться без работы. И тогда возникает идея взять завод в аренду самими дедюхинцами на артельных началах. Ярым сторонником этой идеи был местный уроженец, член Соли-



Члены правления Трудовой артели солеваренного завода. Фото 1910 г.

камской земской управы Клавдий Алексеевич Железных. Состоялось несколько сходов, на которых обсуждался вопрос о создании артели. В марте 1902 г. было принято решение просить правительство отдать завод на 24 года дедюхинской артели.

Однако в это же время нашелся еще один претендент на аренду заводских мощностей – предприниматель И. П. Вилесов. В октябре 1902 г. он заявил Горному департаменту, что хочет взять в аренду первый участок Дедюхинского завода на 12-летний срок за оброчную плату по 1 тыс. руб. в год. 5 апреля 1903 г. Комитет министров постановил без торгов на 12 лет передать Дедюхинский завод в составе одного первого либо обоих участков в арендное содержание И. П. Вилесову.

Нужно сказать, что первый участок Дедюхинского завода пребывал в лучшем состоянии, чем второй, именно поэтому И. П. Вилесов и ограничился именно им. Второй участок пребывал в запустении. Только 21 июля 1908 г., при активных действиях К. А. Железных и после вмешательства Николая II, был заключен договор с дедюхинской артелью на пользование вторым участком завода сроком на 25 лет. При этом в течение первых трех лет артель полностью освобождалась от оброка.

Н. Белдыцкий в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» так описывал участок, полученный дедюхинской артелью:

«Жалкие руины, насквозь прогнившие, подкосившиеся, а частью развалившиеся здания, среди которых торчали местами остатки каменных труб, мрачные пустые амбары, в которых свободно разгуливал ветер, про-

никавший через разрушенные временем и отсутствием ремонта крыши, – вот общая картина той “мерзости запустения”, которую представляет из себя второй участок Дедюхинского завода. Кажется, сама смерть коснулась этих развалин и навсегда прекратила здесь всякую возможность жизни»*.

**Белдыцкий Н. Первый артельный солеваренный завод на Урале//Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1911. – №22. – С. 785.*

Перед артельщиками встали серьезные проблемы. Главная заключалась в поиске средств для восстановления варниц и других заводских объектов. Сумма членских взносов артельщиков составила 351 руб., в то время как стоимость восстановительных работ была оценена в 6500 руб., а прочие затраты, которые сопровождают всякое новое дело, должны были составить 51 тыс. руб. Благодаря бурной деятельности К. А. Железных, артельщики смогли получить ссуду из Министерства финансов в 30 тыс. руб., а также займ в Кустарно-промышленном банке Пермского губернского земства.

9 июля 1909 г. артелью была пущена первая варница, 15 июля – вторая, 17 августа – третья. Качество вывариваемой соли оказалось высоким. Артели удалось заключить выгодный контракт с акционерным обществом «И. И. Любимов и К°»: вся соль продавалась этому предприятию. Появилась первая прибыль. В июле 1910 г. в артели состояло 155 человек, годовая производительность трех варниц составляла 480 720 пудов. В начале 1911 г. было пущено еще две варницы, а к концу года – еще две. В 1911 г. производительность артели превысила 1 млн пудов. В части И. П. Вилесова дела также обстояли неплохо: в том же 1911 г. им было выработано 1 400 тыс. пудов соли.

Возникали сложности и из-за некоторых недоработок в уставе. Там, в частности, было записано:

«Члены дедюхинского сельского общества могут в течение первых пяти лет по открытию действий артели быть принимаемы в число членов артели и в том случае, если в артели нет для них подходящего занятия, но в этом случае они записываются кандидатами на определенные занятия или работы артели. По истечении пяти лет эта льгота для сельских обывателей дедюхинского сельского общества прекращается»**.

***Белдыцкий Н. Первый артельный солеваренный завод... С. 789.*

В артель стали записываться дедюхинцы, работавшие на других предприятиях и не имевшие никаких занятий в артели. В феврале 1909 г. пермский губернатор предложил исключить таких членов из состава артели, в противном случае он грозил закрыть артель за нарушение устава. 160 человек были срочно исключены, но в скором времени артели удалось убрать из своего устава те пункты, которые не позволяли работникам других предприятий входить в артель.

Шла в артели и закулисная борьба. Управляющего К. А. Железных обвинили в неправильных действиях, а 10 июня 1909 г. на общем собрании был выбран новый управляющий, некий Ш., ранее судимый. Но старый состав правления артели обратился в Кустарно-промышленный банк с предложением провести ревизию дел, и эта ревизия выявила полный порядок в делах артели и огромную продуктивность в работе правления. Банк не признал нового управляющего и заявил, что все его отношения с артелью будут происходить только через К. А. Железных – в противном случае он будет требовать возврата ссуды досрочно и прекратит финансовую поддержку артели.

В 1911 г. в артели числилось 170 человек. Заработная плата у артельщиков была выше, чем на других промыслах.

Развитие Дедюхинских промыслов было прервано Гражданской войной. В 1918 г. промыслы перешли в подчинение тресту «Пермьсоль». В этом же году Дедюхин был лишен статуса города и стал поселком.

«...ветоши много, а древностей нет...»

ЦЕРКВИ И ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ

В Березниковском историко-художественном музее сохранился интереснейший документ – «Опись имуществу Дедюхинского Христорождественского собора» за 1823 г.:

«Церковь каменная во имя Рождества Христа Спасителя, холодная, однаглавая, с двумя теплыми приделами, Николая Чудотворца на полдень и Рождества Богородицы на север. Придел сей ко стене прикладен с отступлением от настоящей стены на две сажени и образование алтаря имеет свое, на коем глава по пропорции устроена. Церковь в основании занимает пространство девятнадцати сажень два аршина три четверти ширины. Вышиною от земли до креста двенадцать сажень... При оной церкви колокольня на том же фундаменте, над папертию осмигранная, вышиною со шпиком двадцать одной сажени. Вся церковь, приделы, главы и шпик покрыты листовым железом и выкрашены зеленой краской. На всех трех главах (храм с приделами. – Авт.) кресты железные, просечные подкреплены цепями и выкрашены желтой краской. Холодная церковь со сводом, и над оным осьмерик, в коем устроены восемь продолговатых окон. В храме сем окна в два ряда, шесть в верхнем ряду, или этаже, и восемнадцать в нижнем (в числе сем и придельные). Окна сии разной меры. Во всех оных стеклянные окончины, а в нижнем ряду железные решетки (и при двенадцати окнах железные ставни, кои с древнего уже времени сняты со своих мест и хранятся в палатке, под смотрением церковного старосты). В сем храме двой боковые двери, северные и южные, вышиною в сажень и две четверти; шириною равны окнам, кои мерою шести четвертей.



«Михаил Архангел». Икона из иконостаса Христорожественского собора. XIX в. Из собрания Березниковского историко-художественного музея

Двери сии... столярной работы, со стежлами, выкрашены голубой краской, и с железными извне дверями (т. е. обиты железом снаружи. – Авт.)... С западной стороны вход, или лестница, ведущая в церковь, каменная не покрытая, ступеньки высланы тесом и вся лестница обведена деревянными крашеными перилами. Крыльцо каменное же со сводом, крытое железом и выкрашено зеленой краской, длиною двух сажень и одного аршина, шириной двух сажень одной четверти. На полднейной и северной стене оно крыльцо полукруглые окна со стеклянными окончинами... Под сим крыльцом полатка, в которой имеется погреб для хранения церковного вина. Двери в нее с северной стороны с деревянными полотенцами. Вход в церковь открыт через двои двери. Главные на западной, а малые на северной стене»*.

*БИХМ. № 4201/7, л. 1-4об.

К 1823 г. стенная роспись и иконостас обветшали:

«С восточной стороны на Христорожественском алтаре выше окон под крышею Образ Шести Апостолов, имена их за ветхостию неизвестны, писан сей образ на доске. С северной стороны, на Рождество-Богородничном приделе, Образ Божией Матери Тихвенской; в киоте за стеклом писанный на доске. На крыльце с полуденной стороны Образ Седящего Вседержителя на престоле с предстоящими Ему, Божией матерью и Иоанном Крестителем, писанный на стене, в круг коего сделаны приличные рамы со стеклами... По правую и левую сторону дверей ведущих в паперть изображены два ангела; и над самими дверьми Образ Господа Саваофа, как сей равно и ангелы писаны масляными красками на самом кирпиче... В паперти под колокольнею на правой стороне утверждён Образ старинного Суда Божия, писанный масляными красками по холсту на доске... Над главными дверьми образ Господа Вседержителя, писанный масляными красками на небольшой доске»*.

*БИХМ, №4201/7, л. 3 об.

В 50-е годы XIX в. живопись была сбита, стены заново оштукатурены и перестроен иконостас. В документах также содержится информация об освящении соборных приделов после перестройки в 1834, 1871 и 1872 гг.

Весной (предположительно в конце мая) Христорожественский собор пострадал от пожара. В Дедюхинское соляное правление по этому

поводу 30 мая церковнослужителями было выслано отношение. В собор был направлен помощник архитектора Усольского горного правления Спиринг, который специальным рапортом засвидетельствовал убытки, причиненные огнем зданию церкви:

«... найдено, что трещины в сводах вовсе не опасны, ибо они большей частью в таких местах, где не могут вредить сводам; для исправления же необходимо: а) покрыть их крышею, б) отбить внутри по направлению трещин несколько поврежденную штукатурку, залить трещины сверху жидкой известью, и спустя некоторое время, когда она окрепнет, оштукатурить внутри... и исправленные таким образом своды могут существовать еще долгое время без всякой опасности»*.

*БИХМ. № 4201/5.

Должно быть, все последствия пожара так и не были устранены. Спустя несколько лет, 26 августа 1852 г., преосвященный Неофит посетил дедюхинский храм. Именно ему принадлежат слова «Ветоши много, а древностей нет», характеризующие состояние церкви.

В описании этого храма упоминаются две ризы и стихарь из шелковой серебряной парчи – остаток имущества Пыскорского монастыря, а также напестольное Евангелие, приложенное в 1788 г. главным смотрителем Дедюхинских промыслов секунд-майором Максимом Яковлевым Старовым. В коллекции Березниковского историко-художественного музея хранится образ Архангела Михаила, написанный на двери иконостаса собора в XIX в.

Трехпрестольная церковь с каменной колокольной была обнесена каменной оградой с массивными чугунными решетками. Уже в XX в., перед затоплением Дедюхина, эти решетки были перевезены в Березники, и ныне они используются в качестве ограждения 1-й Березниковской городской больницы. Знаменитый березниковский Треугольный сквер окружают такие же чугунные решетки: либо на его ограждение пустили остатки изгороди Христорождественского собора, либо дедюхинская изгородь была взята за образец для решеток сквера – точных данных не сохранилось.



Пушка Христорождественского собора. XIX в.

На колокольне были установлены часы с курантами и имелась пушка для пасхальной стрельбы – эта пушка сейчас хранится в Березниковском историко-художественном музее. Вероятно, таких пушек было несколько. Во всяком случае, в документах XIX в. есть упоминания о пушке для пасхальной стрельбы, а пушка, хранящаяся в Березниковском музее, точно датирована, на стволе ее имеется надпись: *«Жертвование пушек от прихожан Дедюхинского Христ. Собора 1905 года».*

С этой пушкой связана интересная история. В годы Гражданской войны она была конфискована красноармейцами, выкрашена в красный цвет (следы краски сохранились до сих пор), а позднее затоплена в Каме. Однако затопили ее там, где вода отступала после паводка, что и позволило затем выволить реликвию из речного плена.

В штат причта Христорожественного собора, утвержденный Присутствием по делам православного духовенства 10 мая 1877 г., входили протоиерей, священник, дьякон и два псаломщика. По распоряжению Министерства финансов от 3 августа 1871 г., для проживания им был передан оштукатуренный изнутри дом, построенный в 1850–1860 гг. В клировой ведомости собора за 1898 г. этот дом описывался так:

«Двухэтажный дом... крытый листовым железом. Дом сей крепок, для жительства вверху вследствие неправильного устройства печей и деревянных заборков не вполне удобен, сыр и холоден вообще».

Протоиерей, дьякон, послушники и просфорные жили в этом доме, а священник, несмотря на то, что здесь имелась квартира и для него, предпочел поселиться отдельно – в доме «собственного строения».

В конце XIX в. священнослужители Христорожественного собора получали от казны следующее жалование: протоиерей – 350 руб. 84 коп. в год, священник – 290 руб. 88 коп., дьякон – 149 руб. 94 коп. и два псаломщика – по 110 руб. 88 коп. Это были не единственные доходы: в клировой ведомости упоминаются «братские доходы» 2000 руб. в год, да сверх того:

«...причт получает ежегодно процентов: 16 руб. в год с капитала 400 руб., предоставленного бывшим управляющим Дедюхинского солеваренного завода Евграфом Андреевичем Кармалиным... 3 рубля от 3% билета Соликамского общественного банка в 100 руб. ... предоставленного Дедюхинскому причту завещанием штаб-лекаря Антона Лукина Разнатовского; 1 руб. 80 коп. от капитала в 45 руб., пожертвованного по духовному завещанию протоиереем Александром Луканиным... 16 руб. по билетам 4% государственной ренты по 200 руб. каждая, суммой на 400 рублей... пожертвованных вдовою надворного советника Елизаветой Александровной Разнатовской, в поминание ея родственников; 2 руб. 28 коп. от капитала в 62 руб., пожертвованного в вечное поминание дедюхинского сельского вдового Дарьей Иустиновой Мальцевой...

**БИХМ. Фонд Дедюхинского Христорождественского собора.*

вновь поступили два билета государств. Ком. Погашения долгов в 200 руб. в поминовение протоиерея Вениамина Наумова и его родных... в 50 руб. – поминовение Стефана Ильина с родными...»*.



Центральная часть г. Дедюхина. Фото 1901 г.

В 1896 г. при церкви было открыто церковное попечительство. Кроме всего прочего, оно занималось покупкой ржаной муки для раздачи нищим.

После революции и до 30-х гг. прошлого века в Христорождественском соборе велись службы, затем он был закрыт, в здании располагалась швейная фабрика. В 1954 г., во время переселения жителей Дедюхина в г. Березники перед затоплением поселка, храм был взорван.

В 1852 г. иждивением управляющего заводом статского советника Евграфа Андреевича Кармалина на городском Дедюхинском кладбище, на северо-западной окраине села, у Чашкинских заливов, была заложена кладбищенская церковь Всех Святых. 30 сентября 1854 г. она была освящена.

В Березниковском историко-художественном музее хранится «Черновая и ризничная опись градо-дедюхинской, во имя Всех Святых церкви», составленная в 1858 г. Здесь можно найти ее подробное описание:

«Церковь деревянного здания, на каменных фундаментах, внутри и снаружи обштукатурена в два света с куполом, покрыта железом с снегобоями и трубами, окрашена медянкою. Крест на церкви железный позлащенный. Во всех имеющихся окнах железные решетки, двойные рамы в деревянных и каменных окладах. Крыльцо тоже на каменном фундаменте с колоннами, покрыто железною крышею. Высота церкви 6 сажени, длина 8 сажень с алтарем и трапезною, ширина 4 сажени. В церкви, в алтаре и на папертиях

пол деревянный паркетный, выкрашенный под дуб. Внутри церкви две круглые духовые печи, листовым железом обложенные, с двумя медными душками. Над печами, во всю поперечную стену церкви хоры с колоколами, во всю длину хоров железная решетка... При церкви колокольня деревянного делания на каменном фундаменте и обшита снаружи тесом. Окрашена белой краской. Шпигель и купол покрыты железом. Окрашена медянкую. Крест железный позолоченный и глава – [тоже]. Длина и ширина 4 сажени. Высота с крестом 15 сажен. При колокольне колокола принадлежат собору»*.

**БИХМ. Фонд Дедюхинского Христорождественского собора.*



Железная решетка ограды Всехсвятской церкви. В настоящее время используется для ограждения территории школы №1 г. Березники. Фото 2008 г.

В 1896 г. колокольня и церковь были соединены деревянной дощатой галереей. Вокруг церкви была устроена деревянная решетчатая ограда (впоследствии так же, как и ограда Христорождественского собора, перевезена в Березники и сейчас окружает там школу №1). При церкви за оградой на южной стороне имелась особая караульная изба с дощатым навесом для дров.

25 февраля 1884 г. церковь пострадала от пожара. После восстановления храм 4 апреля 1885 г. был вновь освящен, но собственного причта уже не имел, и богослужение по воскресным и праздничным дням отправлялось церковнослужителями Христорождественского собора.

В кладбищенской Всехсвятской церкви стены изнутри были украшены лепным орнаментом, потолок расписан изображением «явления Христа Бога судить живых и мертвых». В 1897 г. церковная живопись была исправлена иконописцами мастерской Алипия Васильевича Федосеева из с. Покча Чердынского уезда. На стенах вместо неисконно сделанных орнаментальных украшений появились четырнадцать новых картин: «Распятие Христа с Богоматерью и Иоанном Богословом» (в рост), «Снятие со Креста с изображением Гроба Господня и сидящей Марии Магдалины», «Восстание Иисуса Христа из гроба», «Ветхозаветный образ воскресения из мертвых из видения пророка Иезекииля из 37-й главы», «Одиннадцатый член “Символа веры”»: всеобщее воскресение из мертвых», «Окончательное поражение сатаны», «Участь всех нераскаянных грешников», «Преподобный Гавриил, идущий по волнам морским за даром Богоматери – за св. иконою Иверскою», «Жены-мироносицы у гроба Господня», «Явление Иисуса Христа Марии Магдалине», «Явление Иисуса Христа женам-мироносицам», «Явление Христа апостолам (без Фомы)», «Уверение Фомы», «Явление Иисуса





Христа ученикам, шедшим в Эммаус». За эту работу было выплачено 1200 руб. Образ Иверской Богоматери, находящийся в церкви, породил особо чтимый народом праздник в честь этой иконы. Ее оклад, украшенный 140 довольно крупными бриллиантами, был, вероятно, конфискован во время изъятия церковных ценностей в 1922 г. Сам образ перенесен (в связи с закрытием Дедюхинской кладбищенской церкви в 1953 г.) в ленвинский Троицкий храм, а после закрытия в 1963 г. и этого храма – в Орлинскую церковь Похвалы Богородице, где находится в трапезной и сейчас.

В 1953 г. при подготовке Дедюхина к затоплению деревянная Всехсвятская церковь была разобрана. По непроверенным данным, ее перенесли в с. Таман и восстановили, чтобы использовать уже в качестве сельского клуба.

*«Грустно становится на душе, когда
взглянешь на невзрачный вид Дедюхина...»*

ОБЛИК ГОРОДА

По территории Дедюхина было прорыто два канала: один шел по северо-восточной окраине города, а другой – от середины его с северо-восточной стороны на юго-запад, разделяя поселение на две части. Канал, разделивший поселение, был прорыт первым. Уже к концу XVIII в. он сильно зарос, обмелел и использовался только во время весеннего половодья, превращаясь летом в неширокий ручей.

К началу XIX в. древнейшая часть промыслов (так называемые Нижние промыслы) практически не действовала: старые рассолоподъемные трубы пришли в негодность, соляные источники иссякли. Верхние промыслы располагались на берегу Камы, они продолжали работать в течение XIX – начале XX в. В XIX в. два отделения завода соединял мост, построенный через канал. Остатки каменных опор разрушенного моста и сейчас видны на берегах канала.

В XIX в. в Дедюхине было несколько улиц. Две улицы – Никольская и Соликамская – шли с юго-востока на северо-запад, остальные – перпендикулярно им, с северо-востока на юго-запад. В 1847 г. случился большой пожар, в котором пострадали около ста усадеб, и это стало поводом перепланировать селение. Изменились красные линии улиц: новые дома ставились на месте бывших улиц, а улицы – на месте быв-

ших огородов. Как отмечали современники, эта перепланировка не способствовала благоустройству и чистоте города: улицы были немощеные, и пешеходные дорожки, проложенные по бывшим огородам, при малейшей непогоде превращались в грязное месиво. Впрочем, попытка ликвидировать дедюхинскую грязь была: в 1808 г. замостили одну улицу и даже назвали ее Мостовой, но случившееся в 1810 г. наводнение разрушило вымостку.

Из исповедальной ведомости 1877 г. можно узнать названия большинства местных улиц: Купеческая, Подлесье, Воскресенская большая, Новая, Благовещенская, Старая, Преображенская, Никольская, Мостовая, Улица по Ураю, Бабинская, Богородицкая по заканаве, Алиинская, Кокушкина, Воскресенская малая, Ильинская и Успенская*.

**БИХМ. №1698, л. 12-53.*

Как уже говорилось, на правом берегу канала, в центре города, стоял каменный Христорождественский собор. На левом берегу, неподалеку от старых соляных промыслов, располагалась каменная часовня. Недалеко от Христорождественского собора находились каменная богадельня, построенная на средства Е. А. Кармалина в 1862 г., и дом священника.

Кроме перечисленных каменных, все остальные строения Дедюхина были деревянными на протяжении всей истории существования поселения.

Дедюхинская администрация располагалась в Соляном правлении.

С целью подготовки кадров для солеваренного производства в городе было учреждено два училища – мужское и женское. В 1805 г. по инициативе А. Ф. Дерябина была построена деревянная больница. В 60-е гг. XIX в. построили новую больницу, тоже деревянную, из двух корпусов, соединенных между собой стеклянной галереей. Старая к тому времени обветшала, и ее постройки были разобраны.

Там, где один из дедюхинских каналов ответвлялся от Камы, еще с монастырских времен существовала пристань. Она была сложена из небрежно обработанных, скрепленных известью сланцевых глыб, покоящихся на деревянных сваях. Остатки пристани сохранились до сих пор.

Д. М. Петухов в своей книге «Горный город Дедюхин и окольные местности» так описывает внешний вид города:

«Дедюхино поныне нельзя признать городом, а скорее селом, и селом самым дрянным и грязным. Дома либо недостроены, либо ветхие; есть и хижины с развалившейся крышей, набоченившиеся от ветхости и разбросанные в беспорядке; хорошо отстроенных домов так мало, что их можно сосчитать очень скоро. Грустно становится на душе, когда взглянешь на невзрачный вид

Дедюхина и сравнишь его с соседним Усольем, которое щеголяет постройками... Если ж Дедюхино доселе так невзрачно и грязно, то виною тому неудачное назначение начальников, которые исключительно заботились о выгодах казны, забывая о благосостоянии людей, посредством которых извлекаются выгоды... Расположение домов на многих улицах такое, что иной дом выдается на улицу, а иной уступает от нее, отчего улицы кажутся неровными, кривыми и узкими... В сухую погоду можно ездить по городу без затруднения, ныряя инде из ложка в ложок и попадая в непросыхающие лужицы; в ненастную же погоду нога у лошади вязнет в грязи чуть ли не по колено, а колеса грузнут в ней чуть не по трубицу; все улицы грязны, но грязнее всех Никольская, Кокушкина и Воскресенская. Грязность их, вероятно, много зависит от весеннего половодья, бывающего на них продолжительнее противу прочих мест и достигающего инде до 4-х аршин, отчего жители ездят из дома в дом на лодках; многие же выходят из домов своих, потому что вода заливается к ним в печки...»*.

Ничего не улучшилось и к концу века: по переписи 1886 г. 62% строений крайне нуждалось в ремонте.

В 1864 г. в Дедюхине насчитывалось 757 домов, в 1886 г. – 432, к тому же указывалось, что это число складывается из домов, флигелей, изб и бань, обращенных в жилые помещения. В том же 1886 г. 386 де-

**Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 43.*

***Красноперов Е.И. Работы статистического бюро, учрежденного при Пермской губернской земской управе (по данным посемейной переписи). – Пермь, 1886. – С. 24.*

дюхинских семей имели свои дома, 9 семей – по два дома; в товарищеских домах проживали 52 семьи (товарищеский дом покупался вскладчину двумя семьями, занимающими по половине дома); 1 семья жила в бане; 2 – в домах вне Дедюхина; 54 семьи не имели своих помещений и поэтому вынуждены были квартировать**.

Уменьшение количества домов в Дедюхине к концу века связано, вероятно, с экономическими трудностями, которые испытывали местные промыслы в связи с изменением рыночной конъюнктуры и со сдачей сользавода в аренду частным лицам.

После революции и Гражданской войны облик города переменился и, по-видимому, к лучшему. Старожил Дедюхина, Зоя Сидоровна Устюгова, описывала его так:

«Поселок наш был зеленый и чистый. По неписаным законам поддерживался порядок, отходы куда попало не выбрасывались. За этим следили уличные комитеты».

Но будущее Дедюхина уже было перечеркнуто планами создания Камского водохранилища.

*«Неграмотный пермяк бессмысленнее,
грязнее и безнравственнее грамотного
дедюхинца...»*

ОБРАЗОВАНИЕ, МЕДИЦИНА, КУЛЬТУРА

Слова о «грамотном дедюхинце», принадлежащие Д. Петухову и вынесенные в эпиграф этой главы, имеют под собой определенное основание. Процент грамотных людей – умеющих читать и с грехом пополам писать, а также владевших начальными знаниями в арифметике, – был, по меркам XIX в., высок. По данным на середину 80-х гг. XIX в., грамотными в Дедюхине считались 10% детей, более 50% подростков, более 20% людей «рабочего возраста» и около 10% стариков*.

**Красноперов Е. И. Работы статистического бюро... С. 38.*

Такой высокий для своего времени процент грамотных людей объясняется существованием в Дедюхине двух училищ – мужского, основанного в 1808 г. (в исторической литературе, вслед за Д. Петуховым, датой его основания зачастую указывают 1807 г. – видимо, подразумевая «Предложения» В. П. Кочубея, о которых речь ниже), и женского, открытого в 1849 г.

Цель, которую преследовали при открытии учебных заведений в Дедюхине, определялась так:

«...для приготовления к занятию заводских должностей способными людьми и вообще для образования детей урядников и мастеровых».

Исходя из этого строился и процесс обучения. Мальчиков обучали основам русской грамматики, арифметики, рисования и чистописания, девочек – «чтению и писанию, преимущественно же рукоделиям». Обучение было бесплатным. Более того, ученики получали продуктовый паек и «жалование» в размере 50 коп. в месяц.

Открытие мужской школы в Дедюхине – заслуга главного начальника Гороблагодатских и Камских заводов А. Ф. Дерябина. Получив в мае 1806 г. завод в свое ведение, Дерябин тут же озаботился подготовкой кадров для него и стал ходатайствовать об открытии школы в Дедюхине на основании «Проекта Горного положения» 1806 г. Вот как описывает историю открытия первой школы в Дедюхине пермский историк Т. А. Калинина:

«В “Предложении” министра внутренних дел графа В. П. Кочубея на имя

управляющего соляными промыслами А. Ф. Дерябина от 22 марта 1807 г. говорилось, что он (Кочубей. – Т. К.), по представлению “Вашего Превосходительства” (А. Ф. Дерябина. – Т. К.) об учреждении небольшой школы в Дедюхине обращался к императору и получил разрешение на ее открытие.

** Калинина Т. А. Об учреждении малой школы в Дедюхине//Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Березники, 1999. – С. 81.*

Управляющему промыслами разрешалось, согласно его просьбе, использовать 1000 рублей на устройство школы из 200 тыс., выделенных на благоустройство завода. Содержать школу предполагалось на остатки от сбереженных сумм. Отмечалось также, что если этих сумм будет недостаточно, то содержание школы вносить в “расписание” следующего года для истребления (так у Т. А. Калининой, вероятно, имеется в виду “истребование”. – Авт.) денег от государственного казначейства»*.

Одного решения, пусть даже сделанного на столь высоком уровне, было недостаточно. А. Ф. Дерябин распоряжается составить план и смету на строительство школьного здания, но Экспедиция соляных дел, которая должна была этим заняться, положила дело в долгий ящик – в результате строительство школьного здания так и не началось. Священник Христорожественской церкви Филипп Яковкин предложил устроить школу в одной комнате его дома (он же снял мерки для школьной мебели; скамейки и столы были заказаны столяру Алексею Липину). Вскоре отыскалась свободная казенная комната, где

***Калинина Т. А. Об учреждении малой школы в Дедюхине... С. 81–82.*

и разместилась школа. Другим помещением для дедюхинской школы стала комната в доме промышленного работника Тимофея Бочкарева – за нее он получал 2 руб. в месяц**.

Учебники были закуплены в Перми, с помощью Пермского главного народного училища. Были набраны учащиеся – 40 мальчиков в возрасте от пяти до четырнадцати лет. Открытие школы состоялось 4 февраля 1808 г. Первыми учителями стали священнослужители Филипп Яковкин и Захарий Дерябин. Уровень обучения был достаточно высок. Первые выпускники направлялись для обучения в Санкт-Петербург, в Горный кадетский корпус. Кроме того, для обучения «лекарскому искусству» несколько человек было отправлено в Медико-хирургическую академию.

Однако Д. Петухов позднее отмечал:

«...в прежнее время на мужское училище обращалось больше внимания; из него выходили воспитанники, оканчивавшие с успехом курс в петербургских

****Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 73.*

заведениях. Ныне этого нет, и учение идет так себе, с мало-важным успехом»***.

Вряд ли уровень образования в мужской школе к временам Д. Петухова сильно снизился. Скорее всего, возросли требования к качеству

обучения – отсюда недовольство и недоверие к учителям (основной причиной того, что дедюхинцы неохотно отдавали детей в учение, была такая: «худо учат и дерут»). Вероятно, оценка Д. Петухова субъективна. В конце концов, главной задачей школы он видел не прививание элементарной грамотности, а необходимость развивать в учениках «помыслы о пользе труда, ведущего к благосостоянию, и разъяснения достоинств человека, зависящих не от богатства, а от нравственных совершенств и образования всякой личности». Задача, несомненно, достойная, но оторванная от реалий середины XIX в. Вообще Дмитрий Михайлович Петухов в мыслях своих опережал время: например, физические наказания для нерадивых учеников он считал недостойным педагогическим приемом. А ведь такие наказания будут практиковаться в российской (да и не только в российской) школе вплоть до XX в.

Интересна оценка, которую давали школе сами обыватели. Д. Петухов пишет:

«Несмотря на то, что школа в Дедюхине существует более пятидесяти лет, многие родители смотрят на нее как на излишнюю роскошь, и все без исключения – как на средство сделаться приказным или служителем»*.

**Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 73–74.*

В общем, если вдуматься, здесь нет ничего зазорного. Другое дело, что неспособность дедюхинских учителей сделать обучение актуальным, соответствующим требованиям времени, приводила к тому, что даже бедные семьи искали возможность дать своим чадам «учение где-либо на дому на свой счет».

Гораздо меньше сведений о школе для девочек. Известно, что основал ее Е. А. Кармалин, что было оно одним из первых женских училищ на Урале. Но известно нам о нем лишь одно: что его выпускницы славились рукоделием.

* * *

Первая больница в Дедюхине была выстроена в 1805 г. До этого приходилось пользоваться услугами пыскорских лекарей (к слову сказать, самое раннее упоминание о существовании больницы при Пыскорском монастыре относится к 1674 г.). Строительство дедюхинской больницы было начато благодаря деятельности горно-соляного начальника А. Ф. Дерябина. Оно началось незадолго до того, как в «Горном положении» 1806 г. были обозначены нормативы – 1 койка на 200 работников.

Первая дедюхинская больница состояла из одного корпуса, разделенного на две половины – палат для больных и приемной со вспомогательными помещениями (лабораторией, кладовой и аптекой). При

больнице были выстроены кухня, баня и погреб. В таком виде она просуществовала до 1862 г., когда рядом выросли здания новой больницы, а старую разломали.

Вновь выстроенная больница состояла уже из двух корпусов, соединенных стеклянной галереей. Она была рассчитана на 56 кроватей. Д. Петухов, врач по профессии, критически отмечал:

«К настоящим же недостаткам... следует отнести неимение подручной комнаты для делания припарок, неимение анатомной комнаты, отдаленность бани, несоединенной с корпусами крытым ходом... устарелом устройстве нужников... – зимой снизу дует, а летом воняет по всем коридорам... Второй недостаток ее состоит в недостаточности и нераздельности по роду болезней белья... Третий недостаток... состоит в неимении расторопных и смышленных больничных служителей, в которые посылаются люди, негодные к другим заводским работам... Четвертый существенный недостаток заключается в ограниченном продовольствии»*.

**Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 80–82.*

С одной стороны от больницы находилось здание аптеки, с другой – квартира врача. За аптекой стояли больничные службы, за домом врача – лекарские. Рядом с больницей были выстроены кухня, баня и прачечная.

Медикаменты и медицинские приборы выписывались из Санкт-Петербурга. Березовые сережки, ягоды вереска, душицу, белену и другие лекарственные растения, активно использовавшиеся для лечения, собирали близ Дедюхина.

В обязанности врача входило посещать больных дважды в день, готовить и раздавать лекарства (что он делал с помощью учеников), вести истории болезни, лечить безнадежно больных на дому и ежедневно сообщать о состоянии больницы начальнику завода. Оклад жалованья, положенный врачу, составлял 428 руб. в год, и это было, по выражению Д. Петухова, «весьма недостаточно». Любопытно, что сумма эта не изменялась на протяжении более чем сорока лет:

«В прежнее время, т. е. за 40 лет перед сим, такое жалованье вполне удовлетворяло потребностям врача и было, можно сказать, хорошее; а при нынешней дороговизне на все и по умножившимся современным потребностям,

***Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 84.*

проистекающим от лучшей образованности, жалования врачу, особенно семейному, не хватит на насущные потребности»**.

Для сравнения, врачи, работавшие в частновладельческих имениях в это же время, получали 1000–1500 руб. в год «при готовой квартире, отоплении, освещении, прислуге и лошадях». Впрочем, по словам того же Д. Петухова, иные уездные и городские врачи в это время получали от 180 до 300 руб. «без квартиры и остального содержания», так что положение дедюхинских врачей было все-таки не самым худшим, чем у прочих государственных лекарей.

Дедюхинцы пользовались услугами больницы неохотно – в силу «дорогого в них содержания и приверженности к семейному быту», как пишет Д. Петухов. Его перу принадлежат многие любопытные зарисовки, касающиеся быта здешних больных. Например, малые дозы медикаментов, прописываемые врачом, казались им несерьезно малы, и они зараз выпивали склянку лекарства, рассчитанную на весь курс лечения.

Кроме помощи врача, а нередко и вместо нее, местные жители прибегали к услугам местных колдунов и знахарей. С их участием пытались лечить простуды и воспаления, мужское бессилие и женское бесплодие, выводили кишечных паразитов и т. д. Собственно, к врачу зачастую обращались лишь тогда, когда народные средства оказывались бесполезны, и порой уже после того, как болезнь становилась запущенной и неизлечимой. Справедливости ради стоит сказать, что народные целители справлялись с бытовыми травмами, отравлениями, участвовали в родовспоможении и чаще всего были единственными людьми, способными быстро оказать первую помощь. Их было значительно больше, чем врачей, за их плечами стоял многовековой опыт народной медицины, и пользовались они у дедюхинцев большим авторитетом.

* * *

К началу XX в. изменение образа жизни дедюхинцев (да и вообще россиян) становилось все более очевидным. Узкий традиционный мирок стал разрушаться новыми веяниями, на смену старым забавам и развлечениям стали приходиться новые занятия, призванные удовлетворить растущие духовные потребности населения. Новым словом в организации досуга стали так называемые Народные дома.

Народный дом – клубное учреждение в дореволюционной России, прообраз современного культурно-образовательного учреждения. Народные дома стали возникать в середине 80-х гг. XIX в. благодаря деятельности общественной организации «Общество “Народный дом”». Обычно в Народных домах размещались библиотека и читальный зал, зал для театральных представлений и чтения публичных лекций, книжная лавка, чайная, воскресная школа. При них существовали самодеятельные театры, здесь можно было познакомиться с современной беллетристикой, заняться самообразованием.

В Пермской губернии распространение Народных домов приходится на период с 1910 по 1917 гг. Создавались они на средства земств, обществ грамотности, частных лиц. Иногда инициаторами их создания выступали рабочие коллективы. В докладе Пермской городской управы 1916 г. говорится:

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Цит. по: Варнакова О.Н. «Народный дом» в Соликамском и Усольском уездах начала XX в. // Смышляевские чтения: материалы 10-й науч.-практ. конф. – Пермь, 2007. – С. 174.

«Население охотно и по своей инициативе жертвует средства, иногда довольно значительные, чтобы осуществить у себя культурно-просветительские учреждения... В настоящее время в Губернскую управу поступило свыше 40 ходатайств о субсидиях на постройку зданий»*.

Первое общество «Народный дом» в Соликамском уезде возникло именно в Дедюхине в 1910 г.

В качестве организаторов выступили рабочие артели. Это показательно: в артельщики шли наиболее активные и работающие люди, которым скучно было во время досуга бездумно глушить себя водкой и предаваться прочим традиционным увеселениям.

Первоначально дедюхинское общество «Народный дом» размещалось в бывшей больнице, затем – в здании трудовой артели. Именно здесь ставились самодеятельные спектакли. Ставили драму Вл. Александрова «Песнь горя», водевиль К. Михайлова «Папаша на отдыхе», народную драму А. Пазухина «Московская бывальщина», пьесу А. Н. Островского «Тяжелые дни». Выручка от продажи билетов шла на различные нужды (о чем обязательно сообщалось в афишах): в пользу улучшения местной сцены, в пользу вольной пожарной дружины, в пользу «Дедюхинского церковно-приходского попечительства по призрению семейств нижних чинов, уходящих на войну» и т. д. Билеты, кстати, стоили немало. Вот цены на 1912 г.: 1-й ряд – 1 руб. 50 коп., 2-й – 1 руб., 3-й – 80 коп., 4-й – 60 коп., 5-й – 50 коп., 6-й – 40 коп., входные – 20 коп. А вот цены на июль 1916 г. «с включением военного налога»: 1-й ряд – 2 руб. 20 коп., 2-й – 1 руб. 50 коп., 3-й – 90 коп., 4-й – 75 коп., 5-й – 55 коп., 6-й – 40 коп. За 30 коп. можно было пройти на спектакль «без места» – т. е. смотреть представление стоя. Не смотря на высокие цены, желающих посетить спектакль было достаточно: по свидетельству современников, билетов не хватало. После спектакля обычно устраивались танцы.

На основании Указовъ Императора 22 Января 1915 г. и повеленія Свѣтлейш. Императрицы в томъ же мѣсяцѣ, ВЫСОЧАЩЕ ИМПЕРАТОРОМЪ 6 Мая 1916 года повѣло: въ Дедюхинскомъ Селѣ, на мѣстѣ бывшаго, заведенія общаго народнаго дома, основаннаго въ мѣсяцъ Января 1910 года, Трудовой Артели, съ тѣмъ, чтобы общество, образованное членами этой Артели, имѣло право на субсидіи отъ Государственнаго Училища, въ томъ же мѣсяцѣ.

Г. ДЕДЮХИНЪ.
Съ воскресенья, 31 июля 1916 года.

ВЪ ВОСКРЕСЕНІЕ 31 ІЮЛЯ 1916 ГОДА.
ВЪ ПОМѢЩЕНІИ ТРУДОВОЙ АРТЕЛИ
СОСТОИТСЯ ВЪ 1 ЧАСТЬ ДНЯ
ТОРЖЕСТВО ОТКРЫТІЯ
„НАРОДНАГО ДОМА“

Учред. Обществу Трудовой Артели въ г. Дедюхино. Вечеръ 31-го, посвященъ въ разладъ-решеніе вопроса о помѣщеніи Артели въ мѣсяцъ Января 1916 года. Губернаторъ въ Дѣлахъ Общественнаго Благочинія 21-го числа 1916 г. № 20.

Обществу Трудовой Артели, постановлено съ тѣмъ, чтобы въ культурно-просветительскихъ целях, съ тѣмъ, чтобы въ мѣсяцъ Января 1916 года, въ Дедюхино, въ помѣщеніи этой Артели, состоялось торжество посвященнаго праздничнаго и юбилейнаго ея открытію.

ВХОДЪ НА ОТКРЫТІЕ „НАРОДНАГО ДОМА“ БЕСПЛАТНЫЙ.

ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА
Мѣстными любителями драматическаго искусства будетъ представлено въ пользу Дедюхинскаго Об-ва „Народнаго Дома“ спектакль

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

Спектъ какъ культурнаго явленія въ г. Дедюхино. А. Н. Островскій.

УЧРЕДИТЕЛИ И ЧЛЕНЫ

| | | | | | |
|---|---|---|--|--|----------------------------------|
| Василій Дедюхинъ, Дедюхинъ, чиновникъ, Александръ Дедюхинъ, крестьянинъ, Дедюхинъ. | Татьяна Тихонъ, Курилова, сельскій учитель, Дедюхинъ. | Иванъ Владиміръ, землемѣръ, Дедюхинъ. | Андрей Тихонъ, сельскій учитель, Дедюхинъ. | Василій Дедюхинъ, крестьянинъ, Дедюхинъ. | А. И. Куриловъ. |
| Михайло Михайловъ, землемѣръ, Дедюхинъ. | Тарасъ Тарасовъ, 31-го числа 1916 года, Дедюхинъ. | Василій Михайловичъ Куриловъ, сельскій учитель, Дедюхинъ. | Александръ Петровичъ, 31-го числа 1916 года, Дедюхинъ. | Діаконъ, священникъ, Дедюхинъ. | Попечительскій совѣтъ, Дедюхинъ. |

Билеты заблаговременно продаются въ Смирновъ П. И. въ Дедюхино, а въ день спектакля въ помѣщеніи Трудовой Артели.

Цѣны билетовъ: (съ включеніемъ военнаго налога) 1-й рядъ—2 руб. 20 коп., 2-й рядъ—1 руб. 50 коп., 3-й рядъ—90 коп., 4-й рядъ—75 коп., 5-й рядъ—55 коп., 6-й рядъ—40 коп., входные—20 коп.

Распорядителями спектакля, омавъ въ члены учредителя Дедюхинскаго Об-ва „Народнаго Дома“, будутъ Вас. Куриловъ.

Афиша, выпущенная к открытию Народного дома 31 июля 1916 г.

Распорядителями спектаклей значились член-учредитель дедюхинского общества «Народный дом»,

служащий Березниковского содового завода Федор Николаевич Кулаков, член Соликамской земской управы, председатель артели дедюхинских солеваров Клавдий Алексеевич Железных. Сохранившиеся афиши донесли до нас имена дедюхинских актеров: И. Д. Даньцин, М. Л. Пермячко, М. И. Малакотина, А. А. Каменьщиков, П. Д. Шутов, А. А. Антонов, В. А. Васильева, С. А. Светлова, Н. В. Зырянов, М. К. Константинова и др.

31 июля 1916 г. состоялось открытие собственного здания Народно-го дома. Его выстроили на средства артели, департамента неокладных сборов, комитета «Попечительства о народной трезвости», обществу города и земства. Торжественное открытие состоялось в час полудни в помещении Трудовой артели. Местный священник В. Хлынов провел торжественный молебен. Духовой оркестр содового завода исполнил гимн. С речью выступил уже знакомый нам Ф. Н. Кулаков – он произнес программный доклад «О задачах общества», слово брали артельщики, местный сапожник И. Х. Мамотин начал свое выступление пушкинским «Сейте разумное, доброе, вечное»...

К моменту открытия был утвержден специальный Устав общества «Народный дом» в г. Дедюхине. Общество было внесено в реестр Пермского губернского по делам об обществах присутствия 21 апреля 1916 г. Согласно Уставу, общество основывалось

«...с целью развития культурно-просветительных начал среди местного населения и для доставления ему возможности разумного использования праздничного и свободного от занятий времени»*.

**БНХМ. № 2735.*

Народный дом должен был объединять в себе библиотеку, музей, театральный, музыкальный, хоровой и другие самодеятельные коллективы. Руководило им специальное правление, в состав которого входили совет местной библиотеки-читальни в полном составе, представители уездного земства, представители организаций, участвовавших в создании Народного дома.

В Народном доме проводились «народные чтения» с показом «живых картинок» посредством фенакistosкопа*, проходили литературно-музыкальные вечера, работала библиотека. Народный дом стал очагом культуры, посещение его мероприятий становилось все более массовым. И даже после революции он оставался востребованным некоторое время. Только в середине 20-х гг. на смену ему приходит новое культурно-образовательное учреждение – клуб.

*Фенакistosкоп – созданное в 1832 г. французом Ж. Плато устройство, состоящее из двух дисков, расположенных на одной оси. На первом диске по кругу были изображены картинки, представляющие различные фазы движения. Второй диск имел окошки точно по размеру картинок. При вращении диска с картинками возникало движущееся изображение. Один из предков киноаппарата.

*«...спать приходилось кому где:
на печке, на полатах, на полу вповалку...»*

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ

В силу того, что окрестные земли не благоприятствовали развитию земледелия, особое положение в Дедюхине занимало скотоводство. Владели коровами очень многие: по переписи 1886 г. почти каждая вторая семья в городе. Вторым по распространенности домашним скотом были козы, затем лошади, свиньи и овцы. В некоторых дворах держали кур, но, как отмечено современниками, птицеводство не было развито.

Домашним хозяйством в Дедюхине занимались в основном женщины. Они же заготавливали и сено для скота. Работали друг у друга, за поденную плату и угощение. Сенокос для них был не только работой, но и возможностью щегольнуть перед соседками нарядом. Косили косами-горбушами. Сенокос обычно начинался 10 июля, а заканчивался 10 августа. К концу работ погода обычно портилась, начинались дожди, что мешало хорошо просушить скошенное сено.

Огородничество было не слишком развито, но при некоторых усадьбах небольшие огороды имелись. Работа на них начиналась после спада вешних вод в июне. Выращивали капусту и картофель – основную повседневную пищу дедюхинцев. Однако и их выращивание было затруднено: весенние разливы Камы уничтожали огороды.

Разнообразить рацион помогали дары природы. Дети и женщины горного города участвовали в ежегодном сборе ягод и грибов. Д. Петухов писал:

«Овощи родятся плохо. Капуста родится тощая и слабая, а картофель водянистый; огурцы родятся только в парниках и на грядках, содержащих с особой заботливостью.

На Пыскорских гористых местностях растет земляника, поспевающая около Петрова дня, за земляникой начинают носить княжнику, доспевающую вполне около половины июля; тогда она получает крупность, гранатный цвет, приятный вкус и нежный запах; за княжником поспевают морошка, черника, малина, смородина, брусника и, наконец, клюква. Из земляники, княжники, малины, смородины и рябины приготавливаются варенья и наливки; первенство из этих лакомств остается за княжником, которая принадлежит к изысканным прихотям и угощениям»*.

**Петухов Д. Горный город
Дедюхин... С. 203-204.*

Еще одним средством разнообразить питание была рыбная ловля. Напротив самих промыслов рыба в Каме ловилась плохо и только во время весеннего спада воды. В Чашкинском озере рыбалка тоже была

неважная и малодобычливая – по-видимому, ситуация там изменилась только в начале XX в. В альбоме Богомолова рыбалке на Чашкинском озере посвящена «картина» с названием «Весеннее время май»:

«1903 год, Богомолу было 31 год. Озеро 4 верст было. 1 мая поехал в лодке Богомол Петр Петрович в лес по обходу во время разлива воды на озера рыбачить и за охотой и по дрова в новой лодке. У Богомолова все под рукой: рыбы привезет, уток и косачей и дров привезет домой, но только не ленись»*.

**БИХМ. № 1187, л. 97.*

Выше же и ниже по течению от Дедюхина, особенно в речках-притоках, дела с рыбой обстояли лучше. В Яйве добывали тридцатифунтовую стерлядь, в самоловы-*подольники* попадался лещ – иногда до 600 штук зараз. Осенью счастливилось добыть пудового тайменя или осетра.

Жилища дедюхинцев, как правило, не отличались особенной чистотой. В тесных избах трудно было избавиться от насекомых-паразитов. Даже к середине XX в. ситуация не изменилась. Старожил Дедюхина З. С. Устюгова вспоминает:

«Как выводили тараканов? Зимой в мороз топили баню. Двери в доме на ночь открывали. Сами уходили спать в баню. Наутро все тараканы были заморожены. Хотя в бане мылись каждую субботу, парились, тем не менее, у большинства женщин и девочек в голове были вши. Это не было зазорным. Был настоящий ритуал: соседки собирались и друг у друга, как говорилось, искали в голове. Для этого был настоящий ножичек, некоторые просили сильно им поскоблить. Потом волосы чесались гребешком. А летом такая кампания устраивалась перед домом на скамейке и уничтожала насекомых. Я помню, после 7 класса «звери» куда-то исчезли» (*Записано С. В. Скорняковой в 1999 г.*).

К сожалению, подробных описаний жилищ дедюхинцев в XIX в. не сохранилось. Однако, помня о том, что традиционный уклад очень консервативен, можно воспользоваться воспоминаниями жителей Дедюхина XX в. Та же З. С. Устюгова вспоминает:

«Какой был наш дом (изба)? Сначала был одноэтажный в два окна. Потом подвели нижний этаж. Во дворе были хозяйственные постройки – под одной крышей два хлева (один теплый, другой холодный, над ними была поветь (сеновал), рядом – сарай, где были сложены в поленицу дрова и находилась овощная яма. В сарае летом отец занимался столярным делом, здесь был установлен верстак. Была баня, из сеней к бане проложены дощечки.

Внизу, напротив русской печки, стоял большой стол-курятник, где зимой жили куры. В избе иногда жили теленок, козленок. На столе стряпали. Эта часть избы называлась куть (кухня). Посередине в полу была западня (крышка), через которую спускались в голбец (погреб).

У одной стены стояла кровать родителей, у другой – обеденный стол.

На втором этаже была голландская печь. Площадь разделялась перегородкой (заборкой) на две комнатки. В одной стоял посудный шкаф, швейная машина «Зингер», угловой стол, у простенки еще стол, трюмо, комод. На полу само-

тканые полосатые половики. Внизу в углу были небольшие иконы. Над кроватью висела большая картина «Буденный на коне», вверху – картины «Ленин», «У гроба вождя», фотографии. Мебель была самодельная, кроме венских стульев. В горшках росли цветы: фикус, олеандр, березка, герани, петунии. Стены были оштукатурены, печь побелена.

В сенях стояли сундуки с бельем, одеждой. Когда поздней осенью резали поросенка, в сенях весили его тушу. На чердаке хранились ненужные вещи, висели веники, зимой хранили клюкву». (Записано С.В. Скорняковой в 1999 г.)

Швейная машинка, картины и фотографии – это уже «родимое пятно» XX в., но остальное описание, вероятно, подошло бы и к жилищу века XIX-го.

*«...материалы эти могут быть сколько
любопытны, столько же и полезны...»*

КРАЕВЕДЫ

О горном городе Дедюхине написано мало книг и статей. Причины тому – отсутствие сохранившихся источников, быть может, не столь долгая и не столь яркая (по сравнению с другими населенными пунктами Урала) жизнь, бесславная гибель. Между тем, с историей этого поселения связана судьба нескольких историков-краеведов – любителей и профессионалов, – внесших огромный вклад в историографию Урала.

В XIX в. одной из самых просвещенных частей русского общества были священнослужители. Они не только справляли христианский культ, но и учили грамоте крестьян и мастеровых, они активно изучали историю тех земель, в которых несли службу, собирали и систематизировали крупицы знаний, извлеченных из древних документов, занимались бытописанием, составляли этнографические заметки. Несколько имен священников-подвижников, священников-краеведов связано с горным городом Дедюхином.

Александр Матвеевич Луканин

Александр Матвеевич Луканин родился 21 ноября 1821 г. в селе Ординском Осинского уезда в семье пономаря. Образование получил в Пермской духовной семинарии, которую окончил в 1842 г., и был рукоположен в священники Христорождественского собора в Юговском казенном заводе. При заводе существовали мужская и женская Горного ведомства школы, в которых о. Луканин в 1842–1845 гг. преподавал Закон Божий.

В конце 1845 г. о. Луканин подает прошение о переводе его в горный город Дедюхин. Священником Христорожественского собора и законоучителем в горной школе Александр Матвеевич Луканин прослужил всего два года. К сожалению, об этих годах известно очень мало, но, судя по всему, он сумел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны, т. к. зимой 1848 г. был переведен в Соликамск в Свято-Троицкий собор и определен членом Соликамского духовного правления, благочинным по 1-му округу Соликамского уезда, депутатом при испытаниях по Закону Божию в училищах и представлен к другим почетным должностям. Вскоре он получил также должность смотрителя Соликамского духовного училища.

Архиепископ Неофит в 1853 г. отправляет о. Луканина в Нытвенский завод Оханского уезда. Там о. Луканин получает назначение законоучителем приходского училища и цензора проповедей по 1-му благочинническому округу Оханского уезда. Через год он становится благочинным округа и миссионером по Оханскому уезду.

К 1854 г. за многочисленные публикации о движении населения, рождаемости и смертности в губернии, об истории Соликамска избирается в члены-корреспонденты Пермского губернского статистического комитета.

В 1862 г. о. Луканина возводят в сан протоиерея и вновь переводят в Юговской завод настоятелем Христорожественского собора, а в 1863 г. назначают благочинным 1-го округа Пермского уезда. В 1867 г. о. Луканин избран членом правления Пермской духовной семинарии. Он перебирается в Пермь, но уже в 1869 г. из губернского города уезжает в Екатеринбург, в Вознесенскую церковь, где назначен благочинным 1-го округа и избран в училищное правление.

В конце декабря 1871 г. о. Луканина вновь переводят в Пермь протоиереем и благочинным кафедрального собора. Здесь он становится членом Пермской духовной консистории. С 1871 г. и до самой смерти, которая постигла о. Луканина 7 ноября 1889 г., он непрерывно служит в Перми, являясь (кроме упомянутых должностей) в разные годы также членом комитета миссионерского общества, членом правления духовной семинарии, председателем Пермского епархиального училищного совета.

В течение десяти лет – с 1879 по 1889 г. – Александр Матвеевич являлся бессменным редактором «Пермских епархиальных ведомостей». За свои труды он был отмечен духовными и светскими наградами, в том числе двумя орденами Св. Владимира – 4-й и 3-й степени.

Научные интересы о. Луканина были разнообразны. Блестящий

знаток церковного права, он написал «Руководство к производству дознаний и следствий», неоднократно переиздававшееся. Его труд «Церковно-историческое и археологическое описание города Соликамска» получил высокую оценку другого видного историка края – А. А. Дмитриева:

**Дмитриев А. А. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. – Пермь, 1902. – Вып. 1. – С. 19.*

«По знанию местных церковных архивов, столь богатых в Соликамске, по необычайному трудолюбию автора, это – капитальная ученая работа, которую нужно поставить выше трудов о. Ипполита Словцова по истории Соликамского и Пыскорского монастырей»*.

Ипполит Федорович Словцов

Ипполит Федорович Словцов родился в семье священника в 1826 г. Образование получил в Пермской духовной семинарии. В 1849 г. был рукоположен в сан священника Христорождественского собора Дедюхина. По поводу этого назначения в фондах Березниковского музея сохранился следующий документ, который мы позволим себе привести полностью:

«№ 188. Получено мар. 26 1849. Дедюхинского Христорождественского собора священноцерковнослужителям.

В исполнение указа из Соликамского духовного правления от 4 марта за №127 им всем должно знать, что к Дедюхинскому Христорождественскому собору определен священником [неразборчиво] Ипполит Словцов, который с аттестатом закончил... Церковной Пермской семинарии... 15 июня 1848 года за №362 [ему] назначен 21 года священнический сан, принадлежит к первому разряду [неразборчиво] семинарии. Марта 24-го 1849 года.

***БИХМ. № 4201/5.*

Благочинный священник А. Луканин»**.

Документ этот интересен тем, что в нем соединены имена двух священников-историков, в разное время служивших в Христорождественском соборе Дедюхина. В этом простом совпадении есть что-то символическое: кто знает, может быть, именно служба в Дедюхине пробудила у двух священников интерес к древней истории края?

Через год Ипполита Словцова привлекли к работе в составе временного ревизионного комитета, учрежденного для проверки экономических отчетов Соликамского духовного училища. Тогда же Святейший синод озаботился созданием истории русских епархий, и в Пермской губернии составление церковно-исторических и статистических сведений о церквях 1-го Соликамского благочиннического округа поручено было молодому священнику Ипполиту Словцову. В предисловии к «Опыту описания некоторых церквей Соликамского уезда», опубликованному в пермских «Епархиальных ведомостях» в 1875 г., он писал:

«Почти двадцать пять лет прошло с этого времени: сведений накопилось у меня много, но все были необработанны. По обстоятельствам службы и жизни я успел напечатать только Пыскорский ставропигиальный 2-классный и Соликамский-Истобенский 3-классный монастыри. В настоящее время, после тщательной проверки и обработки накопившихся у меня материалов, я решил приступить к напечатанию их. Если эти материалы не вполне соответствуют предположениям Св. Синода, то, по крайней мере, в видах ознакомления Пермского духовенства с историей распространения христианства и устройства церквей и приходов в пределах нашей епархии, материалы эти могут быть сколько любопытны, столько же и полезны».

К моменту написания и публикации «Опыта...» о. Ипполит Словцов был уже достаточно известным исследователем. Еще служа в Дедюхине, Ипполит Федорович был утвержден членом-корреспондентом Пермско-го губернского статистического комитета (1859 г.), сотрудничал с краеведческим изданием Д. Смышляева «Пермский сборник». Весной 1865 г. о. Ипполит переезжает в Пермь и становится экономом при духовной семинарии и священником семинарской церкви. В Перми он начинает активно печататься в основанных в 1867 г. пермских «Епархиальных ведомостях». Но здесь же его постигает несчастье: умирает любимая жена. Ипполит Федорович, исполненный житейского горя, начинает пить, за что указом духовной консистории от 10 февраля 1869 г. был переведен из Перми опять в Соликамский уезд, в с. Усть-Косвинское близ Чермозского завода, священником Спасо-Преображенской церкви. Там он тоже задержался недолго и был отправлен служить в Екатеринбургскую епархию.

О. Ипполит Федорович Словцов скончался 28 июля 1883 г. в с. Нижнеярском Шадринского уезда Пермской губернии. Он оставил богатое историческое наследие. Все его этнографические и исторические труды до сих пор не утратили научной ценности. За исследование «О неурожае в России» И. Ф. Словцов был удостоен премии Императорского Русского географического общества.

Дмитрий Михайлович Петухов

Самая подробная история Дедюхина принадлежит перу Д. М. Петухова. Его книга «Горный город Дедюхин и окольные местности» издана в Санкт-Петербурге в 1864 г. Большинство сведений о прошлом, о быте и обычаях дедюхинцев можно почерпнуть только в этой книге.

О самом же Дмитрие Михайловиче Петухове практически ничего неизвестно: его имя не упоминается в энциклопедиях и справочниках, его биография не исследована. Собственно, все ранее опубликованные сведения об этом человеке укладываются в несколько строк: врач, проработал на казенном Дедюхинском заводе около двадцати лет, краевед-любитель, собрал все доступные ему сведения о городе и сохранил их для последующих поколений историков, занимающихся прошлым Прикамья.

Анализ исповедальных росписей Христорождественского собора Дедюхина позволяет немного дополнить эти сведения.

Родился Дмитрий Михайлович в 1819 г. Работать в качестве лекаря начал в конце 40-х либо в начале 50-х гг. В записи 1860 г. указано: должность – лекарь, гражданский чин – коллежский асессор (чин VIII класса, приравненный к чину майора). В 1862 г. он имел уже чин коллежского советника (чин VI класса, приравненный к полковнику), т. е. можно предположить, что в 1861 г. он был надворным советником (чин VII класса, приравненный к подполковнику). Неизвестно, кто был по происхождению Дмитрий Петухов, но в соответствии с таблицей о рангах он имел право на потомственное дворянство. Потомки русских и иностранцев, зачисленные по этой таблице в первые восемь классов (до коллежского асессора включительно), причислялись к «лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах, хотя бы они низкой породы были». Таким образом, карьера Дмитрия Михайловича шла стремительно (два класса за два года), что указывает на его неординарность и одаренность. Последнее упоминание о Дмитрие Петухове в исповедальных росписях Дедюхина датируется 1863 г. Известно также, что в 1865–1866 гг. он служил в земской больнице в с. Кукаре Вятской губернии.

Дмитрий Михайлович был женат, жену звали Софья Владимировна. У супругов было четверо детей – дочери Юлия (1851 г. р.), Вера (1853 г. р.), Зинаида (1855 г. р.) и Ольга (1862 г. р.).

Дмитрий Михайлович оставил после себя ряд трудов, касающихся медицины, истории и многих злободневных проблем: «Мысли о занятиях больных в госпиталях и больницах», «Дедюхинский солеваренный завод и его влияние на здоровье жителей», «Заговоры от болезней», «Дедюхинская заводская больница», «О действиях двух земских управ в Вятском крае», «Защита от болезней, или Средство быть здоровым и сильным помимо лекарств», «Врачебно-охранные рассказы для народа» и др.

Конечно, эти сведения не могут представить в полной мере биографию Дмитрия Петухова, но это все, чем мы располагаем сегодня. Стоит только надеяться, что кому-нибудь из историков удастся обнаружить документы, проливающие свет на судьбу этого неординарного человека.

Александр Алексеевич Дмитриев

Александр Алексеевич родился 22 февраля 1854 г. в семье чиновника соляного ведомства Дедюхинского завода. Могло случиться, что обряд крещения над ним проводил о. Ипполит Словцов, а лечил от детских хворей доктор Дмитрий Петухов.

В 1872 г. он окончил Пермскую мужскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, где проявил серьезное отношение к учебе и трудолюбие, изучая труды классиков исторической науки и древние русские летописи. Под руководством профессора Д. А. Корсакова изучал историю средневекового Новгорода. Именно тогда Дмитриев, по его собственным словам, решил посвятить жизнь изучению малоизвестной в то время истории Пермского края со времен новгородской колонизации до Петра I.

В 1876 г. Александр Алексеевич окончил университет и вернулся в Пермь. С 1877 по 1890 г. преподавал историю и географию в пермских гимназиях. Во время летних каникул путешествовал по губернии, собирая в местных архивах и у частных лиц оригиналы и копии старинных документов – летописи, грамоты, переписные и писцовые книги.

С 1882 по 1902 г. Дмитриев опубликовал более 140 научных работ по истории Пермского края. Главный его труд – «Пермская старина». Из первоначально планировавшихся 12 томов (по 4 на каждую часть Пермской губернии) Александр Алексеевич успел издать лишь 8, посвященных истории Перми Великой и зауральской части губернии.

Другой известный труд А. А. Дмитриева – «Очерки по истории г. Перми» – посвящен истории города от его основания до 1845 г.

В 1890–1902 гг. А. А. Дмитриев работал инспектором народных училищ Соликамского и Пермского уездов. В 1890 г. он был избран председателем Пермской ученой архивной комиссии. За свои достижения был удостоен почетного отзыва Российской академии наук (1895 г.), избран действительным членом Финляндского общества археологии, Петербургского археологического института и других научных организаций.

О Дедюхине у Дмитриева нет отдельных работ. Во втором выпуске «Пермской старины» он рассматривает историю возникновения Дедюхинских промыслов, указывает на совершенное отсутствие старинных документов о Дедюхине и Березниках. Александр Алексеевич присоединяется к точке зрения Д. М. Петухова, суть которой сводится к тому, что эти документы были целенаправленно уничтожены: Пыскорский монастырь подчищал архивы, изымая свидетельства, которые могли поставить под сомнение правомерность дедюхинского монастырского землевладения*.

**Дмитриев А. А. Пермская старина. – Пермь, 1890. – Вып. II. – С. 199–204.*

Александр Алексеевич Дмитриев скончался 14 июня 1902 г. и похоронен в Перми на Егошихинском кладбище.

«...близнецы-сиротки, как остались от родителя Петра Карповича Богомолова и что видели за свою жизнь...»

ЖИТИЕ ДВУХ БРАТЬЕВ

В Березниковском историко-художественном музее им. И. Ф. Коновалова хранится удивительный по своей эмоциональной пронзительности и информационной насыщенности документ*.

*БИХМ. №. 1187, альбом жизни Петра Петровича Богомолова.

Это толстый альбом с любовно и тщательно, хоть неумело и наивно, выполненными «картинами» и берущими за душу подписями-комментариями. Называется он «Житье 2 братьев Петра и Алексея, близнецы-сиротки, как остались от родителя Петра Карповича Богомолова и что видели за свою жизнь 82 г., и что приобрели за свою жизнь, до 82 лет своей жизни Петр и Алексей».

Открывается альбом «№1 картиной печальной» 1873 г.:

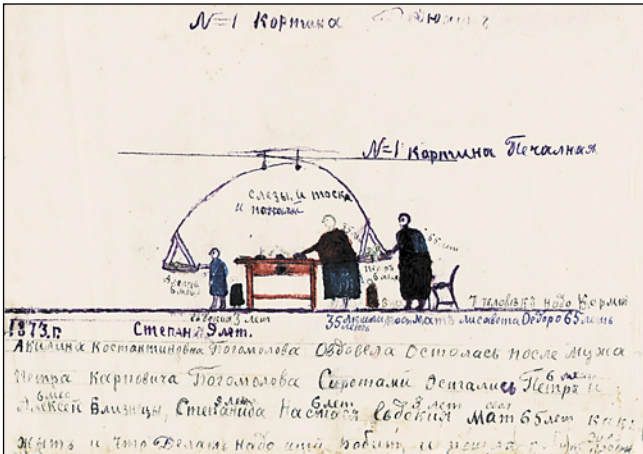
«Акилина Константиновна Богомолова овдовела, осталась после мужа Петра Карповича Богомолова. Сиротами остались Петр (6 мес.) и Алексей (6 мес.), Степанида (9 лет), Настася (6 лет), Евдокия (3 лет), своя мать 65 лет (имеется в виду мать Акилины Константиновны. – Авт.). Как жить и что делать?»**.

**Здесь и далее орфография и пунктуация источника несколько поправлены с целью сделать документ понятным современному читателю.

Есть в альбоме и предупреждение, написанное Петром Богомоловым: «*Не читай, заплачешь, что было*».

И далее – шаг за шагом, картина за картиной, лист за листом – раскрываются подробности жизни дедюхинцев Петра и Алексея Богомоловых. И история последних десятилетий существования самого Дедюхина – до того момента, когда было принято решение о переносе города и затоплении того, что от него осталось...

Акилина Константиновна, овдовев в тридцать пять лет, с пятью детьми на руках, зарабатывала тем, что «с бабами соль в амбар подымала». Всего на Дедюхинском заводе носили соль 30 человек, и за смену одному работнику нужно было перетаскать 80 мешков по три пуда весом, поднять их вверх по двадцати ступенькам... Платили за эту работу 35 коп. в день. Пуд муки стоил 45 коп. Иногда приходил отец Акилины Константиновны, Константин Петрович, приносил крупчатки, рыбы, ткани на одежду детям: «*Как-то поднимай ребят, из них будут люди... Я помогу тебе, сколько могу...*»



«Картина печальная». Рисунок из альбома П. Богомолова. 1883–1885 гг.

Три года Петр и Алексей посещали школу. «У Петра не было валенок. Учитель дает ему валенки по сиротству, и сапоги тоже по сиротству. Богомолов Петр Петрович научился самоуком читать и писать». Эти события датируются в альбоме 1883–1885 гг., но, скорее всего, они относятся к 1886–1888 гг., ко времени простоя завода: «Петр бегал в школу. На ногах не было, на руках не было, и на себе не было (ничего не надето. – Авт.). Завод стоял 3 г. Мать не робила. На заводе работы не было. Пришлось ходить по миру. Зимой в школу иду, милостыньку выбегаю, с школы иду, другую выбегаю.



Алексей Петрович и Петр Петрович Богомоловы. Фото 1896 г.



«О том, как носили соль». Рисунок из альбома П. Богомолова. 1883–1885 гг.

Петр сказал: «Несчастливая моя жизнь, остался от родителя ходить по миру. – Горько заплакал Петр. – Несчастливые мы ребята, Петр и Алексей близнецы»». Став постарше, близнецы начали возить на продажу в деревню паклю и дрова из леса. Работа эта была тяжелой и опасной: «Как пошли ребята из деревни домой в 8 часов вечера. Погода студеная и ветер был... Хозяева не отпускали их домой: “Не ходите, погодите ночью”. Но не послушались хозяев и пошли. “На Каме от берега отъело, и дыры насквозные, и холодно и ветер, а мы останемся здесь? Как лед поплывет, то мы здесь долго проживем”... И пошли домой... Ветер был, и дождь был, ночь холодная и темная, звезд не было, месяца не было, холод был. Идем и плачем: «Как к дому дойти, на Каме дыры насквозные». Время 12 часов было, дошли до берега – попасть нельзя... Вода холодная. И перебрали на берег. Все замерзли и пришли домой... Поутру и лед идет...»

После того как Дедюхинский завод вновь заработал, близнецы устроились работать на него: Петр – рассыльным, Алексей на конюшню «воду возить и коней чистить». Акилина Константиновна тоже пошла на старую работу – соль носить. Она вспоминала: «Как носили соль в амбары: 5 пудов на голове носили и ходили в день 70 раз и 80 раз в день, и заработка было 70 копеек, 80 копеек в день». Когда близнецам исполнилось 14, они стали «отгрести соль в амбары», получая 25 коп. в день, в 15 – возили золу «на увалы» в зимнее время, получая за это 30 коп. в день, в 17 начали таскать соль в амбары, получая за это 35 коп. в день (и не только носить соль приходилось – и всякую другую работу делать: «Носили соль с бабами Петр и Алексей сиротки. Приходилось в год на той работе робить, и на другой работе – куда пошлют нас робить. Отпереться нельзя – надо робить»). С 18 лет начали работать на варнице – «унимать соль» и кочегарить. На этой работе они получали 12–12,5 руб. в день (Так в документе. Возможно, подразумевалось в месяц. – Авт.) Позднее, купив лошадь, Петр Петрович станет возить на ней дрова, зарабатывая 15 руб. в месяц и считая это приличной зарплатой, но работать приходилось в две смены – с шести утра, а потом с шести вечера. «Послали унимать Петра и Алексея. Петра на 2-й номер, Алексея на 1-й номер варницы, но сперва было тяжело робить. А потом попривыкли». При этом «живыми деньгами» выдавалось совсем мало, платили продуктами – хлебом, крупчаткой, сахаром, рыбой. После революции система оплаты, по-видимому, не изменилась. Петр Петрович проработал 46 лет на заводе, а его брат – 54 года. За это время Петр получил «живыми деньгами» всего 130 руб., а Алексей – 175 руб.

Меж тем старый родительский дом обветшал, и Акилина Константиновна его продала «зятю своему Евиму Семеновичу Лапаеву. *Ветхий дом. Мать и Петр и Алексей близнецы сиротки покупают дом новый, уплатно уплачивают за него... месяца и в год за него (вероятно, приобрели в рассрочку. – Авт.). Петр и Алексей близнецы и мать начинают жить по-новому, приобретать своими трудами на 19 году (от рождения. – Авт.), приобретать свое хозяйство*». Когда же сыновьям исполнилось по 20 лет, мать больше не смогла работать. «*Акилина Константиновна Богомолова работала в заводе 17 лет, не покладая рук своих, не раз и не два знобила руки и ноги, подымая ребят Петра и Алексея, близнецов сироток... Но я больше робить не могу*».

Кроме работы на заводе, Петру Петровичу довелось возить своего «хозяина» Ивана Петровича Вилесова через Каму во время весенних половодий на лодке с гордым названием «Варяг»; также он возил дрова на варницу – на своей лошади.

Быт постепенно налаживался. Петр купил гармошку, а Алексей надумал жениться. Вероятно, с точки зрения Акилины Константиновны, ни того, ни другого делать не следовало, и отреагировала она на эти новости достаточно эмоционально – решила «*бить ребят лопатой и ухватом*», при этом приговаривая: «*Наломаю бока, вы не захотите жениться-то. Давно ходили по дворам-то, собирали милостыню? Вас девки-те шибли с ума-то, в заводе-то. Я дам как жениться тебе-то!*» Алексей отвечал: «*Приведу домой... она красивая!*» – «*Посмотрим, как приведешь!*» – «*Приведу*». – «*Но лопата и ухват у меня в руках, пособит Петр мне. Вот дурак ты!*» Однако вскоре Акилина Константиновна сменила гнев на милость: «*Мать благословляет сына своего Алексея Петровича хлебом и солью и говорит: "Без скотины не жить, на квартирах не жить, один другого слушаться"*. Материное благословение помогает. Алексей прожил до 80 лет, без хлеба не жывал, без скотины и на квартире не жывал». Свадьба состоялась в 1895 г. В том же году и Петр Петрович решил жениться, и украсила альбом еще одна «картина»: «*Как невеста провожает жениха Петра Петровича Богомолова домой. С гармошкой посватал невесту Елену Трофимовну Окулову, и пошла за Петра Петровича Богомолова. А отец (Елены. – Авт.) сказал: "Я знаю парня как себя, парень хороший, но до осени не дам девку. Я стар стал, и старуха робить не может, вся надежда на девку. Жди осени, Петр Петрович"*». Осенью пришла повестка: призывникам Алексею Петровичу и Петру Петровичу прибыть в Соликамск «*по воинской*

повинности». И с 1 июня по 1 июля 1896 г. братья «*учатся к воинской службе*» в 26 верстах от своего родного дома. А по возвращении домой в октябре 1896 г. Петр Петрович играет свадьбу.

В альбоме с особой любовью нарисован свадебный поезд – на нескольких страницах. *«Свахи приезжали от венца, и все гости едут. Поехали! Всех лошадей было 7 лошадей. Приглашенные певчие – 4 человека»*. Вновь с благодарностью описывается материнское благословение.

Петр Петрович честно трудился, налаживал хозяйство. На следующий год после свадьбы он приобрел дом за 50 руб. *«У Петра не было ни самовару, ни коров, ни часов... Худой дом, ветхий... Но Петр сказал: “Наживу, был бы ум и здоровье... Все будет”... Так все и нажил»*. Обзавелся лошадей, коровой, с особой гордостью пишет о приобретении самовара (за 10 руб. 50 коп.), часов и швейной машинки «Зингер».

Родился сын Андрей, но прожил он недолго. Потом родилась дочь Александра. Роды были тяжелые, с осложнениями, и Елена Трофимовна оправиться после них не смогла. Долго болела и вскоре померла. А дочь прожила еще 40 лет.

Сильно горевал Петр Петрович, но вторично женился менее чем через год – на Параскеве Александровне. С ней он проживет 42 года, у них родятся дети – семь сыновей и три дочери.

В возрасте 31 года Петра Петровича (*«собрание 850 человек»*) избрали лесником. Об этих годах Петр Петрович вспоминает особенно: *«Жалованья было только 10 рублей в месяц, и можешь рыбачить, и дрова рубить, и охотиться... Свободное время – что хочешь, то и делай... Поручено ему на даче досматривать, чтобы пакостей не было... Дали револьвер и клеймо»*. В это же время Петр Петрович у некоего старика научился *«ладить лодки»*. Он описывает рыбалку на Чашкинском озере, рисует картину спасения трех лошадей, у которых потом найдутся хозяева. Потом Петр Петрович вновь вернется на завод.

И тут мирная жизнь обрывается – начинается Гражданская война. Здесь повествование становится очень эмоциональным, но не вполне понятным. Кто-то вызвал Петра и Алексея в Веретею: *«За неявку суд, и стегать будут вас»*. Здесь же нарисованы лошади, запряженные в сани, а в санях – люди в буденовках и с винтовками и комментарий – *«картина печальная»*. Из Веретеи братьев отправили в Соликамск, из Соликамска – в Чердынь (*«И поехали 1000 лошадей»*). А потом люди в буденовках сменяются на рисунках людьми в фуражках, но записи не

становятся веселей: «Петр и Алексей поехали на лесопилку содового завода... Только отработались и, не отдохнув, поехали. За невяжку – суд и стегать будут... Белые взяли [Алексея Петровича], и месяц не было его дома... И что видел дорогой – слезы, и тоска, и печаль... Хлеба нет, денег нет... домой пришел без лошади...»

А потом вернулись красные: «“Сказывай, сколько у вас, Богомолов Петр Петрович?” Богомолов Петр Петрович начал сказывать: 2 лошади, 2 коровы и телка 3 лет, 5 штук овец, кур 10 и еще чего. “Сказывай правду, то отдерем, сукин сын, буржуй”. Богомолову Петру Петровичу не поглянулись эти слова. “Ты, буржуй”. – “От буржуев слышу”. – “Ты сволочь, бя”. – “Я труженик, я от кошеля (имеется в виду нищенская сума. – Авт.) нажил“. – “Не может быть!” – “Собери соседей, что скажут”. И собрали соседей 10 человек, и сказали: “Два брата по дворам ходили, сиротки, труженики, Петр и Алексей близнецы”».

Невольно вспоминается: «Белье приходят – грабят, красные приходят – грабят. Куда бедному крестьянину податься?»

О годах советской власти в альбоме практически ничего нет. Только последние дни Дедюхина описаны более-менее подробно – и пропитаны эти рисунки и строки такой горечью, от которой ком в горле. Прожил человек долгую жизнь, прожил честно, работал, растил детей, обзаводился каким-никаким хозяйством, и теперь – на склоне лет, дряхлым стариком – лишается всего. Обидно и несправедливо.

История жизни Петра Петровича многое теряет в пересказе. История маленького человека, угодившего в жернова века-волкодава. И делал он свой альбом, трепетно и неумело вырисовывая фигурки людей и животных, очертания строений, рефреном повторяя комментарий «картина печальная», делал, должно быть, пытаясь доказать, что жизнь прожита не зря, и вообще была она, эта жизнь, и не вина Петра Петровича, что после восьмидесяти прожитых лет он может оставить после себя лишь альбом с рисунками.

Альбом этот стоит многого. В нем запечатлена судьба человека, запечатлена эпоха. И мы очень надеемся, что когда-нибудь этот альбом будет издан – на хорошей бумаге, с подробными комментариями. Он достоин публикации, достоин, быть может, в большей степени, чем десятки книг – научных ли, художественных ли, написанных более ясным и грамотным языком. Достоин потому, что в нем есть самое главное, то, что ускользает от многих писателей и ученых, – в нем есть Жизнь. Жизнь человека.

«Стал ломать дом и стал тосковать
и плакать об нем...»

ЗАТОПЛЕНИЕ ДЕДЮХИНА

О последних днях существования Дедюхина, о переселении его жителей удивительно мало сведений. Не то чтобы в местных газетах совсем не было каких-либо публикаций по этому поводу, но все эти публикации кратки и малоинформативны. Вероятно, это связано с тем, что переселение оказалось если не катастрофой, то огромной проблемой для дедюхинцев, и отношение к нему у народа было, мягко говоря, неоднозначным.

Вот эти публикации:

«На окраинах нашего города в новых поселках Кропачево, Абрамово, Семино идет усиленное индивидуальное строительство».

Советы новоселам//Березниковский рабочий. – 1952. – 2 авг.

«Жители поселков Ленва и Дедюхино перевозят свои деревянные дома на новые места – в Кропачево, Абрамово. Строительство идет полным ходом. Но как недостаток можно отметить, что дома ставят близко друг к другу».

Куда смотрит пожарная охрана?//Березниковский рабочий. – 1952. – 1 июля.

«В п. Новое Кропачево нет дорог, связи, света, воды. Восточнее поселка в ложине есть грунтовая вода, где дедовским способом добывали воду. Дома новоселов нестандартные, а план застройки для стандартных домов».

В поселке «Новое Кропачево»//Березниковский рабочий. – 1952. – 13 июля.

«Многие жители Ленвы и Дедюхина, поселков г. Березники, переехали в северный район города – за пределы зоны затопления, которая возникнет с пуском Камской ГЭС. В заселяемом районе нет водопровода, электричества, радио, клуба. Плохо обстоит дело с подготовкой школ к новому учебному году. Еще в прошлом году было разобрано и перевезено здание Дедюхинской начальной школы. Однако до сих пор оно не восстановлено. Здание семилетней школы построено плохо. Не налажены в районе торговля и транспорт. Чтобы купить что-нибудь из промтоваров, нужно отправляться за семь километров в город пешком»..

Район, забытый Березниковским горисполкомом//Звезда. – 1953. – 10 июля.

«Организован транспорт для перевозки домов из Ленвы и Дедюхино. В северном районе, куда перебазировались поселки Ленва и Дедюхино, организована продажа населению стройматериалов. За короткий период в новом районе восстановлены две школы, открыто 5 магазинов, амбулатория, больница. В 1953 г. в районе проведен водопровод и установлено 6 колонок. В 1954 г. начались работы по электроосвещению. Строительство домов шло недостаточно быстро. Некоторое время переселенцы жили в коммунальных домах».

*Больше заботы о нуждах нового района//
Березниковский рабочий. – 1954. – 23 апр.*

«Со строительством Камской ГЭС встал вопрос о перемещении рабочих поселков Ленвы, Дедюхино и части Заячьей горки из затопляемой зоны.

Нужно было переместить более 1,5 тыс. семей. Местом переселения была выбрана площадь в 5–6 километрах от центра города, близ деревни Абрамово. В 1952 г. началось массовое переселение в Северный район. Было перевезено и полностью или частично восстановлено на новых местах свыше 700 домовладений. В 1953 г. перенос зданий из зоны затопления был завершен. С осени 1954 г. начали курсировать комфортабельные автобусы от города до района».

*Настоящее и будущее Северного района//
Березниковский рабочий. – 1954. – 9 мая.*

Петр Петрович Богомолов описал события, связанные с разрушением Дедюхина, так:

«1953. 80 лет. Живу в зимовке – февраль, март, апрель, май. Избы нет... Много слез, много горя видел Богомолов... Разорение... 1953 ноября 5 числа... повел корову телку 3 лет на Камень из Дедюхина, и с дочерью Марией Петровной облились слезами, горько заплакали о корове и о телке, как растил телку 3 года, жаль мне ее. Но что получилось за свою жизнь 81 год Богомолов Петр Петрович: телку пришлось заколоть, села нет, дома [нет]...»

Да и сама перевозка вещей стоила недешево:

«...6 машин, за машины 500 руб. да вина литру... суп, каша... всего 700 р. За что машина, на что машину [за какие средства нанимать] это разорение...»*

**БИХМ. № 1187, л. 152.*

А самое подробное описание разрушения Дедюхина принадлежит перу известного березниковского краеведа Г. Веревкина:

«Последняя весна для Ленвы, Дедюхино и Усолья наступила в 1953 году. С окончанием строительства Камской ГЭС создавалось Камское море, которое затопляло территорию в 1750 квадратных километров – длиной 265 километров, а в ширину местами до 35 километров. Ниже Пожвы противоположных берегов не видно. В зону затопления попали 10 тысяч больших и маленьких населенных пунктов. К весеннему половодью местные жители привыкли, приспособились и сейчас вспоминают как светлые мгновения из жизни. Но теперь вода будет стоять постоянно, и приходилось переезжать. К весне жителей осталось немного, большинство уже уехало. Оставшиеся еще сажали огороды, но понимали, что к осени с родными, насиженными местами придется расставаться.

16–18 апреля 1954 года пролеты плотины Камской ГЭС были перекрыты, началось наполнение Камского моря. Уровень воды подняли на 13 метров, через два года еще на 8 метров, а к 1960 году до максимальной отметки – 21,5 метра.

Переселение началось в 1953 году постановлением Молотовского облисполкома от 6 июля. А 1 августа были созданы оценочные комиссии, которые сразу приступили к работе. Проводился осмотр и оценка строений. В актах отражалось их состояние, возможность переноса, расходы по перевозке, потребность в материалах, компенсация за растения (черемуха в тогдашних ценах стоила 5 рублей, тополь – 10 рублей, за куст малины и смородины давали 3 рубля). Переносить дома предлагалось всем. Квартиры предоставлялись тем, у кого дом был гнилой и не подлежал переносу. Все остались недовольны суммами оценки, мало кто уложился в полученные деньги.

Большие семьи, где было несколько мужчин, сами разбирали и собирали дом на новом месте. Остальным приходилось нанимать рабочих. Первоначально выплачивалась только половина компенсации, а оставшаяся сумма – после очистки старого участка и начала строительства нового дома. Какой-то период приходилось жить на частных квартирах, в сараях или переезжать в недостроенный дом. Деньги выдавали с задержкой, а они требовались немедленно. Старожилы вспоминают страшные очереди за получением документов, неразбериху в учреждениях. Но все утряслось.

Для новых построек отвели место у деревень Семино и Абрамово и вырубленное пространство на берегу реки Зырянка (пруда еще не было), получившее название Новая Зырянка. Лет через двадцать слово «новая» забылось, поселок стал называться просто Зырянка. В 1952 и 1953 годах по Советскому проспекту нескончаемой вереницей двигались лесовозы и грузовые машины с бревнами. Перевозили клубы, школы, пожарное депо, здание Ленвенского райисполкома, который действовал до 1961 года.

Большое недовольство вызвало то, что соседям, дружившим из поколения в поколение, не предоставлялись места для строительства домов рядом друг с другом. Даже родственники оказались в разных концах города. А ведь Ленва и Усолье существовали почти 350 лет, дата основания Дедюхина вообще терялась во тьме столетий – пять веков назад, не менее. Компактно собранные, новые жители Семино и Абрамово в первое десятилетие еще сохраняли свою самобытность, но постепенно ее утрачивали. Вырастало новое поколение, не помнившее старой жизни, и только при встречах старожилы вспоминали прошлое.

В Березниковском историко-художественном музее есть картина Леонида Старкова, на которой запечатлен Дедюхин. У церкви зеленая трава, гуляют женщины с детьми, дома, деревья. Идиллия... Словно тихий городок то ли



Здесь был город Дедюхин... Фото 2006 г.

на Западе, то ли в центре России в дореволюционное время. При простоте мотивов в пейзаже нет бытовизма, природа одухотворена мыслью о прекрасном, обращена к человеческим чувствам. О подобных произведениях кто-то сказал: “Думающий пейзаж”. Они и зрителей заставляют задуматься. Трудно представить, что Дедюхина давно нет и никогда не будет*.

*Веревкин Г. *Великое переселение // Березники вечерние. – 2007. – 5 сент.*

Печальны последние строки. И все-таки березниковский краевед не совсем прав. Есть пространство, которое не разрушить переселениями и наводнениями, пространство, в котором Дедюхин продолжает существовать – пространство исторической памяти. Дедюхин жив, пока о нем пишутся статьи и книги, пока хранятся в музеях и архивах его реликвии, пока о нем помнят люди. И не стоит забывать, что он стал составной частью нового города – Березников.

«...а прекратилась ли история Дедюхина?»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Дедюхин разрушен, частично ушел под воду, зарос осокой... История этого поселения прекратила течение свое, о каком XX-м и, тем более, XXI в. может идти речь? Не будет ли это цинично по отношению к исчезнувшему городу?

В августе 1991 г. в Верхнекамье прибыл отряд Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета под руководством Н.Е. Соколовой. Перед археологами стояла сложная задача: определить наличие и степень сохранности древних культурных слоев** погибшего города.

К тому времени территория археологического памятника состояла из четырех крупных островов и нескольких мелких и низких, едва выступающих над водой. Площадь не скрытых под водой участков составляла около 1 кв. км – ровно в два раза меньше той площади, которую занимал Дедюхин перед началом затопления.

В ходе работ на памятнике в первую очередь внимание уделялось так называемой промышленной

**Культурный слой – исторически сложившаяся система напластований грунта, утерянных вещей, мусора, остатков построек и т. д., образовавшаяся в результате деятельности человека. На многих археологических памятниках культурный слой неоднороден и представляет собой в вертикальном разрезе «слоеный пирог» из слоев и прослоек различного цвета и наполнения – при этом образовавшиеся позднее слои находятся ближе к современной поверхности, а более древние слои – в глубине. Системе взаиморасположения различных по составу и времени образования слоев и прослоек, из которых состоит культурный слой археологического памятника, называют стратиграфической ситуацией (иногда просто стратиграфией) археологического памятника.

зоне – площадке бывшего сользавода. Эта территория несильно пострадала в ходе затопления. Первое отделение завода занимало полуостров, заросший смешанным лесом и примыкающий к шоссе Березники – Усолье. Второе отделение завода располагалось на острове, отделенном от первого каналом.

Для начала археологи внимательно осмотрели современную поверхность памятника. На территории завода сохранились фундаменты варниц и рассолоподъемных труб, нижние венцы срубов соляных амбаров, выстроенных вдоль Камы в первой половине XIX в. Вся прибрежная полоса была завалена соляными шлаками, фрагментами большемерных кирпичей XVIII–XIX вв., щепой, перемешанной с песком. Были обследованы также остатки старой пристани. Потом были заложены небольшие раскопы – шурфы, с помощью которых был определен характер и степень сохранности культурного слоя Дедюхина.

Археолог Н. Е. Соколова отметила, что Дедюхин является одним из немногих археологических памятников – городских поселений Верхнего Прикамья, – где сохранились культурные слои русского города XVII–XVIII вв., он важен для науки как памятник промышленной археологии XVII–XX вв. Для изучения города наибольший интерес представляют два острова, на территории которых ранее располагались жилые кварталы. На одном из островов сохранились фундаменты Христорождественского собора, дома священника и здания богадельни. На другом острове сохранились развалины каменной часовни.

Значит, научное археологическое изучение Дедюхина еще впереди. Множество вопросов может быть разрешено с его помощью: у археологов есть шанс уточнить дату возникновения города, дать более точное описание быта его жителей, раскрыть секреты его застройки... Значит, жизнь Дедюхина продолжается.

И еще одно. Люди нехотя покидают ранее обжитые места и при любой возможности на них возвращаются. В последнее десятилетие возник ряд проектов, связанных с Дедюхином: создание историко-туристических троп через разрушенный город, строительство музейно-туристических комплексов. Пока все начинания наталкиваются на недостаток средств, но кто знает, что ждет нас в недалеком будущем? Дедюхин не забыт, и трехсотлетняя история его не оборвалась.

ХРОНИКА ДЕДЮХИНА

- 1-я половина 1670-х** – основание Дедюхина (село Рождественское Усолье).
- 1674** – начало эксплуатации Рождественского (Дедюхинского) промысла Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря.
- 1684** – упоминание «храма Спасова» в Дедюхине.
- 1711** – упоминание соборной церкви во имя Пресвятой Богородицы в Дедюхине.
- 1730–1739** – строительство Христорождественского собора.
- 1732** – учреждение в Дедюхине Пермского соляного комиссарства.
- 1741** – освящение придела Рождества Пресвятой Богородицы Христорождественского собора.
- 1764** – конфискация Дедюхинского завода в казну.
- 1775** – освящение придела Николая Чудотворца Христорождественского собора.
- 1781** – передача Дедюхинских промыслов в ведение Казенной палаты.
- 1805** – получение Дедюхиным статуса горного города.
- 1805** – открытие Соляной экспедиции в Дедюхине.
- 1805** – строительство больницы.
- 1808** – открытие мужской школы.
- 1852–1854** – строительство кладбищенской церкви Всех Святых.
- 1862** – строительство нового здания больницы.
- 1863–1886** – Дедюхинский завод в аренде у В. А. Кокарева.
- 1888–1900** – Дедюхинский завод в аренде у И. И. Любимова и Г. М. Касаткина.
- 1903** – часть Дедюхинских промыслов переходит в аренду И. П. Вилесову.
- 1908** – часть промыслов переходит в аренду дедюхинской артели.
- 1910** – открытие общества «Народный дом».
- 1916** – открытие Народного дома.
- 1918** – подчинение соляных промыслов тресту «Пермьсоль».
- 1918** – с Дедюхина снят статус города, ему присвоен статус поселка.
- 1932** – образование г. Березники, вхождение в его состав пос. Дедюхин.
- 1953** – начало переселения дедюхинцев в преддверии затопления поселения Камским водохранилищем.
- 1954** – взорван Христорождественский собор.
- 1954** – начало затопления Дедюхина.
- 1991** – первое археологическое обследование Дедюхина.

ЛИТЕРАТУРА

Белдыцкий Н. П. Производительные артели в Пермской губернии/Н. П. Белдыцкий. – Архангельск, 1913.

Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села/Г. П. Головчанский, А. Ф. Мельничук. – Пермь, 2005.

Дмитриев А. А. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края/А. А. Дмитриев. – Пермь, 1902.

Дмитриев А. А. Пермская старина/А. А. Дмитриев. – Пермь, 1890. – Вып. II.

Корчагин П. А. Губернская столица Пермь/П. А. Корчагин. – Пермь, 2006.

Красноперов Е. И. Очерк экономического быта дедюхинского заводского населения по данным посемейной переписи/Е. И. Красноперов. – Пермь, 1886.

Красноперов Е. И. Работы статистического бюро, учрежденного при Пермской губернской земской управе (по данным посемейной переписи)/Е. И. Красноперов. – Пермь, 1886.

Петухов Д. Горный город Дедюхин и окольные местности/Д. Петухов. – СПб., 1864.

Розен Б. Я. Пермьянка: история солеваренного производства в Прикамье/Б. Я. Розен. – Пермь, 1965.





ПОЖВА

XVIII в.

*«В устье Пожвы стоят деревни,
названия которых говорят
о глубокой древности»*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОСЕЛКА

Поселок Пожва находится при впадении р. Пожвы* в Каму, откуда открывается прекрасный вид на Камское водохранилище, а там, к востоку за Камой – необозримая зелень уходящих вдаль лугов и лесов.

Сохранились сведения, что поселение в устье Пожвы начиналось с двух деревушек – Усть-Пожвы и Верх-Пожвы, впервые упомянутых в 1715 г. на землях Строгановых. Тогда в них насчитывалось 7 дворов**.

Впоследствии Усть-Пожва осталась в ранге деревни и существует поныне на правом берегу Камского водохранилища, недалеко от устья р. Пожвинки (приток Камы). Верх-Пожва, расположенная на р. Пожве, в 6 км от Камы, преобразовалась сначала в село (его называли еще Пожевским), а затем в поселок, который сегодня занимает противоположные берега залива, образовавшегося при затоплении камскими водами нижнего течения р. Пожвы.

Природные условия нижней Пожвы способствовали заселению ее берегов в глубокой древности. Возле д. Усть-Пожвы в 1991 г. археологи обнаружили орудия палеолита – раннего периода каменного века. Недалеке от пос. Пожва известен могильник, где найдены керамика и бронзовые изделия X–XIV вв. Несомненно, могильник оставили коми-пермяки – древние жители бассейна р. Пожвы. К сожалению, раскопки археологических памятников не производились из-за плохой сохранности культурного слоя в связи с длительным разрушением почвы.

*Окончание *ва* означает в коми-пермяцком языке «вода». Основу слова *лож* объясняют по-разному: коми-пермяцкое *ложум* – «сосна», коми-зырянское *леж* – «поганный», удмуртское *лож* – «мутный, грязный».

**Шшонко В. Н. *Пермская летопись. – Пермь, 1884. – Ч. III, V период. – С. 599.*

*«...для государственной прибыли
и собственной пользы»*

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗАВОДА

Николай Григорьевич Строганов, один из владельцев камских вотчинных земель, предположил, что в устье р. Пожвы выгодно построить завод: место под плотину заводского пруда удобное, рабочей воды достаточно. Точные расчеты ему предоставили изыскатели Матвей Ермаков и Василий Оботин, характеризуя в рапорте от 16 декабря 1753 г. место «с крепкой глиняной землей», которое «вешнею водою не топит». К тому же было замечено, что пруд будет принимать воду четырех притоков, в котором «разливной воды во все стороны стоять будет довольно». По представлению Н.Г. Строганова Берг-коллегия специальным указом от 23 марта 1754 г. разрешила ему строить чугунолитейный завод «для приращения государственной прибыли и собственной пользы».

Строился завод с 1754 по 1756 г. в 6 км от Камы. Плотину соорудили длиной 1325 м, и в этом равной ей на всем Урале не было. При завершении строительства было принято решение получать на заводе не только чугун, но и медь, поэтому производственный комплекс *ГАПК, ф. 176, оп. 1, д. 945, л. 26. дополнился тремя медеплавильными печами, первая плавка на которых состоялась 2 июля 1758 г.*.

Но из-за малых запасов медной руды и значительной удаленности их от завода производство меди оказалось неперспективным. На заводе получали чугун и железо.

В 1770 г. Пожевской завод посетил географ Н.П. Рычков, один из молодых сотрудников Петербургской академии наук. Он оставил его весьма точное описание:

«...прибыл я в Пожевской завод господина барона Сергея Строганова (сын Н.Г. Строганова. – Авт.), лежащий от села Купроса в 50 верстах. Сей завод состоит из двух промыслов, т. е. из меднаго и железнаго; а потому для первого сделано три медеплавильных печи; для другого одна домна и семь разковочных молотов. Казалось бы, что два промысла, вообще соединенные, должны приносить преимущественнейший прибыток завода содержателю: но напротив того, если есть что убыточное для него, то без сомнения сей завод, не имеющий всего того, что споспешествует к прибыткам других заводчиков. Самая руда, плавимая на оном заводе, есть столь бедного содержания, что от ста пуд едва содержит ли она в себе один пуд чистой меди, которая тем паче еще убыточнее, что по чрезмерной ея жесткости не прежде можно плавить ее в горнах, пока не обожгут ее в так называемых роштейнах. Рассматривая столь бедное содержание Строгановских руд, каждый может

заклучить, какое малое число меди выплавляют во весь год. Заводской управитель уверял меня, что во все годовое время не могут они выплавить более 400 пуд меди, и то еще такой, которой им самим с поставкою в Екатеринбург обходится каждый пуд в шесть рублей с половиною, а иногда и дороже онаго: и так, по словам его, от каждого пуда накладу по одному рублю. Но есть ли причислить к тому еще то число крестьян, которые, безпрестанно работая в сем бесполезном промысле, пришли в крайнее разорение и в нищету, то терпимой господином Строгановым убыток будет еще гораздо превосходнее»*.

Успешно развивался заводской поселок. Он имел в 1789 г. 242 двора, а в 1796-м – 474, в которых проживало 2280 человек**.

**Продолжение журнала или дневниковых записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. – СПб., 1772. – С. 79–80.*

***Географический словарь Российской империи. – СПб., 1873. – Т. 4. – С. 150.*

XIX – начало XX в.

«...Всеволожскими многие из них внесли много полезных нововведений и улучшений»

ЭПОХА ВСЕВОЛОЖСКИХ

Земельная дача, относящаяся к заводу, была чрезвычайно обширной – 113 527 кв. десятин, и управление ею создавало немало трудностей. В 1773 г. С. Н. Строганов продал Пожевской завод Всеволоду Алексеевичу Всеволожскому за 300 тыс. серебром***. Одновременно В. А. Всеволожский приобрел в Соликамском уезде соляные промыслы в селах Новое Усолъе, Ленва, Зырянка, Орел. Главное правление своего владения создал в с. Новое Усолъе (ныне г. Усолъе).

****Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния. – СПб., 1864. – Ч. II. – С. 270.*

Род Всеволожских происходил из знатных бояр Смоленска. Одно время Всеволод Алексеевич Всеволожский являлся обер-прокурором Сената.

Пожевской завод в период его владения подвергается реконструкции. Медеплавильные печи в 1786–1787 гг. из-за сложности доставки руды были разобраны, однако остановка выплавки меди не вызвала упадка завода. Напротив, чугунолитейное и железоделательное производство находилось на подъеме. В 1788 г. была построена вторая домна. Руду доставляли из Кизеловского рудника. В 1797 г. В. А. Всеволожский впервые посетил Пожву.

После кончины Всеволода Алексеевича в 1796 г. наследником становится его племянник Всеволод Андреевич Всеволожский*. Заводом он владел до самой своей смерти в 1836 г. При нем Пожевской завод развивался наиболее успешно.

*В. А. Всеволожский жил в Санкт-Петербурге. В 1818 г. приобрел усадьбу в 20 км от Санкт-Петербурга, в местности под названием Рябово. Дом украсил металлическими изделиями, изготовленными на Пожевском заводе. Впоследствии Рябово стало г. Всеволожским. В наше время одна из его улиц называется Пожвинской.

**Александр Всеволодович Всеволожский был действительным статским советником – чиновником IV класса, равного генерал-майору в армии, стоял на особом, привилегированном положении, занимая важные посты в государстве. Участник Отечественной войны 1812 г. Был связан с А. С. Пушкиным и А. С. Грибоедовым. После 1861 г. член Пермского губернского по крестьянским делам присутствия. Последние годы жил в Пожве.

В Пермском крае Всеволод Андреевич Всеволожский построил в 1804–1818 гг. горные заводы Александровский, Всеволодовильвенский, Майкорский, Марьинский (по р. Пожве ниже Пожевского завода), а в 1825 г. основал Всеволодовильвенские золотые промыслы. В 1816 г. на р. Пожве была сооружена сложная гидротехническая система.

Забегая вперед, скажем, что следующими владельцами завода были сыновья Всеволода Андреевича Всеволожского Александр** (1793–1864) и Никита (1799–1864). В 1848 г. они разделили Пермское имение между собой. Заводы Пожевской и Елизавето-Пожевской перешли Александру. Позднее их унаследовали старшие его сыновья Дмитрий, Владимир и Всеволод. При следующем разделе заводы стали собственностью вдовы Всеволода Александровича Лидии Александровны и его детей Александра, Владимира, Ольги, Софии. На официальном бланке, использовавшемся для деловой переписки, указывалось: «Правление Пермского горнозаводского и отчинного имения их превосходительства гг. владельцев Всеволожских в Пожевском заводе».

Летопись Пожевского завода Всеволожских интересна во многих отношениях, т. к. в техническом отношении он всегда находился впереди прочих заводов и, следуя за всеми усовершенствованиями, впервые применял их у себя.

Когда в 1798 г. В. А. Всеволожский перевел из Нового Усолья в Пожву Главное правление владений Всеволожских на Урале, это значительно повлияло на расширение производства и духовную жизнь населения поселка. Пожевской завод подвергся при нем значительной реконструкции. По замыслу владельца, здесь предполагалось начать производство паровых машин.



Северная стена домны.
Фото 2008 г.

По описанию 1804 г., завод выглядел следующим образом. «Спрудная вода», т. е. вода пруда, разливалась «в длину на 8, в ширину на 1 версту». Плотина имела два «прореза»: «вешняшной» для спуска весенней



Портрет Александра Всеволозжского.
Фотокопия

воды «длины 7 сажень о 8 спусках, со сливным в 60 сажень длиною мостом»; второй – «ларевой имеет ширины 2 сажени с ларем, длиною в 60 и шириною в 3 сажени»*. Вода по «ларевому прорезу» попадала в деревянный ларь, оттуда падала на колеса, приводившие в движение механизмы.

По свидетельству того же Н. С. Попова, домна состояла из двух печей, обе «вышиною 16, глубиною до колошника (колосника. – Авт.) 13 аршин 1 четверть, шириною колоша в 1 сажень». Одна печь являлась запасной.

Для сооружения домны серый дресвяной камень был привезен из дачи Строгановых, расположенной по р. Чусовой, глина для «соединения камня» – из Вятской губернии, известь – из Чердынского уезда. Железную руду доставляли из Кизеловского рудника, древесный уголь «из 20–30- и 35-верстного расстояния». Заправлялась домна так: сначала углем, потом рудой, известью и «соком, отделяющимся при плавлении чугуна, перековываемого на железо». Когда все содержимое в печи осядет, «наполняется она таким же порядком». Расплавленный чугун выливался в формы из песка. В процессе участвовало более ста человек. На рубеже XVIII–XIX вв. за сутки выплавлялось по 400 пудов чугуна, а в год из обеих печей – до 210 тыс. пудов.

В заводской комплекс входили 3 кричные** фабрики с 15 действующими и 7 запасными молотами при 30 горнах. Горны приводились в движение «посредством чугунных цилиндрических и деревянных сырчатых мехов». В «плюшиленной (катальной. – Авт.) фабрике», где находились 1 молот и 2 станка, получали листовое железо и «соловарочные доски или полицы»: первое – до 1,2 тыс. пудов, второе – до

*Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Пермь, 1804. – Т. I. – С. 390.

**К р и ц а – твердое губчатое железо со шлаковыми включениями, заполняющими поры и полости. Получали непосредственно из руды. Кричный передел – процесс рафинирования чугуна в так называемом кричном горне с целью получения ковкого (сварочного) железа. Возник примерно в XIV в., во второй половине XVIII в. вытесняется пудлингованием. Пудлингование – передел чугуна в малоуглеродистое тестообразное железо на поду пудлинговой печи. Металл и шлак перемешивали, «накатывали» в крицу. Пришло на смену кричному переделу. Во второй половине XIX в. потеряло промышленное значение (с появлением других способов – мартеновского, конвертерных).

1,5 тыс. Листовое железо отправлялось в Москву. Железо разрезали на разные сорта в «резных фабриках». Действовала якорная фабрика с двумя ручными горнами: здесь делали новые якоря и ремонтировали старые. Имелась «пильная мельница» с двумя рамами и «мушная мельница» с четырьмя поставами-агрегатами. Кроме того, завод имел 2 кирпичных сарая, 3 амбара, кузницу. Таковы краткие сведения о Пожевском заводе, опубликованные в 1804 г.*.

**Попов Н. С. Хозяйственное описание... С. 391.*



Павильон Пожевского завода
А.В. Всеволожского на Нижегородской
ярмарке 1896 г. Фотокопия

На предзаводской площади располагались деревянная церковь во имя Пресвятой Троицы с колокольной, «домовое правление», 14 господских домов, больница (лазарет). В начале XIX в. на Пожевском заводе было занято 876 мастеровых и 1647 приписных крепостных крестьян.

Расширение производства потребовало возведения еще двух заводов: Elizaveto-Пожевского листопрокатного – в 7 км вверх по реке (окончен строительством в 1798 г.) и Марьинского – в 3 км ниже Пожевского.

Плотина Elizaveto-Пожевского завода через р. Пожву была длиной 470 сажень, шириной по подошве 25 сажень, по поверхности 6 сажень и 2 аршина, высотой 4 сажени и 2 аршина. Вода «спрудная» разливалась в длину на 4 версты, в шири-

ну – на 1 версту. «Поливной мост» для спуска «вешняшной воды» был длиной 41 сажень. В двух кричных фабриках имелось 7 действующих и 3 запасных молота с 14 горнами, «раздуваемыми посредством цилиндрических чугунных мехов». На этих молотах ежегодно выковывалось до 50 тыс. пудов железа.

Появление трех заводов – Пожевского, Elizaveto-Пожевского, Марьинского – повлекло за собой реконструкцию гидротехнических сооружений: потребовалось поднять и удлинить плотину, создать судоходный канал от главного завода до Камы, соорудить в устье Пожвы однокамерный «шлюз-ворот». Для равномерной подачи воды на рас-

стоянии 3 км выше пруда было сделано специальное регулирующее устройство. За счет каскада прудов одна и та же вода по мере прохождения по ним трижды работала на заводы. Гидротехнические работы в 1806–1816 гг. осуществлялись по проекту и под руководством Василия Петровича Воеводина*. В. А. Всеволожский писал, что «таких шлюзов нет во всей Сибири».

В 1807 г. (по другим данным в 1808, 1810 гг.) приступили к сооружению новой доменной печи, которая стала крупнейшей не только в России, но и в Европе. Она вмещала от 800 до 1000 пудов железной руды, из которой получалось от 400 до 500 пудов чугуна. Современники сравнивали ее с доменными печами Франции:

«...и таковая доменная печь построена у нас на Пожевском заводе».

Реконструкцию завода и обустройство предзаводской площади В. А. Всеволожский поручил архитекторам П. Д. Шретеру, привезенному из Санкт-Петербурга, и А. Д. Вяткину, Л. С. Мальцеву, Г. Порошину, выходцам из местного крепостного населения.

Андрей Дмитриевич Вяткин родился в 1795 г. В 1806 г. поступил писарем в правление Пожевского завода, в 1809 г. – «в архитектурские ученики по чертежной и находился по 1819 г. у приобщения к архитектурскому искусству и потом за смотрением при разных заводских строениях в Пожевском заводе»**. В 1819–1825 гг. А. Д. Вяткин занимался строительством дачи В. А. Всеволожского под Санкт-Петербургом. Там же он заведовал чертежной. Получив в российской столице солидную архитектурную подготовку, в 1825 г. возвращается в Пожву и в течение более четверти века является старшим заводским архитектором.

Под руководством А. Д. Вяткина были возведены большой заводской корпус, подпорная стена на городской площади и многие другие постройки. Историки промышленной архитектуры отмечают, что «его работы отличаются большим размахом и комплексным решением задач»***.

С двух сторон периметра заводской территории А. Д. Вяткин построил корпус длиной более 200 м, в котором разместил кузницу, механический, литейный, модельный цеха и вспомогательные мастерские. Этот корпус имел два яруса с оригинальным профилем цехов и красивыми интерьерами. Он придавал классические архитектурные формы не только зданию, но и оборудованию. Так, наковальни имели

*Василий Петрович Воеводин (1764–1829) родился в семье приказчика Пожевского завода, управлял уральской вотчиной В. А. Всеволожского в течение 32 лет. При нем Пожевской завод отстроился заново.

**РГИА, ф. 652, оп. 1, д. 964, л. 18.

***Алферов Н. С. Зодчие старого Урала. – Свердловск, 1960. – С. 57.

*К а н н е л ю р ы – вертикальные желобки на стволе колонн или пилястры.

Т р а н с м и с с и я – совокупность устройств для передачи вращения от двигателя к валу рабочего механизма, например к оси автомобильного колеса или мешалке.

К р о н ш т е й н – конструкция для опоры частей здания, стеллажей; крепления деталей или узлов машин (сооружений) к стене, стойке, колонне.

***Алферов Н. С. Зодчие старого Урала... С. 58–60.*

вид отрезков каннелюровых* колонн, горны кузнечно-го цеха облицовывались чугунными орнаментированными плитами, трансмиссии* поддерживались кронштейнами* чугунного художественного литья.

По поводу этого изобретения в специальной литературе отмечается:

«Пожевской завод, оформленный интерьерами, – типично барская затея, прихоть, позволившая, однако, талантливому самоучке-крепостному наряду со строительными способностями строителя выявить и артистическую натуру архитектора-художника. Цехи Пожевского завода, построенные Вяткиным, – одни из немногих на Урале, в которых уделено большое внимание архитектурной обработке интерьеров»**.

По оценке специалистов, здания были не только совершенными в техническом отношении, но и «произведениями искусства промышленной архитектуры своего времени». Писатель П. И. Мельников-Печерский, побывавший на Пожевском заводе в 1839 г., писал:

«Прихожу в завод, вижу прекрасный порядок, чистоту: совершенно не похоже на завод».

В большом корпусе чугунные колонны разделяли пролеты и поддерживали перекрытия. Каждый пролет перекрывался цилиндрическим сводом толщиной в один кирпич с металлической затяжкой. Пожвинские приемы оформления интерьеров были заимствованы при возведении подобных цехов на других уральских заводах.

Лука Степанович Мальцев окончил Пожевскую чертежную. В 1829 г. он учится у московского мастера золотарного искусства. В 1837–1839 гг. руководит сооружением водопровода в Пожевском и Елизавето-Пожевском заводах. Водопровод представлял сложное гидротехническое сооружение. Он состоял из главного водовода и ответвлений от него к колесам. Трубы в местах пересечения устанавливались на железные баки кубической формы, которые удерживались на чугунных колоннах местного литья. Одна сторона бака, обращенная к дороге, оформлялась аркой, в которой действовал фонтан: из чугунной маски льва струилась вода.

Под наблюдением Л. С. Мальцева в 1844 г. устанавливались механизмы в пудлинговой печи. Он же руководил строительством сварочной, доменной и рудообжигательной печей. Известно, что в 1840–1841 гг. Л. С. Мальцев золотил иконостасы Елизавето-Пожевской церкви.

«Заводы Всеволожских... отличаются той особенностью, что в них заведены мастерские искусств промышленных»

ВАЖНЕЙШИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

КОННО-МАШИННЫЕ СУДА И СНАРЯДЫ

Под руководством инженера-механика Жака-Батиста Пау-де-Барда в 1811 г. на заводе строятся первые конно-машинные суда – *коноводки* с конной тягой. Их изобретение сулило большое будущее, позволяя отказаться от использования бурлаков. В 1815 г. механический цех впервые оснащается машинами, приводимыми в движение паром.

Внедряется машина для полировки поверхностей снарядов:

«...к действующим двум водяным колесам приделано три круглые чугунные кадушки, одна для больших, а две на одном колесе для меньших снарядов... и когда колеса пустятца в действие, то положенные в кадушки снаряды имея скорое движение один от другого очень гладко ополировываютца»*.

**На Западном Урале. – Молотов, 1956. – С. 260.*

Ядра, картечь, а также бомбы и гранаты Пожевского завода применялись при защите России от армии Наполеона. Подсчитано по документам 1812–1813 гг., что мастеровые завода отливали их более 56 тыс. пудов.

Из слесарной фабрики Пожевского завода в 1819 г. были отправлены в Санкт-Петербург 6 пушек медных новых, 2 пушки медные старые и 8 лафетов деревянных с железными оковками и чугунными колесами под пушки**.

***ГАПК, ф. 176, оп. 1, д. 495, л. 139.*

ПАРОХОДЫ

В 1815 г. В. А. Всеволожский пригласил на Пожевской завод известного инженера-изобретателя Петра Григорьевича Соболевского***.

Под руководством П. Г. Соболевского в 1816 г. строятся первые отечественные пароходы. За строительством пароходов наблюдал сам В. А. Всеволожский. В письме сыну Александру (27 июня 1816 г.) он писал:

«Строением парового бота... я занимаюсь целые дни... сейчас еду делать на Каму пробу и по сделании сего опыта надеюсь 2-го или 3-го июля пуститься в путь...»****.

Но продвижение этого важного технического изобретения не обходилось без трудностей и конку-

****П. Г. Соболевский (1782–1841) был замечательным ученым, которого называли лучшим инженером Европы. Мировую славу и известность он завоевал своими фундаментальными работами по получению и использованию платины, которые явились поворотным пунктом в развитии химии и металлургии этого благородного металла. Признан как создатель порошковой металлургии, широко применяемой в наши дни в самых передовых областях техники.*

*****РГИА, ф. 652, оп. 1, д. 942, л. 81.*

ренции. В другом письме сыну (3 октября 1816 г.) В.А. Всеволожский сообщал:

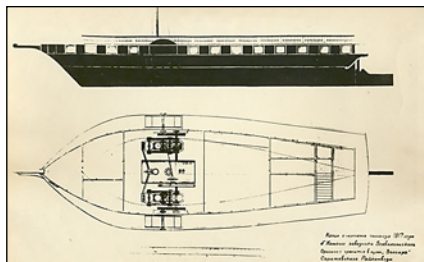
«Сейчас возвратился с устья Пожвы, где катался на нашем боте. По Каме пробовали, но сильное стремление воды еще более требует силы и некоторых еще переделок в усилии машины, но к будущей весне надеюсь поздравить вас с совершенным нашим успехом. Между тем желал бы, чтобы ты достал и прислал ко мне рисунок Бердтовской машины*, чтобы сделать сравнение той и другой. Здесь у нас по Каме лед идет, и потому более и далее не делаю испытаний, хотя и шел стимбот** вверх, но я боялся пуститься вдаль, дабы не срезать судна и не за-

*Всеволожский имел в виду Чарлза Бердта, шведа по происхождению, строившего пароходы в Санкт-Петербурге.

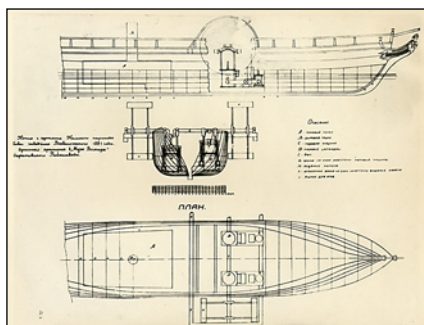
**В то время так называли пароходы.

***РГИА, ф. 652, оп. 1, д. 942, л. 61–62..

зимовать. Пожевский же лед немного судно наше попортил. Следовательно, и должен свои опыты с терпением оставить до весны»***.



Чертежи пожевского парохода 1817 г. Копия



Чертежи пожевского парохода 1821 г. Копия



Спуск первого пожевского парохода. Репродукция картины Л.П. Старкова. 1950 г. Из собрания Березниковского историко-художественного музея

О том, что в Пожве был построен первый пароход (бот), сообщалось в 1816 г. в газете «Московские ведомости», при этом особо отмечалось, что «пароход полностью – от корпуса до мельчайших деталей был изготовлен по чертежам и под непосредственным руководством П. Г. Соболевского».

П. Г. Соболевский соорудил в Пожве два парохода мощностью в 36 и 6 лошадиных сил. Для первого парохода впервые в практике судостроения была сконструирована и построена безбалансирная паровая машина – изобретение состоялось за несколько лет до начала подобных опытов в Англии. По тому времени это было крупное судно: длина его корпуса составляла 30,6 м, ширина – 6,9 м, высота – 2,6 м. Чугунный цилиндр машины весил 2539 кг.

Утром 16 августа 1817 г. в Пожве прогремел пушечный залп, и два парохода поплыли по Каме к г. Казани. Историки отечественного судостроения признают, что этот день следует считать началом пароходства на Каме и Волге*. Из Казани пароходы направились в обратный путь, однако пришлось зазимовать возле г. Елабуга. Весной 1818 г. пароходы залило водой, но паровые машины удалось спасти. Через год машина с малого парохода была доставлена в Пожву. Ее восстановили и отправили в Кизеловский рудник**. Паровую машину, «что со стимботу большому», в 1819 г. отправили в Санкт-Петербург, где она была отремонтирована «по прибытию сюда инженера г[осподина] Тета***».

В 1818 г. П. Г. Соболевский покинул Пожву, но строительство пароходов было продолжено под руководством мастеров П. К. Казанцева и С. П. Истомина. Известно, что в 1821 г. пожевской пароход «Всеволод» совершил рейс до г. Рыбинска под руководством Николая Осиповича Беспалова, который признан первым волжским капитаном. До нашего времени дошел рапорт Н. О. Беспалова В. А. Всеволожскому с подробным описанием пути по Каме и Волге протяженностью 1810 верст****.

Хотя строительство пароходов на Пожевском заводе шло успешно и плавание на них не только по Каме, но и по Волге состоялось, однако их выпуск на непродолжительное время приостанавливался, поскольку «правительственная привилегия» на судостроение была выдана не В. А. Всеволожскому, а петербургскому судозаводчику Ч. Бердту. В середине XIX в. пожевское судостроение было возобновлено. Извест-

*Плоткин С. Один из первых инженеров Европы // Наука и жизнь. – 1967. – №4. – С. 89.

**ГАПК, ф. 176, д. 623, л. 271 об.

***Петр Тет (1809?–1881) был приглашен В. А. Всеволожским в Санкт-Петербург из Англии. С 1828 г. работает механиком на Пожевском заводе, заменив Саултерна. Отслужив два контрактных срока, в 1835 г. покинул Пожву. Его заменил брат Эдуард Тет. Оба они – выдающиеся механики своего времени.

****РГИА, ф. 652, оп. 1, д. 1095.

*Карл Карлович Эрландц (1811–1876) родился в г. Або в Швеции (встречается другое написание фамилии – Эрландс). В 1846 г. прибыл в Россию и в 1850 г. поступил на службу к Всеволожским. До 1852 г. работал на Александровском заводе, затем перешел на Пожевской завод, где под его руководством впервые на Урале вводится пудлинговый способ получения железа. Был приглашен на Мотовилихинский завод, где в течение трех лет строил винтовые пароходы. На паровой винтовой лодке, построенной под его наблюдением, совершил путешествие от Перми до Швеции – к месту своего рождения. Но любовь к избранному делу и России, «с которой он уже сроднился», не позволили ему «оставаться в бездействии». Он возвращается в Пожву и продолжает строить пароходы.

В некрологе, опубликованном в «Пермских губернских ведомостях», отмечалось: «Не высокое общественное положение, не капиталы, не награды, а единственная честность, доброта и гуманность заставили всех жителей Пожвы, рабочих и сослуживцев присутствовать на его похоронах – пролить слезы и сказать от души: мир праху твоему, добрый и честный человек».

****БИХМ, коллекция документов Пожевского завода.**

но письмо Владимира Александровича Всеволожского, направленное из Санкт-Петербурга 18 сентября 1879 г. управляющему Пожевского завода А. Г. Кузнецову, в котором братья Владимир и Всеволод просили приготовить «два винтовых парохода, точно таких, как устроен покойным К. К. Эрландц [ем]* пароход «Пожва»... и о ходе работ прошу докладывать мне лично»**.

ТЕРМОЛАМПЫ

Под руководством П. Г. Соболевского на Пожевском заводе были изобретены термолампы – приборы для газового освещения, которые использовались не только в местных цехах, но и на других уральских заводах. Газ получали путем «пережигания дерева в угле». Термоламп П. Г. Соболевского проработал 4 года. Затем по его чертежам П. К. Казанцев построил еще два термолампа. Один из них проработал на заводе 13 лет, а другой В. А. Всеволожский установил в Рябово – своем имени под Санкт-Петербургом.

ТОНКОЕ ЖЕЛЕЗО И ЧАСЫ

На Пожевском заводе большого совершенства достигала прокатка металла. Получали такие тонкие листы железа, которые сравнивали с листом бумаги. Тончайший железный лист, свернутый в трубу, В. А. Всеволожский преподнес в 1825 г. музею Горного корпуса в Санкт-Петербурге.

В 1826 г. в Санкт-Петербург В. А. Всеволожскому были привезены из Пожвы очередные изобретения умельцев – циркули разной величины, токарные станки, машина *отограф*, на которой можно писать одновременно два экземпляра, и башенные часы.

Наибольший интерес петербургских специалистов привлекли часы. Высота их достигала 3 аршин, основание в окружности – почти 5 аршин. Механизм приводился в движение 5 гириями по 56 кг и одной по 40 кг (общий вес достигал 320 кг). На четырех позолоченных циферблатах показывалось время стрелками и боем через каждые 5, 15, 60 минут. Вес большого колокола достигал 152 кг.

По оценке петербургских специалистов, высказанной на страницах «Горного журнала», часы обладали рядом достоинств:

По оценке петербургских специалистов, высказанной на страницах «Горного журнала», часы обладали рядом достоинств:

«Они сделаны почти из одного железа... сталь и зеленая медь употреблены здесь в некоторых составах для уменьшения трения» и «идут исправно... ход часов не прекращается в то время, когда их заводят»*.

**Горный журнал. – 1826. – Кн. X. – С. 141, 144–145.*

Известно, что часы изготавливались мастерами и рабочими разных цехов под руководством Александра Петровича Кочегина. Давая высокую оценку изобретателям, знатоки часов считали, что много значило «отличное устройство завода, ибо члены сих часов, отделанные разными людьми, предполагают и совершенство машин, необходимых для их обработки, и искусство мастеров», а также использование «особенного железа, выделяемого отличным способом на заводе В. А. Всеволожского»:

«...сие железо имеет чрезвычайную прочность и плотность, вследствие коей принимает превосходную, блестящую палитру, подобную стали; оно называется на месте его приготовления, для отличия от прочих сортов сего металла, литым железом»**.

***Там же, с. 145.*

В. А. Всеволожский передал часы строительному комитету, занимавшемуся восстановлением после пожара Спасо-Преображенского собора в Санкт-Петербурге (в Петропавловской крепости). Для установки часов из Пожвы были приглашены А. П. Кочегин и С. И. Истомин. Циферблаты разместили на четырех сторонах колокольни собора, механизмы – во внутреннем помещении. В 1828 г. часы принял соборный часовой мастер, и они с «бесшумным ходом» точно показывали время. В 1830 г. император Николай II отметил пожевского умельца А. П. Кочегина наградным кафтаном.

Изготовление часов на Пожевском заводе время от времени предпринималось вновь. В 1832 г. В. А. Всеволожский послал на выставку в Москву часы, приготовленные под руководством механика Саултерна, служившего на заводе с 1827 г.

ПАРОВЫЕ МАШИНЫ

В 1828 г., по прибытии на Пожевской завод механика Петра Тета, началось изготовление паровых машин. В разработке проектов участвовали талантливые мастера П. К. Казанцев и С. П. Истомин. Строились паровые машины мощностью в 36–47 лошадиных сил. В 1829 г. они экспонировались на промышленной выставке в Санкт-Петербурге. За их изобретение В. А. Всеволожскому была присуждена золотая медаль первой степени. В отзыве экспозиционного комитета отмечалось:

«Чистота отделки разных выставленных машин и инструментов, между коими отличаются большие башенные и другие солнечные часы, доказывают превосходное устройство сих заводов, ибо оные вещи работаны не одним

**Ушаков И. Ф. Паровоз Пожевского завода // История машиностроения. – М., 1961. – Т. 38. – С. 310-311.*

лицом, но целыми цехами, следовательно, могут служить убеждением в совершенстве машин, необходимых для обработки таких изделий, равно как и в искусстве самих мастеровых»*.

Из рапорта управляющего Пожевским заводом 1834 г. видно, что на заводе продолжалось строительство паровых машин. В заведении мастера П. К. Казанцева находились две машины «в первоначальной работе»: «...в 40 сил... делаемая в Санкт-Петербург», «в 3 силы... делаемая в Кизеловский рудник», и в заведении прибывшего из Санкт-

***ГАПК, ф. 176, оп. 1, д. 623, л. 271-272.*

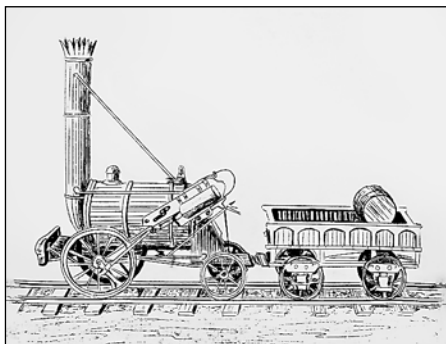
Петербурга инженера Тета в «начальной работе» была «машина паровая в 30 сил двухцилиндренная»**.

В 1833 г. в Пожве была изготовлена так называемая паровая коляска – экипаж, двигавшийся с помощью паровой машины.

ПАРОВОЗ И РЕЛЬСЫ

Когда Всеволожские в 1838 г. узнали о готовящемся проекте строительства железной дороги из Санкт-Петербурга в Москву, они решили, рассчитывая получить выгодный заказ, приступить на Пожевском заводе к сооружению паровоза. Из имения Рябово под Санкт-Петербургом в Пожву был направлен механик Эдуард Тет, брат Петра Тета. Вместе с заводскими мастерами, среди которых самым лучшим был Александр

Петрович Кочегин, состоявший уже в должности «верховного мастера слесарной фабрики», Эдуард Тет приступил к изготовлению паровоза для широкой колеи. Наличие хорошего оборудования и высококвалифицированных кадров позволило пожвинским мастерам соорудить паровоз в непродолжительное время. По традиции английских производителей, присваивающих каждому построенному изделию свое название, паровоз нарекли именем «Пермяк».



Чертеж паровоза, изготовленного на Пожевском заводе в 1839 г. Копия

В мае 1839 г. паровоз в разобранном виде доставили в Санкт-Петербург, и более полугода его сборкой занимались от 200 до 300 человек. Он был принят в качестве экспоната на мануфактурную выставку, разместившуюся на Стрелке Васильевского острова в здании Биржи (ныне здесь работает Военно-Морской музей). Паровоз из Пожвы был установлен перед входом на выставку, чтобы «олицетворять Россию, движущуюся по пути промышленного развития».

Корреспондент газеты «Северная пчела» от 8 июня 1839 г. писал:

«Взоры наши не могут насытиться видом превосходного паровоза с завода гг. Всеволожских... Чувство наше воспламеняется, и мысль рвется на простор при виде полезнейшего из всех изобретений человеческого ума! Пусть на меня гневаются все противники железных дорог, но я твердо убежден, что это изобретение есть венец гениальности и самое верное средство к обогащению, образованию и усовершенствованию рода человеческого».

«Пермяк» был встречен в российской столице как «первый русский паровоз». Так его именовали организаторы выставки, эксперты и газеты. Но фактически это был уже третий русский паровоз, если вспомнить изобретение Черепановых в Нижнем Тагиле (1834–1835 гг.).

Пожевской паровоз получил на выставке высокую оценку. Экспертная комиссия признала его «устройством и отделкою соответствующим новейшим улучшениям по сей части»*. Министр финансов Е. Ф. Канкрин представил императору Николаю I доклад, в котором отметил:

«На заводах церемониймейстера** Александра и в должности егермейстера** Никиты Всеволожских построен первый в России паровоз, который одобрен знатоками. О сем важном шаге в устройении машин министр финансов считает долгом, по представлению мануфактурного совета, довести до Высочайшего Императорского Величества***.

*РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 970, л. 70.

Паровоз «Пермяк» не уступал лучшим иностранным образцам. По размерам и мощности он значительно превосходил локомотив Черепановых: имел цилиндр вдвое меньшего диаметра, в паровом котле находилось 80 дымогарных труб. Историк техники И. Ф. Ушаков пишет:

«Само изготовление столь сложной машины требовало от рабочего персонала большой производственной культуры – технических знаний, опыта, смекалки; поэтому с полным основанием можно считать, что основной вклад в создание паровоза сделан коллективом крепостных мастеров Пожвы»****.

** Придворный чин V класса. Наблюдал за соблюдением порядка дворцовых церемоний. Придворный чин III класса. Первоначально ведал императорской охотой.

***РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 970, л. 9.

****Ушаков И. Ф. Паровоз Пожевского завода // История машиностроения. – М., 1961. – Т. 38. – С. 310–311.

Мануфактурный совет, основываясь на отзыве экспертной комиссии, присудил машинисту Эдуарду Тету золотую медаль с надписью «За полезное» для ношения на шее на Владимирской ленте.

Паровоз «Пермяк» вскоре был возвращен в пермское имение Всеволожских и был приспособлен в качестве стационарного локомобиля в механических мастерских Александровского завода «для приведения в действие слесарных станков». Здесь он работал в течение многих лет.

В 1844 г. в Пожву приехал Никита Всеволодович Всеволожский, чтобы разрешить спор, из какого металла делать железнодорожные рельсы – кричного или пудлингового. Когда были изготовлены рельсопрокатные станы и перешли к прокатке рельсов из кричного железа, Н. В. Всеволожский пригласил губернатора и управляющих соседних заводов. Признав рельсы качественными, 15 рельсов немедленно отправили в Санкт-Петербургский комитет. Всеволожские готовы были поставлять их на Петербургско-Московскую железную дорогу. В пермском имении Всеволожские построили более сотни километров рельсовых дорог, из которых главная – от Кизеловского рудника до Всеволодо-Вильвенской пристани через Александровский завод.

В 1862 г. доменное производство было остановлено, и завод стал работать на покупном чугуна. Чугун доставляли водным путем с казенных Гороблагодатских заводов. С доставкой на завод пуд чугуна обходился в 63 коп. Несмотря на трудности, производство изделий во второй половине XIX в. увеличивалось. Так, если в 1886 г. выпускалось продукции 190 тыс. пудов, то в 1889 г. – 210 тыс. пудов.

*«...при новом хозяине не сокращал
своего производства, как это было
на известнейших заводах Демидова
и Строганова»*

ЗАВОД ПРИ КНЯЗЕ С.Е. ЛЬВОВЕ

Князь Сергей Евгеньевич Львов (1859–1937) происходил из старинного княжеского рода, ветви ярославских князей. Родился в Москве. В юности уезжал учиться хозяйствовать во Францию. По возвращении на родину заступает на должность управляющего разорившимся имением Всеволожских в Пожве и исполняет эту должность с 1893 по 1900 г. С.Е. Львов приобретает имение, купчую на которое регистрирует в Московской нотариальной конторе 27 ноября 1900 г. В народе говорили, что новый владелец выиграл завод в карты. Возможно, эти слухи появились не на пустом месте, поскольку было известно, что Всеволожские вели праздный образ жизни, последнее десятилетие своего владения провели не только в Санкт-Петербурге, но и в Париже.

Писатель Иван Сигов, вышедший из крепостных Всеволожских, в романе «На старом Урале» под фамилией Сухоложского характеризует

владельца Пожевского завода Никиту – сына Всеволода Андреевича. Основываясь на достоверных сведениях, он пишет о грозившем всей семье разорении, которого удалось избежать благодаря случайному обнаружению золотых россыпей по р. Ивдель в Северном Зауралье.

Чтобы покрыть долг Всеволожских Нижегородско-Самарскому земельному банку, которому было заложено имение, С. Е. Львов заготавливает сосновый лес и продает его Казанской железной дороге. На полученные средства, а также на ссуду, взятую в том же банке, он расширяет завод. В 1902 г. был пущен сутуночный* цех, в 1905-м – цинковальный и лудильный цеха, а в 1913-м – мартеновская печь** для переработки чугуна в различные сорта литого железа. Чугуна до 1914 г. покупали на Кушвинском заводе до 600 тыс. пудов, в 1914–1917 гг. – до 300 тыс. пудов в год.

Как уже говорилось, по разнообразию технических сооружений и устройств Пожевской завод шел впереди многих других предприятий Пермского края. Здесь действовало 5 водяных колес, 1 турбина, 11 паровых двигателей, 1 локомобиль***, 5 печей пудлинговых, 5 сварочных, 6 калильных, 2 отражательные; 15 горнов кузнечных и разных других, 3 кричных; 5 молотов паровых, 2 водяных; 6 прокатных станов****.

Пожевской завод в 1914 г. давал заработок 1460 рабочим, занятым на металлообработке, и 1660 рабочим, выполняющим вспомогательные работы.

Владения князя С. Е. Львова в Пермском крае были достаточно обширны. Их официальное название – «Акционерное общество Камско-Пожевских горных заводов князя С. Е. Львова». Помимо Пожевского и Елизавето-Пожевского заводов, Зинаидинской фабрики*****, производящей изделия из глянцевого и оцинкованного железа, ему принадлежали 23 железных рудника в Чердынском уезде, горнозаводские дачи с лесами, выгонными, сенокосными, пахотными угодьями площадью 110 тыс. десятин.

Пожевской завод выпускал железо различных сортов – кровельное, волнистое, матовое, гляцевое. Так, в 1910 г. железа черного вырабатывалось 240 тыс. пудов, луженого белого – 11 тыс. пудов. Значительная часть железа шла на изготовление различных ведер, тазов, бидонов, чугунок, котлов, умывальников, форм для приготовления пищи. Здесь же отливали изделия для печей, инструменты.

*С у т у н к а – плоская стальная заготовка для получения жести, трансформаторной, кровельной стали и т. д.

**Печь для переработки чугуна и стального лома в сталь. Изобретена во Франции П. Мартеном в 1864 г. и названа его именем. В 1970-е гг. строительство мартеновских печей прекращено в связи с разработкой более прогрессивного процесса.

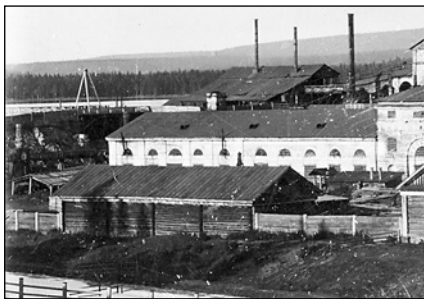
***Передвижная или стационарная паросиловая установка из объединенных в один агрегат паровой машины и котла. Применялась для привода ряда механизмов. Снята с производства из-за низкой экономичности в 1960-е гг.

*****Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по р. Вишеру с Кольвой. – Пермь, 1911. – С. 33.*

*****Названа в честь жены хозяина завода Зинаиды Петровны.



Князь С. Е. Львов с сыновьями.
Фото 1899 г.



Заводские корпуса. Фото начала XX в.



Корпуса Зинаидинской фабрики.
Фото 1910 г.



Корпус ведерного цеха. Фото 1910 г.

Сбывались изделия не только в Пермском крае, но и в Казани, Нижнем Новгороде, Саратове, Самаре, а также в Сибири и Туркестанском крае.

Как и прежде, в комплексе с Пожевским заводом развивался Елизавето-Пожевской завод. Он, как сказано выше, был основан В.А. Всеволожским в 1797 г. Здесь работала одна фабрика с 4 водяными и 2 паровыми двигателями, 5 калильными печами, 2 молотами и 3 прокатными станами. Вырабатываемое железо – до 140 тыс. пудов – поступало на Пожевской завод. На фабрике было занято около 300 рабочих.

С.Е. Львов планировал также наладить производство цемента из шлака, интересовался его технологией. В 1911 г. он получил письмо из Италии: инженер Готчау сообщал ему об опыте утилизации шлака на металлургическом заводе в г. Нансу (возле г. Помпеи) и рекомендовал «работать только с бедными рудами, так как они дают большое количество шлака, руды же 50% и выше дают сплошь и рядом так мало шлака, что является нецелесообразной поставка цементного производства»*. Производство цемента в Пожве так и не было налажено.

**БИХМ. Коллекция документов Пожевского завода.*

Профессор Санкт-Петербургского университета И.Х. Озеров по предложению Государственной думы выяснял в 1910 г. причины кризиса горнозаводской промышленности на Урале. Одну из причин кризиса, причем главную, профессор увидел в следующем:

«...мало здесь лиц, стоящих во главе предприятий, с административными способностями, с коммерческой жилкой. Они руководят предприятием так, как делали их отцы и деды, не изучая современный рынок. Поэтому они не в состоянии поставить предприятие в подчиненное положение к рынку, к потребностям народа».

Однако то, что увидел профессор И.Х. Озеров в Пожве, потрясло его, и он представил депутатам Государственной думы обстоятельную записку, в которой характеризовал С.Е. Львова как «предприимчивого и умело вошедшего в новые экономические условия»:

«Этот титулованный заводовладелец новой формации стремится опереться в своем производстве на народный спрос. Он изготавливает на своем заводе ведра (до 1500 тыс. штук), чайники, которые в огромном количестве идут на прииски, сковороды, ухваты, маслобойки, грабли, лопаты и т. д. ...Владелец этого завода деятельно изучает рынок, стремится узнать, что нужно населению и в какой именно форме... По стопам этого пионера давно должны были бы идти уральские заводовладельцы, и кризис выведет жизнеспособные предприятия, несомненно, на новый путь.

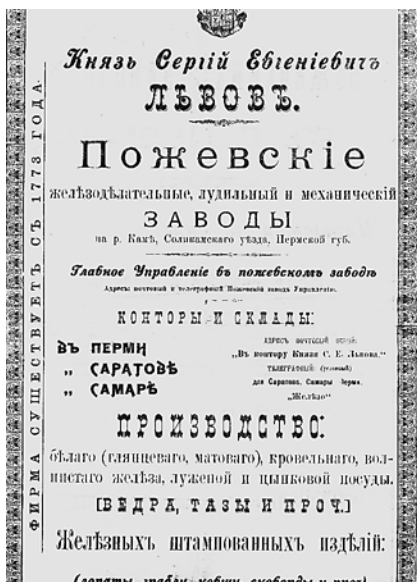
Продажа совершается под векселя, которые с бланком посредника, подписанные покупателями, поступают в заводоуправление. Векселя с валютой до 200 руб. Эти векселя очень исправно оплачиваются, и потерь почти нет.

“Лучше всего иметь дело с массами русского населения”, – говорит нам этот заводовладелец, с искренней любовью смотрящий на ведра, сковородки, скородники, ухваты и другие предметы деревенского обихода, тазы, подойники, фляги для молока, разложенные перед нами для осмотра. Видно, много труда, много пота положено им в изучение рынка, в отделку этих предметов для лучшего приспособления к деревенскому спросу.

Когда я слушал его, я видел, как на смену титулованной одряхлевшей России идет другая, свежая Россия, которая не боится запачкать свои белые руки прикосновением к простому деревенскому подойнику. Нет, не только белые руки прикасаются к нему, но и титулованная голова думает над нехитрым предметом деревенского обихода, как сделать его удобнее... И немало средств он тратит на изучение рынка и приспособление предметов, нужных для мужика.

**Озеров И.Х. Горные заводы Урала. – М., 1910. – С. 11-12.*

На каждой мелочи здесь чувствуется мысль... с какой любовью подхватывал он сковородку ухватом, показывая, как ловко, не царапая, берет ее ухватом...»*.



Рекламная афиша начала XX в.

***Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900-1917 гг. – М.; Л., 1965. – С. 79.*

В Перми С. Е. Львов владел домом, в котором размещалась его контора, а в Левшино, возле Перми, – пристанью. Его Волжско-Камская флотилия доходила до 3–4 буксирных пароходов («Князь Львов», «Александр Всеволожский», «Муравей», «Пчелка» и др.) и до 30 непаровых судов – барж, шитиков.

С. Е. Львов имел торговые конторы не только в Перми, но и в Саратове, Казани, Самаре. Более всего оформлял он торгово-финансовые дела в Пермском отделении Нижегородско-Самарского земельного банка, сотрудники которого давали ему такую характеристику:

«Князь Львов, как управляющий и распорядитель, сам лично ежедневно является на работу и уходит с нее вместе с рабочими, не выезжая никуда из своей Пожвы»**.

Тревожную весну 1917 г. князь С. Е. Львов провел в Пожве. 17 марта он закрыл Елизавето-Пожевской завод из-за отсутствия руды. 14 июня 1917 г. он покидает Пожву навсегда*. Рассказывали, что ночью в его дом постучали женщины и предупредили о том, что в Пожву идет отряд, «чтобы перебить княжескую семью». Забрав жену и детей, он в

ту же ночь скрылся. С. Е. Львов опасался за свою жизнь еще и потому, что его брат Георгий Евгеньевич был председателем Всероссийского земского союза, а затем председателем Временного правительства и министром внутренних дел. Впоследствии С. Е. Львов оставался в России, но подвергался арестам. Умер в 1937 г. в г. Куйбышеве (Самаре).

С. Е. Львов надолго остался в памяти рабочих завода.

«Он мог подарить рубль, если узнавал о рождении в семье еще одного ребенка, отпускал в сенокосную пору, закрыв завод на месяц», – вспоминали одни. А В. Т. Фролов, бывший рабочий завода, делегат V Лондонского съезда РСДРП, в 1925 г. рассказывал:

«С рабочими обращался не иначе как “мой ангел”, предупредительно кланялся первый, снимая с головы неизменный котелок, чувствуя себя благодетелем. На каждом шагу давал почувствовать рабочим, что он “благодетель” – кормит рабочих. Мягко в общении, но неслыханно, цинично жесток в эксплуатации пострадавшего во время безработицы населения. Временами князь лично являлся в дом рабочего, осматривал его обстановку, быт, достаток и выражал удивление, что рабочий имеет такой комфорт, как деревянный пол, железную посуду, а порой и медный ковшик, что, значит, рабочий живет у него в достатке, как у Христа за пазухой, и благоденствуют благодаря его, князя Львова, заботам и попечению. Львов был очень религиозен, над каждой дверью не только в заводе, но и над дверями конюшен конного двора, сторожки и будки повесивший по иконе, он на заводе, казалось, хотел бы ввести устав религиозного благочестия»*.

*Фролов В. Завод Пожва в революции 1905 г. // Звезда (Пермь). – 1925. – 20 дек.

В то же время на заводе происходили забастовки с требованием сократить рабочий день и повысить зарплату, а в марте 1917 г., как сообщал пристав, «местные жители в числе 200 человек... вызывают в рабочих озлобление против заводской администрации».

«Пожевское заводское население преимущественно мастеровое»

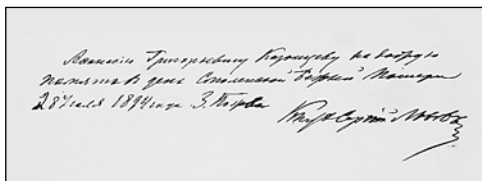
ЗАВОДСКИЕ КАДРЫ

Исключительное значение для характеристики служебной деятельности мастеровых, рабочих и служащих правления Пожевского завода имеют «Формулярные списки заводских контор», в которых фиксировалась вся деятельность человека на момент их составления. Обратимся к таким сведениям за 1849 г.

Слесарный смотритель И. Минюхин, 1822 г. р., до 1835 г. учился в заводском училище. В 1835–1842 гг. занимался перепиской бумаг в



Служащие Пожевского завода с князем С.Е. Львовым (в первом ряду третий справа). Фото 1894 г.



Собственноручная надпись С.Е. Львова на обороте фотографии: «Афанасию Григорьевичу Казанцеву (главный механик завода. – Авт.) на добрую память в день Смоленской Божией Матери. 28 июля 1894 года. З. [завод] Пожева. Князь Сергей Львов».

правлении. В 1842 г. определен Никитой Всеволодовичем на караван Всеволодовильвенского завода писарем, затем протоколистом, а с июля 1843 г. – помощником на железный караван. После благополучной доставки железного каравана на Нижегородскую ярмарку с 1 сентября 1843 г. определен караванным по доставке из Нижнего Новгорода в Москву 80 тыс. пудов листового железа. В Москве находился до 30 августа 1844 г., занимался продажей доставленного железа и приемом рыбных товаров, привезенных с Астраханских промыслов. С 30 августа 1844 г. вновь назначается караванным по доставке 48 тыс. пудов железа в Москву.

В декабре 1844 г. Никита Всеволодович направляет И. Минюхина к крестьянину Кропачеву для устройства во Всеволодо-Вильве двух причалов для пароходов и строительства речного судна *гусянки*. С 1 мая 1846 г. И. Минюхин поступил в «бухгалтерский стол» правления Пожевского завода, но через месяц по распоряжению правления получает должность приказчика в с. Чусовские Городки, где пребывает в течение года. С июня 1847 г. по март 1849 г. находится в Пожевской конторе, а затем поступает смотрителем в слесарную фабрику завода*.

*ГАПК, ф. 176, оп. 1,
д. 708, л. 33 об. – 35.

Смотритель лесов и межевщик А. П. Репин, 1823 г. р., окончил Пожевское училище в 1836 г. и поступил в заводскую контору писцом. В 1836 г. работал в катальной фабрике помощником «краснолистного надзирателя». В 1837–1838 гг. – писарь по приему хлеба на завод. В 1839–1841 гг. вновь писец в правлении. В 1841 г. был отправлен на учебу в Санкт-Петербург. «По выдержании экзамена» в Санкт-Петербургской школе возвратился в Пожву и работал геодезистом. В 1847 г. Пожевским правлением определен на должность лесного и куренного смотрителя по особо выданной правлением инструкции. В мае 1849 г. занимает должность смотрителя лесов и межевщика также по особо выданной инструкции, а с июня этого же года – куренного смотрителя.

За время своей деятельности получал поощрения. В 1844 г. за прилежание и успехи в Санкт-Петербургской школе награждался «их превосходительствами Александром Всеволодовичем и Никитою Всеволодовичем серебряными часами, книгою и ящиком красок». В 1848 г. получил письменную благодарность от Всеволожских «за составление проекта об устройстве лесов в Пожевской даче», а от правления завода – «25 рублей серебром»**.

**ГАПК, ф. 176, оп. 1,
д. 708, л. 19 об. – 20.

У этих заводских служащих много общего. Они учились в заводском училище, начинали трудовую деятельность писцами, исправно исполняли поручения заводской администрации и владельцев завода Всеволожских. Проявив исполнительность и профессионализм, получили возможность занять важные должности: один – смотрителя лесов и межевщика, другой – смотрителя слесарной фабрики. И. Минюхин и А. П. Репин добились этих должностей еще в сравнительно молодом возрасте – в 26 и 27 лет. Можно предположить, что в своей жизни при такой целеустремленности они могли достичь многого.

«Особое место в обществе занимали
заводские люди»

НАСЕЛЕНИЕ

Численность и состав населения Пожвы отражают ее экономический, культурный и административный статус. Прирост населения шел исключительно за счет внутренних ресурсов и в основном поглощался заводом. В середине XIX в. избытка рабочей силы на Пожевском заводе не наблюдалось. По данным «казенного надзора» 1855 г., здесь были заняты 1412 мастеровых и 1545 «подзаводских крестьян». Их доля среди всего населения Пожвы составляла почти 70%. Управляющий писал:

*ГАСО, ф. 24, оп. 23,
д. 4737, л. 220–224,
513–516.

«...отягощать своих крестьян было бы тяжким бременем... без найма вольных... не обойтись»*.

Вотчинные крестьяне заводчиков происходили от тех русских, которые осваивали Пермский край еще в XVI–XVII вв.

Данные статистики позволяют определить количество домовладений, численный и социальный состав населения заводского поселка. В 1842 г. здесь имелось 717 дворов, из которых 649 принадлежали заводским ремесленникам, 62 – дворовым людям, 4 – отставным солдатам,

** Обер-офицер – офицерский чин от прапорщика до капитана. Исправник – управляющий обязанности, в данном случае управляющий заводом.

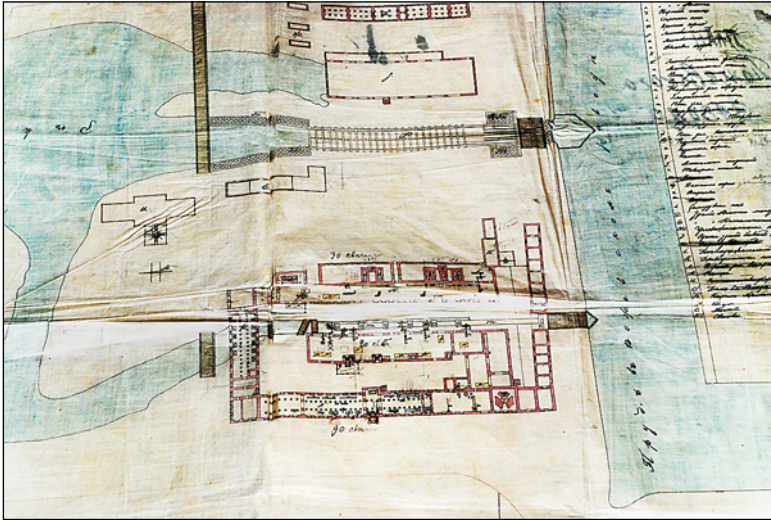
по одному двору имели обер-офицер** и заводской исправник**. В них проживало 3818 человек, в том числе 3463 (90,7%) заводских ремесленников, 330 (8,6%) дворовых людей, 11 отставных солдат, 12 человек в семье обер-офицера и 2 человека в семье заводского исправника.

В 1866 г. структура населения предстает в таком виде. Из 781 дворов 696 принадлежали заводским ремесленникам, 59 – дворовым служителям, 26 – купцам и мещанам. Общая численность населения этих дворов составляла 3458 человек, из них 3058 (88,5%) были заводские ремесленники, 252 (7,3%) – дворовые служители, 148 (4,2%) – купцы и мещане.

Прирост с 1866 по 1916 г. составил 30 дворов и 559 человек. В 1916 г. в Пожве насчитывалось 811 дворов с населением 4017 человек. Из них 598 дворов принадлежали цеховым людям – их было 2531 человек (63%), 141 двор – 1063 военным (26,5%), 47 дворов – 327 крестьянам (8,1%), 17 дворов – 79 мещанам (1,9%), 5 дворов – духовным лицам, 1 дом – дворянину.

«Пожва представляла собой высокий образец архитектурного решения»

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА



План Пожевского завода начала XX в.

Строительство в Пожве велось по «Плану заводского и сельского строения», разработанному в 1811 г. заводским архитектором П. Д. Шретером. В начале XIX в. «обывательских» домов было около 400, господских – 14, к концу XIX в. господских стало 20, а «обывательских» – почти 600.

Организующим центром Пожвы являлся пруд с плотиной, комплекс производственных зданий, где доминирующую роль играла доменная печь, обращенная главным фасадом на предзаводскую площадь.

В истории архитектуры Урала ансамблю предзаводской площади в Пожве дается самая высокая оценка. Площадь была прямоугольной. С одной стороны на нее своей торцевой стеной была обращена домна. На противоположной стороне, приходящейся на возвышенное место, к которому подходила ограда господского дома Всеволожских, была сооружена высокая подпорная стена. На других сторонах площади располагались деревянные здания магазинов, склады, конюшни. Все строения образовывали единый архитектурный ансамбль площади, хотя симметрии в ней не было. Отсутствием симметрии она и отлича-



Господский дом Всеволожских и С. Е. Львова. 1812–1813 гг. Архитектор П. Д. Шретер. Фото 2008 г.

лась от площадей других заводских поселений Урала. Особую оригинальность придавала ей подпорная стена в пять убывающих по высоте ярусов, расчлененных лопатками с арками в середине. Эту стену венчал карниз с балюстрадой и вазами. Балясины и вазы изготавливались из дерева. Они проклеивались и покрывались парусиной, благодаря чему сохранились до наших дней.

В истории уральской архитектуры отмечается:

«...целостность и выразительность ансамбля достигнута благодаря контрасту зданий, сочетанию вертикальных и горизонтальных объемов, умелому применению пластики и цвета зданий. Здесь налицо единая пропорциональная система, согласующая высоту и расстояние между зданиями при соразмерности и повторяемости отдельных деталей»*.

*Алферов Н.С. Зодчие старого Урала... С. 174.

Выше предзаводской площади и самого завода (по левому берегу р. Пожвы) размещался парк с господской усадьбой. Площадь парка равнялась 11 десятинам. Основание ему было положено в 1814 г., когда в Пожве жил Всеволод Андреевич Всеволожский.

Понять парк позволяют написанные в 1912 г. воспоминания Елены Сергеевны* – дочери князя С. Г. Львова:

Господский дом «окружен большим парком, который совсем отделяет его от селения. Парк спускается террасами к речке, протекающей внизу через парк. Каждая терраса начинается и заканчивается аллеями, которые, таким образом, идут параллельно. Их пять. Они преимущественно липовые, но есть и березы, и черемуха, а самая верхняя почти сплошь рябиновая. Парк удивительно красив и живописен. Он разделен узкою речкою на две части. Одна – гористая – и есть так называемый сад, а другая – ровная и даже болотистая – так называемый полуостров. Этот полуостров весной наполовину затапливался, и это составляло источник бесконечного интереса для нас, детей... Через речку перекинуты два моста: один для пешеходов, а другой для лошадей. В одной части полуострова в старое время находились великолепные оранжереи... Этот полуостров замечателен тем, что здесь росла в мае-месяце какая-то трава, которая называлась «сиргибус». Она была очень вкусна, напоминая вкусом репу, и мы поглощали ее в великом множестве... К полуострову прилегали обширные огороды и парники.



Предзаводская площадь. Вид на стену с балюстрадой и вазами и на домну.
Фото 2008 г.

На северной стороне парка разместился каменный Свято-Троицкий собор, который металлической литой оградой (похожей на ту, какую имел сам собор) соединялся с подпорной каменной стеной, увенчанной балюстрадой с вазами. Несомненно, ограда и каменная стена являлись лучшим украшением предзаводской площади.

*Елена Сергеевна Львова (1891–1971) жила во Франции, стала художником, иконописцем. Рукопись ее воспоминаний хранится в музее при Пожвинской библиотеке.



Чугунная маска льва на баке Пожевского завода. Конец XIX в. Из собрания Березниковского историко-художественного музея

Парк был со всех сторон огорожен деревянным забором. В части, прилегающей к дому, он был выкрашен в белый цвет. Только с одной стороны, наиболее близкой к дому, со стороны двора и многочисленных служб поднималась высокая белая каменная стена, закатывающаяся наверху деревянной балюстрадой с деревянными вазами».

В соответствии с архитектурным регламентом усадьбы состоятельных людей располагались над прудом. Место это называлось «Горой». Усадьбы стояли компактно и строго по линии кварталов. «Гора» разделялась на две части оврагом, по которому протекала небольшая речка Бастанаиха. В связи с этим жители различали «Гору первую» и «Гору вторую». Следующий застроенный район Пожвы располагался под горой и назывался «Капустное», поскольку на низменном сыром месте хорошо росла капуста. Третий жилой район находился за рекой Ратанка – притоком Пожвы – и назывался «Заратанкой». «Лысково», четвертый район, делился на две части – до речки и за речкой Лысковкой, другим притоком Пожвы. И последний, пятый, район застройки располагался в «Марьино» – ниже завода по реке Пожве. «Гора», «Капустное», «Заратанка» – это левый берег Пожвы, а «Лысково» и «Марьино» – правый.

Во второй половине XIX в. застройка Пожвы вышла за пределы, установленные планом 1811 г. В отдаленных районах уже «не наблюдалось поквартального плана».

*«С большой похвалой отзывались
о пожевских зданиях»*

АРХИТЕКТУРА

В 1754 г. одновременно с основанием завода Н. Г. Строганов заложил деревянную церковь во имя Святой Троицы с приделом, посвященным Сергию Радонежскому. Эта церковь в 1778 г. сгорела, и В. А. Всеволожский тут же закладывает новую деревянную церковь, освящение которой состоялось в 1785 г. Этот храм простоял до 1829 г.: сгорел от молнии. Приходской в Пожве становится кладбищенская церковь.

Первоначально на кладбище стояла часовня, но она в 1818 г. «тщанием и иждивением В. А. Всеволожского» была «образована в каменную церковь с таковою же колокольнею... с одним престолом во имя Рождества честного и славного пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна»*.

*ГАПО, ф. 540, оп. 1, д. 42, л. 107, 174 об.; В. Н. Шишонко. *Летопись Пожевского завода*//ПГВ. – 1883. – №54.

В народе эта церковь называлась сначала Предтеченской, затем Иоанновской и Ивановской. Она сохранилась до нашего времени, но в измененном виде (здание используется хлебокомбинатом). Ком-

позиционно церковь составляла целое четырех объемов – храмовой части с одной главкой, длинной трапезной, алтарной апсиды и колокольни с папертью и притвором. Над храмом возвышался приземистый сомкнутый купол. Колокольня была с четвериковым основанием, восьмериковым раскрытым ярусом звона, перекрытым круглым куполом. В фасадной композиции особенно эффектно выделялись северная и южная стороны храмовой части треугольными фронтонами. Паперть имела пять колонн, на которые опирался треугольный фронтон.



Свято-Троицкий собор. 1847–1865 гг.
Фото 2008 г.

14 сентября 1847 г. Александр Всеволодович Всеволожский, которому принадлежал Пожевский завод, начал строить каменный Свято-Троицкий собор с тремя престолами: средним в честь Святой Троицы, южным во имя святого благоверного князя Александра Невского и северным во имя святого благоверного князя Всеволода Псковского – и с «каменной колокольней в одной связи». Дополнительные престолы размещались в обширных приделах. Собор освящается в 1865 г.*.

*ГАПК, ф. 540, оп. 1,
д. 22, л. 19, 107, 147 об.

Свято-Троицкий собор сразу стал предметом особой гордости и даже тщеславия прихожан, хотя оснащение его утварью продолжалось еще в течение десятилетия. Собор оказался в самом центре заводского поселка и был обозреваем со всех сторон. Как прежде, так и в наше время, он представляет действительно живописное зрелище.

В плане собор имеет форму креста. Апсида прямоугольная, с двухпилястровым портиком. Фасады боковых приделов с севера и юга с четырехколонными портиками дорического ордера**. На стволах колонн каннелюры – вертикальные желобки. Фасад притвора с четырехпилястровым портиком. Стены штукатурены с рустовкой. Окна, в том числе и на барабане, арочные. Они украшены сандриками – верхними декоративными деталями в виде полочек и треугольных фронтонов. Во фронтонах над входом в собор с севера и юга – рельефное изображение «всевидающего божьего ока». Цоколь, как подножие собора, отделен от поля стен горизонтальным поясом.

**Ордер – определенная система архитектурно-художественной разработки верхней части (капителей) опор (колонн, пилястр), является отличительным элементом стиля: в греческой архитектуре – дорический, ионический, коринфский; в римской – тосканский, композитный, византийский, романский, готический, ренессансный.



Внутренний вид Свято-Троицкого собора. Фото 2008 г.

Колокольня восьмериковая, на четверике, с круглым куполом и маленькой главкой с крестом. У нее два яруса звона, и каждый из них с четырьмя арочными проемами и двойными пилястрами: на нижнем ярусе – с тосканским орденом, на верхнем – с ионическим. Первоначально колокольня завершалась деревянным шатром, который сгорел в 1939 г. от удара молнии. Паперть собора открытая, лестницы и верхняя площадка покрыты металлическими плитами.

Собор огражден литыми решетками на каменном цоколе. Решетки установлены между каменными столбами. В ограждении с запада – трехчастные арочные ворота, а с севера – калитка на высоких каменных столбах, соединенных кирпичной кладкой в виде арки.

В интерьере по центру четыре столпа, на которых держится мощный световой барабан с десятью окнами и круглым куполом. Хоровая часть широкими и высокими арками объединена с приделами и алтарем. Приделы, апсида и западная часть храма перекрыты сомкнутыми сводами. Притвор состоит из двух объемов. На внутренний объем опирается колокольня. Внешний объем – с круговым обходом и цилиндрическим сводом.

Все помещения собора по периметру украшены большими выносными карнизами. Карнизы держатся на металлических кронштейнах,

декорированных лепными волютами. Карнизы с лепными фризами, украшенными акантами* и херувимами*.

Иконостасы в соборе изначальные. Их каркас удерживается деревянными полуколоннами. В главном иконостасе иконы в два ряда, в приделах – в один ряд. Иконы в иконостасах и на стенах писаны на холсте. Многие из них привезены из Санкт-Петербурга. Солея – возвышение перед главным алтарем и иконостасом – и клиросы ограждены металлической решеткой с солярным орнаментом в виде свастики.

Такие же решетки установлены у столпов, на которых размещены иконы на холсте: на северо-восточном столпе – образ Василия Великого, на юго-восточном – Григория Богослова, на северо-западном – Стефана Пермского, на юго-западном – Иоанна Златоуста. Над иконами, в парусах фрески с изображениями: над Василием Великим – евангелист Иоанн, над Григорием Богословом – евангелист Матфей, выше Стефана Пермского – апостол Павел с евангелистом Лукой, выше Иоанна Златоуста – апостол Петр с евангелистом Марком. Роспись имеется и в центральном своде.

Пол покрыт деревянным паркетом и давно покрашен. Обогревался собор горячим воздухом от двух печей, установленных под полом (печи сохранились). Возле западной стены храма стоит массивная печь с облицовкой белым кафелем, но она давно не действует.

На юго-западном столпе вмурована мраморная плита с летописью о строительстве собора:

«Свято-Троицкая церковь основана 14 сентября 1847 года блаженной памяти боярином Александром Всеволодовичем Всеволожским, окончена 30 августа 1865 года. Помяни Господи яко благ рабы твоя и елика в житии согрешаши прости; никто же бо безгрешен токмо Ты могий и представленному даши покой».

Свято-Троицкий собор неоднократно реставрировался. Он пребывает в неплохом состоянии благодаря еще и тому, что о нем постоянно заботится настоятель о. Иоанн (И. М. Безукладников), который беспрерывно несет здесь службу с 1965 г.

Как уже говорилось, строительство кирпичных производственных зданий шло под руководством В. А. Всеволожского и архитекторов – приглашенных из Москвы А. М. Заправского, из Санкт-Петербурга – П. Д. Шретера, а также местных А. Д. Вяткина, Л. С. Мальцева, Г. Порошина.

*А кант – южное травянистое растение, стилизованная форма листа которого применялась в античном декоре греческого коринфского и римского композиционного ордера.

Херувимы – сверхъестественные духовные существа, которые окружают престол Божий. Олицетворяют все самое светлое, что присуще человеческой жизни.





Уникальным сооружением являлась доменная печь, на которой первый чугун был получен в 1813 г. Первоначально она была одноярусной. В 1840 г. возвели два верхних яруса. Печь дополнялась корпусами для духовой машины и второй доменной фабрики, а также наклонным мостом-взвозом, по которому были проложены рельсы. К нижнему концу моста подходили баржи, из них шихту и дрова загружали в вагончики, и лошади тащили их в гору, доставляя на верхний ярус домны. Это был самый удобный вариант загрузки домны в пору, когда отсутствовали мощные подъемные механизмы.

Доменная печь трехэтажная, на высоком цоколе, с мансардным этажом. На фасадах этажи разделены профилированным карнизом. Окна



Вид на домну. Фото 2008 г.

мансарды лучковой формы, над окнами второго этажа сандрики – декоративные детали. Крыша корпуса четырехскатная, с чугунными стропилами, верх ее переходит в купол. Крыша над корпусами духовых машин стропильная, из массивных бревен. Когда в 1862 г. отказались от доменной выплавки чугуна, здание постепенно приспособили для заводской конторы, архива, мастерских.

Господскому дому отведено видное место – в парке, между храмом и заводом. Главный фасад обращен на южную сторону и заводские сооружения. Предполагается, что основой господскому жилищу послужили три здания, которые в 1812–1813 гг. были объединены в один дом. Проектировал строение архитектор П. Д. Шретер. До осени 1817 г. в здании проживал владелец завода В. А. Всеволожский. Впоследствии дом приобрел пристройки – с востока двухэтажный флигель, с запада кухню с баней и «цветочным залом». Возле кухни стоял дровяник. В стороне от дома находились кирпичный флигель с подвалом и кирпичная кладовая для хранения продуктов. Кроме того, на усадьбе стоял погреб с ледником.

Господский деревянный дом двухэтажный, с мезонином, выделенным с двух сторон широким полукруглым окном и ступенчатым карнизом. Фасад южной стороны с ризалитом – выступающей частью здания. Здесь находится парадное крыльцо, с которого попадали в обширный вестибюль. Над крыльцом балкон. Северная сторона тоже с крыльцом, балконом, но без ризалита. Фасады обшиты тесом под рустовку, над окнами веерный декор.

Главное помещение дома – вестибюль, устроенный в центре первого этажа на пересечении с основной композиционной осью – анфиладой, которая проходит вдоль дома. Анфилада имела и на втором этаже. За счет анфилад усиливалось представление об обширности дома. Помимо главных анфилад существовали дополнительные короткие – на перпендикулярных осях дома. Необходимость в разнообразии помещений и организации быта привела к отклонениям от строго геометрического подобию правой и левой частей в интерьере.

Из воспоминаний Елены Сергеевны Львовой узнаем некоторые детали устройства дома и быта его обитателей:

«Это очень большой белый двухэтажный дом, не считая мезонина и подвального помещения, в нем 40 больших и малых комнат... Когда мы переселились в большой дом, то по крайней мере половина его была холодной и заколоченной, особенно наверху, где оставалось всего несколько жилых комнат, остальные же были заперты и наполнены деловым архивом... Впоследствии она была приведена в отличный вид. Мы, дети, сперва помещались внизу, неподалеку от комнат родителей... Верх и низ соединялись громадной тяжеловесной чугунной лестницей с несколькими площадками. С южной и северной сторон дома были такие же чугунные ворота. Под чугунной лестницей стоял огромный часовой механизм, или модель часов, который очень занимал наше воображение и казался нам чрезвычайно таинственным. Впрочем, мы постоянно играли возле них, вертели колесики, и нас постоянно занимал их скрип».

Господский дом сильно пострадал от переделок и пожара.

*«Полукрестьянский быт ...видим
и у рабочих Пожевского завода»*

ЖИЛИЩЕ

Типология жилища и его обустройство зависели от материального достатка обитателей заводского поселения. У бедных оно состояло из одной избы и сеней, пристроенных сбоку. У более зажиточных были две избы, разделенные холодными сенями: в одной половине жила семья хозяина, а в другой, чаще всего называемой горницей, принимали гостей. Впоследствии в трехкамерном связевом жилище сени преобразовывались в теплое помещение. Такие дома сохранились по ул. Ельманской.

Много специфичного и традиционного обнаруживается в интерьере жилища. В начале XX в. сохранялся самый старинный вид интерьера: помещение разделялось перегородкой, а иногда и занавеской, на две половины. В чистой половине выделялся передний угол, который

назывался еще «красным». В нем стоял обеденный стол, вдоль стен – лавки. На видном месте размещались иконы. Вторая половина была с русской печкой и кухней. По мнению сотрудников Государственно-

**Киселевская С. Пожевский завод // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. – Л., 1932. – Вып. 2. – С. 22.*

го Русского музея, изучавших культуру и быт рабочих Пожевского завода в 1929 г., «обитателями такого жилища являются старики-рабочие на пенсии». Но изб с такими интерьерами оставалось уже мало*.

Типичный образец другого типа интерьера сотрудники Государственного Русского музея увидели в доме рабочего Я. П. Пупырева, который проработал на заводе 48 лет. Жилая изба разделялась дощаной перегородкой на кухню и чистую половину. На кухне с русской печкой вдоль стен стояли лавки, которые в чистой половине уже отсутствовали. Вместо них стояли стулья и жесткий диван, «покрытые домоткаными набивными скатертями». Иконы по традиции находились в переднем углу. На стенах висели фотографии, чаще семейные и с видами завода. Тут же обилие рисунков из журнала «Нива», картинки от коробок. Картинки располагались ближе к зеркалу.

Третий тип интерьера – более поздний по происхождению. Это две комнаты, в одной русская печь, кухня, в другой нередки мягкая мебель, трюмо, этажерки местного изготовления. Окна с тюлевыми занавесками. Столы, подзеркальные столики покрываются вязаными салфетками, приготовленными хозяйкой и ее дочерьми. Много кукол, гипсовых и фарфоровых вазочек. Здесь же всевозможные картинки из журналов, литографии, альбомы с открытками и фотографии. По мнению исследователей, описанный интерьер представлял «уже обычный мещанский уклад города», т. е. приближался к городскому образцу.

За укладкой полов и потолка, вспоминали старожилы Пожвы, «следили очень строго». Допускалась только их «одинаковая направленность». В Пожве рано распространились покраска полов и побелка потолков и стен. Печь белили в каждом доме. Ее сбивали из глины или выкладывали из кирпича. Допускались совмещенные варианты: печь из глины, а чело и труба – из кирпича. Полы всех домов покрывались половицами местной работы, «часто очень красивой расцветки».



Дом купца Колотилова начала XX в. (ул. Ленина, д. 53). Фото 2008 г.

На рубеже XIX–XX вв. на главных улицах Пожвы купцы строят двух-

этажные дома, выделяя нижний этаж под торговые лавки. Типичным таким зданием, сохранившимся до нашего времени, является дом Колотилова (ул. Ленина, д. 53). С западной стороны к дому пристроены двухэтажные сени – типичный элемент уральского заводского жилища. Фасад сеней – с большим застекленным окном на втором этаже и нишей с дверями на первом. В торговое помещение попадали через широкие двустворчатые двери с восточной стороны. Велось строительство и казенных, преимущественно двухэтажных, домов для служащих завода, например, для лесничего, караванного управляющего, врача.

На западной стороне предзаводской площади возвели громадное монументальное здание для проживания управляющих заводом (ул. Октябрьская, д. 27). В нем до переезда в господский дом с 1893 по 1900 г. жил князь С.Е. Львов. Дом управляющих отчасти уравновесил композицию предзаводской площади со Свято-Троицким собором, находящимся напротив. Удачная постановка здания достигалась как тщательным учетом ландшафтных условий – за оврагом, на горе, – так и выбором объемных композиций. Дом двухэтажный, низ каменный с глубоким подвалом, а верх деревянный, с высокими прямыми окнами. В плане дом квадратный, перекрыт четырехскатной пологой крышей, по центру которой возвышается квадратная в плане мансарда. Мансарда также с четырехскатной крышей, застекленным верхом – по три квадратных окна на каждой стороне. На фасадах обшивка стен из досок, установленных вертикально. Она органично сочетается с крупными окнами*.



Дом, в котором жили управляющие заводом (ул. Октябрьская, д. 27). Фото 2008 г.

Для дворянского князя С.Е. Львова был построен дом-пятистенник – в основе его четырехстенный сруб, разделенный пятой капитальной стеной. Этот дом стоит и сейчас. Главные механики завода проживали в деревянном доме (ул. Октябрьская, д. 8), который тоже сохранился в первоизданном виде. В нем стены, потолки, двери и перегородки никогда не красились и не белились. С 1916 г. здесь жил Г.А. Казанцев, семейный архив которого недавно поступил в музей**.

*В этом доме длительное время находится детский сад.
 **Ныне это гостевой дом для желающих отдохнуть в Пожве.

Допускалась расстановка домов по улице с двух сторон таким образом, чтобы «окна глядели друг на друга» (эти дома сохранились по улицам Елыманской, Октябрьской, Ленина). Поэтому число окон в домах,

«противоположно расположенных», было одинаковое. За этим следил дворецкий заводской конторы. Казенные дома часто перестраивали, снаружи обшивали, окна и карнизы украшали резными деталями. По воспоминаниям старожилов, наличники для домов состоятельные хозяева заказывали местным резчикам (в наше время такие резные наличники можно увидеть на домах по улицам Ленина и Елыманской). Крыши многих домов покрывались тесом, но нередко и железными листами, изготовленными на заводе. Трубы печные закрывались железными кожухами с декоративными навершьями. На многих домах встречались водосточные трубы, в декор которых входили навершья-надымники в виде декоративных ваз и корон. Начало широкого распространения железа как одного из элементов декора жилища Пожвы относится к началу XX в.

При каждом доме имелись ворота с двускатными и даже четырехскатными крышами. Они возводились на высоких столбах, с боковыми калитками, иногда их украшали резьбой и красили. Перед окнами обустроивался сад с клумбами для цветов.

На усадьбах неизменными строениями являлись хлева, конюшни, сарай, погреба. Размеры их зависели от имущественного состояния хозяина. Здесь же ставились флигели – небольшие избы с русской печью. В них занимались домашним ремеслом – портняжничеством, ткачеством, изготовлением валенок и инструментов, шитьем обуви. Нередко во флигели уходили жить пожилые члены семьи.

За усадебными строениями находился огород, причем огороды имелись и при казенных домах.

*«Заводской жизни соответствовал
и костюм его обитателей»*

ОДЕЖДА

В старину женщины носили белые холщовые рубахи с длинными рукавами. Поверх рубах надевали сарафаны из синего холста. Праздничные сарафаны шили из ситца. В будни обувь служили лапти, а в праздники – кожаные коты с красными суконными опушками. Замужние женщины носили на головах шамшуры, но в праздники надевали нарядные чепцы с вышитым золотыми нитями верхом. У девушек были ленты и платки.

Когда молодуха приходила после венчания в дом мужа, свекровь надевала ей на голову *шамшуру* и приговаривала:

«Носи шамшуру, почитай свекровь, шашмура поит и кормит»*.

*Из воспоминаний
А. А. Бажинной,
1904 г. р.

Поверх шамшуры и чепца повязывался платок. Шамшура выходит из употребления в конце 1890-х гг., но некоторые пожилые женщины не расставались с ней еще в 1920-е.

С 1880-х гг. на смену сарафану приходит парочка – юбка и кофта. Обычное городское платье стало появляться лишь в начале XX в. Тогда же на смену шамшуре приходит *наколка* – картонная или берестяная шапочка, обтянутая атласными и бархатными лентами и кружевами.

Носили женщины платки, а на улице суконные шали. Их складывали на голове треугольником и повязывали ниже подборodka «впритычку». Когда направлялись в церковь, платки и шали не повязывали, а закалывали под подбородком булавкой

Женщины из состоятельной среды заводили пальто, приталенное и с различной отделкой. Зимой носили шубы, покрытые дорогими тканями. Носили варежки, перчатки, а некоторые, как отмечают старожилы, «руки прятали в муфты». Девушки и молодые женщины приобретали ботинки.

Старинный мужской костюм – это домотканые полосатые штаны и пестрядинные рубахи-косоворотки. По будням надевали лапти с холщовыми онучами, а по праздникам – сапоги-*бахилы*. После 1870-х гг. начинали носить по праздникам картузы и пиджаки, штаны, сходные покроем с брюками. Но в начале XX в. пожвинские мужчины все чаще появлялись в пиджаках, брюках, а по праздникам – в рубахах с отложным воротником и жилетом. Этот наряд дополнялся выходными хромовыми сапогами.

У служащих было принято ходить с тростью, а из кармана пиджака выставлял носовой платок. В кармане носили часы на цепочке.

Особо следует остановиться на костюме заводского рабочего. Он состоял из домотканой рубахи и таких же домотканых штанов. Сверху надевался полушерстяной кафтан – основа льняная, а уток (поперечные нити) шерстяной, поверх которого – фартук-*запон* с нагрудником. За пояс затыкались рукавицы-*вачеги*.

В награду за хорошую работу мастера и рабочие завода получали от Всеволожских так называемые жалованные кафтаны. Их шили по заказу из ярко-желтого сукна. Подпоясывали такие кафтаны ремнем с

пряжкой или тканым узорным кушаком. При князе С. Е. Львове на заводе выдавалась рабочая одежда «под зарплату» – блуза широкая и штаны, холщовый передник, рукавицы.

Заметные изменения в костюме жителей Пожвы начали происходить в связи с появлением на заводе иностранцев и квалифицированных рабочих из Санкт-Петербурга, когда внедрялось цинковальное производство. Обуславливалось это и наличием интеллигенции, прежде всего служащих, ориентированных на городскую моду. Они обращались к местным мастерам, специализирующимся на пошиве женской, мужской или верхней одежды. У мастеров имелись журналы мод с выкройками и модными фасонами. Считалось обязательным заказать мастерам свадебную одежду. В Пожве портных чаще называли *швецами*. Были случаи, когда родители отдавали девочек обучаться шитью одежды у местных мастеров, а порой и у пришлых, которые имели при себе швейную машину.

«Утварь... вполне соответствовала простоте обстановки дома»

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Первоначально утварь в доме рабочих употреблялась такая, какой пользовались крестьяне: деревянные чашки, тарелки, берестяные бураки-туесы, берестяные солонки, разнообразные глиняные сосуды. Но железоделательное производство рано начало влиять на эту простоту. На заводе рабочим по дешевой цене продавали металл, из которого они в домашних условиях выковывали чашки, тазы, стаканы, шумовки, ложки, вилки, светцы, лопаты, дверные петли.

Но вскоре завод занялся изготовлением литой посуды – сковород, чугунов, подносов, умывальников, подсвечников, различных форм для приготовления еды и выпечки вафель. Очень популярными стали чугунные формы с изображением на дне осетра или рака. На местном рынке приобретались суксунские и тульские самовары. Самоваром очень дорожили. Открытым его не оставляли, обязательно накрывали матерчатым чехлом.

Освещали избу лучиной в железном светце и сальными свечами. Керосин появляется в 1880-е гг., первоначально в богатых семьях.

«Мы глубже проникали в свое время...»

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Пожва длительное время являлась волостным центром Соликамского уезда. На сельском сходе выбирали должностных лиц: старосту, десятника, сборщика налогов. Персональный состав утверждался земским начальником. Здесь же, на сходе, обсуждали ремонт дорог и мостов, наем пастуха.

Десятский следил за соблюдением пожарной безопасности. На фасаде каждого дома висела табличка с изображением того предмета (багор, топор, ведро), который должен быть у хозяина на случай пожара.

Но в целом волостная власть не имела здесь признанного положения. Население более зависело от правления завода, т. к. его функции касались не только производственной сферы, но и многих сторон быта и содержания поселка. Правление в лице управляющего и дворецкого занималось выделением сенокосов, пашенных угодий, отведением земли под новое строительство.

Устойчивой традицией в жизни Пожвы была полная остановка работы завода дважды в год – на время заготовки сена для личного и заводского хозяйства и на празднование Масленицы. Этим самым правление завода регулировало взаимоотношения не только с теми, кто непосредственно работал на предприятии, но и со всеми обитателями поселения. Об этих перерывах в работе завода правление не забывало доложить в официальном рапорте, который направляло в Санкт-Петербург заводовладельцам Всеволожским.

В частности, в рапорте за 1819 г. читаем:

«На прошедшей неделе мастеровые были уволены для собственного их сенокосу и в ведренные* дни были наряжаемы для поспешения на господские луга»**.

В другом рапорте за тот же год читаем:

«Заводское действие для сырной недели на положенные три дня при всех заводах было остановлено, а по прошествии оных пущено на действие»***.

Сырной неделей называли Масленую из-за употребления «многояствия» – разнообразной молочной еды. В четверг на заводе еще работали, а последующие три дня посвящали праздничным «гостеваниям»: ездили в гости родные и знакомые, целыми партиями – лицами, «подходящими друг к другу по возрасту и положению»; веселились на катушках; участвовали в масленичных поездках (об этом см. ниже).

*От слова «ведро», которым обозначалась ясная и сухая погода.

**ГАПК, ф. 176, оп. 1, д. 495, л. 232.

***ГАПК, ф. 176, оп. 1, д. 495, л. 35.

В Пожве имелись кредитное товарищество и общество потребителей с торговым оборотом в 40 тыс. руб. Здесь насчитывалось 42 торговые лавки, 2 винных казенных магазина, 3 пивные. Во второй половине XIX в. число кабаков доходило почти до 80. Интеллигенция требовала их закрытия, поэтому в начале XX в. оставалось только два кабака.

При участии интеллигенции в 1806 г. была открыта общественная библиотека. Но в 1901 г. библиотеку пришлось основывать заново, тогда же ей присвоили имя А. С. Пушкина.

При заводе работал госпиталь на 40 коек. В 1849 г. «лекарское искусство познавали в госпитале» «лекарские» ученики – 4 старших и 4 младших. Все они были выпускниками Пожевского заводского училища, где специально готовились к «лекарской должности». Некоторые из них, как, например, И. Ознобишин и П. Колпаков, изучали латинский язык. За порядком в госпитале следил больничный надзиратель. Лечебным процессом руководил доктор (врач). Бывало, что

*ГАПК, ф. 176, оп. 1,
д. 708, л. 54 об.

эту должность замещал «штаб-лекарь», приглашенный из Санкт-Петербурга*.

По документальным свидетельствам, в XIX в. обитатели Пожвы сохраняли замкнутый образ жизни, мало занимались промыслами и торговлей. В определенной степени это было обусловлено особым видом расчета – не деньгами, а квитанциями, которые выпускали Всеволожские. Рабочие, таким образом, находились в полной зависимости от местных заводских лавок и не могли совершать покупки на стороне.

Кроме двух каменных православных храмов, о которых уже говорилось, были в Пожве 4 часовни и богадельня, существующая на проценты от капитала, пожертвованного местным жителем Пермяковым.

В начале XX в. действовали 2 хлебопекарни, 5 частных швейных мастерских, работало несколько краснодеревщиков и сапожников.

Ярмарки проводились 27 июня, 25 сентября и в главный престольный (съезжий) праздник – Троицын день.

В летнее время любимым развлечением являлись «сборища на полянках»: пели и плясали под гармонь и балалайку, разыгрывали шуточные сцены. Зимой собирались в доме, который откупали у хозяина. Самой популярной была игра с поцелуями, которую называли «Сорвать розу»: девушка стояла на стуле, а двое парней поднимали третьего так, чтобы он смог ее поцеловать. Осенью молодежь устраивала в каком-нибудь доме *вечёрки-посиделки*. Сначала собирались девушки. Когда приходили парни, начиналось шумное веселье. Пели, плясали, вспоминали разные случаи.

По воскресным дням и праздникам рабочие и служащие с высоким достатком собирались семьями. Играли на фисгармонии, фортепьяно, скрипке. Мужчины обсуждали хозяйственные и политические вопросы, а женщины – семейные обстоятельства и моды. Интеллигенция, как вспоминали местные жители, жила замкнуто, в основном общалась с семьями служащих и духовенством. У нее было стремление к сближению с рабочими и мастеровыми, но, как отмечают те же старожилы, на деле взаимные связи не устанавливались.

Активно распространялись *помочи* – форма взаимопомощи для быстрого выполнения важных хозяйственных дел: всем миром возводили срубы, обрабатывали лен, мыли дома, жали хлеба, косили сено. Собирались не для заработка, а «за помощью взаймы, чтобы тебе помогли». Помочи сопровождались угощениями.

*«Нам нужны люди, знающие
по собственной практике
все работы цехов»*

ОБРАЗОВАНИЕ

Как только В. А. Всеволожский избрал Пожву местом пребывания Главного правления вотчины, он в 1799 г. открывает при заводе школу. Из Москвы пригласили учителя Кабанова. Среди первых учеников школы были будущие строители первых пароходов и паровых машин П. К. Казанцев и С. П. Истомин, первый капитан пароходов Н. О. Беспалов.

Сначала в школе учили по программе народного училища, но впоследствии обучение пошло по ланкастерской системе*. Для введения этой системы, рассчитанной на три года, В. А. Всеволожский в 1821 г. отправил выпускников Пожевской школы Я. М. Левина и В. Д. Хлебутина на трехмесячные курсы в г. Ярославль.

В 1824 г. управляющий заводом сообщал В. А. Всеволожскому, что по ланкастерской системе «обучалось 74 ученика... словесности, письму, а некоторые... и арифметике, в чем, по замечанию нашему, видится успех порядочный».

В это же время еще в одном заведении Пожвы – в народном училище, которое было самостоятельным, – учитель М. Смышляев обучал 43 ученика.

*Ланкастерское обучение распространялось в России в первой половине XIX в. Система состояла в том, что старшие и более знающие ученики под руководством учителя вели занятия с другими детьми. Разработана английскими педагогами А. Беллом и Дж. Ланкастером независимо друг от друга.

Александр и Никита Всеволожские, в чье владение перешел завод в 1836 г., решили добиться повышения качества обучения, чтобы из выпускников выходили хорошие работники. Они видели:

«...образование недостаточно [для] заводских людей, не только желающих занимать разные должности по конторам и цехам, но даже и для простых работников, подмастерьев и мастеровых, а потому мы вынуждены были изменить существующие правила, тем более, что простое распространение грамотности влекло к ошибочному понятию, что все обучавшиеся в школе, считая работы для себя низкими, будто бы могут уже и должны поступать непременно к занятию должностей по счетной части, смотрителей, надзирателей, даже прикащиков, а в случае недостатка вакансий предпочитают проживать писарем или ищут найма у вольных торговцев в разные должности»*.

*ГАПК, ф. 176, оп. 1, д. 692, л. 26–26 об.

Существующее представление об обучении Всеволожские назвали «ложным». Они решили:

«...предупредить такое понятие и по возможности компенсировать, с одной стороны, цеха подмастерьями и мастерами вполне способными к правильному производству работ и к необходимому в промышленности улучшению оных, а с другой стороны, пополнить должности только людьми знающими по собственной практике все работы тех цехов, в коих ведении их могут со временем состоять... Чтобы никто не мог получить звания подмастерья, мастера из числа подростков ныне состоящих 12-летнего возраста и всех тех, кои впоследствии сего возраста достигать будут, если не умеют ни читать, ни считать, ни чертить, а с другой стороны, чтобы никто не мог получить должности ни протоколиста, ни бухгалтера, а колыми паче прикащика, если не выходят из школы, не обучився тем ремеслам и работам, кои в ведении его со временем состоять могут, и не удостоился по силе ремесла званий подмастера или мастера»**.

**ГАПК, ф. 176, оп. 1, д. 692, л. 26 об. – 27.

Жители Пожвы положительно отнеслись к новой форме обучения Всеволожских и «благотворно стали посылать детей своих в школу от 7 до 12-летнего возраста». В связи с этим понадобилось открыть второй класс «для тех из воспитанников, кои способностями своими требовали большого образования и кои со временем должны получить штатную должность». Во втором классе преподавались грамматика русская в двух частях, арифметика в двух частях, геометрия, черчение, география всеобщая и России, история России, рисование.

В 1844 г. Всеволожские пригласили учителя П. И. Иванова, окончившего Гатчинский сиротский институт (под Санкт-Петербургом). Молодой учитель энергично взялся за дело. Он добился проведения ремонта и расширения школьного здания, приобрел учебные и хозяйственные принадлежности, восстановил утраченный на некоторое время ланкастерский класс, проявлял заботу о бедных учениках. Вскоре в школе появилось около 200 учебных книг, 2 большие класс-

ные доски со станками, 7 ланкастерских столов*, 66 аспидных досок**, 90 рейсфедеров***, 2 архитектурных циркуля.

Когда в 1847 г. смотритель училищ Соликамского уезда А. Суворов объявил Пожевскому правлению о переводе заводских школ в ведение Министерства народного просвещения, Александр Всеволодович Всеволожский прежде всего озаботился тем, «что в заводах вообще, следовательно и в моих с братом, не могут быть преподаваемы ныне предметы, как те, кои дозволены в приходских школах»****. Он направил письмо директору Пермских училищ И. Ф. Грацинскому, в котором рассказал об успехах своей школы и о потребностях образования в заводах и просил «разрешить по власти Вам представленной предметы преподавать во втором классе школы нашей»*****.

Вместе с письмом Всеволожский представил И. Ф. Грацинскому записку, в которой определял «порядок [прохождения] подростков, окончивших курс в школе, по мастерствам для практического обучения оных». Он предлагал следующее:

«1) Мальчик входит в школу 7 лет; 2) проходит 2 класса до 12 лет, неспособный выходит тех же лет и из 1 класса; 3) с 12 до 16 лет переходит мастерства: столярное, литейное, слесарное и кузнечное, оставаясь в каждом цехе по одному году и занимаясь в чертежной по два часа в день; посещают воскресные школы, дабы дать возможность тем из мальчиков, коих способности не развились до 12 лет в школе, догнать своих товарищей в умственном образовании; нерадивые и непонятные остаются в цехах, в коих поболее оказали успехов; 4) на 17 году переходит по четырем главным цехам: доменному, пудлинговому, сварочному и катальному, оставаясь по три месяца в каждом; не оказавшие успехов остаются и долее; 5) на 18 году зачисляются в комплект цехов, или поступают, смотря по успехам и аттестатам, в высшее училище, в коем проходят курс на практической съемке, а на 21 году изучают практические обязанности протоколиста и бухгалтеря по полугоду, назначаемом, смотря по способностям и по вакансиям, в цеховые, заводские и вотчинные конторы, или в правление»*****.

*Ланкастерские столы были разными. Один стол предназначался для начального освоения письма. Столешница превращалась в открытый ящик, в который насыпали песок. На песке железными палочками выводили буквы и цифры. Для заравнивания песка употреблялась дощечка-шабаркалка. Другие столы имели вид парт, за которыми писали на деревянных досках размером 20х30 см. Эти доски были черного цвета с разноцветной строк. На них писали гусиными перьями, пользуясь белыми чернилами – раствором мела. На каждом столе имелось по два отверстия для чугунных чернильниц.

**Доски для письма грифелем, изготовленные из аспидного сланца.

***Металлическая трубочка для вставки и удерживания грифеля, а также чертежный инструмент для проведения линий на бумаге тушью или краской.

****ГАПК, ф. 176, оп. 1, д. 692, л. 26.

*****Там же, л. 27 об.

*****ГАПК, ф. 176, оп. 1, д. 692, л. 12-12 об.

Все, что предлагал Александр Всеволодович, не что иное в современном понимании, как концепция развития профессионального образования в заводском училище.

Ученикам давали не только заводские профессии: некоторых готовили к преподаванию в сельской школе. Так, учитель П. И. Иванов учеников геодезии Н. Безпалова и К. Механошина, «по воле его превосхо-

дительства владельца Александра Всеволожского», готовил на звание приходских учителей и представил их в 1847 г. в Пермскую мужскую гимназию «для испытания», где они были признаны «советом оной способными к занятию должности сельских приходских учителей». Н. Безпалов, прежде чем пойти на аттестацию учителя, обучался в 1841–1846 гг. в Санкт-Петербургской домашней школе Всеволожских и по окончании ее «занимался приведением бумаг в надлежащий порядок в Санкт-Петербургском главном управлении».

Впоследствии Пожевское заводское училище перешло в ведение Министерства народного просвещения, но с сохранением ланкастерского и теоретического классов. Ланкастерский класс работал до конца 1860-х гг. Училище не прекратило своего существования и тогда, когда в 1900 г. завод перешел князю С. Е. Львову. Правда, до конца XIX в. училище так и не имело специального здания. Для старшего отделения помещение арендовалось у завода, а младшее размещалось в здании волостного правления.

Строительство нового учебного здания началось при князе С. Е. Львове и велось под его личным наблюдением. Для него он выделил усадьбу с садом, лесоматериал, железо, кирпич. Две тысячи рублей ассигновал сход волости, тысячу – земство. Здание строится в течение двух лет и, как писали «Пермские губернские ведомости» в 1900 г., «по своей грандиозности, красоте и удобству может поспорить с училищами в уездных городах». На сходе население подавало ходатайство о преобразовании одноклассного училища в двухклассное. Высказывалось требование об открытии в Пожве женской гимназии.

В 1916 г. сеть образования в Пожве представляли 4 учебных заведения: высшее смешанное начальное училище с 60 учащимися (открыто в 1916 г.), мужское начальное с 225 учащимися и женское начальное со 180 учащимися училища (открыты в 1871 г.), а также (с 1895 г.) церковно-приходская школа, находившаяся в д. Городище*.

*ГАПК, ф. 540, оп. 1,
д. 33 об.

«...это тоже действия людей
с сакральными ценностями общества»

ПРАЗДНИКИ

В круговороте годовых сезонов традиционными и чтимыми знаками времени были праздники и обряды.

Особое празднество организовывалось в преддверии весны, на так называемой Масленой неделе. Как повсюду, так и в Пожве каждый день недели имел свое название: понедельник – *встреча*, вторник – *заигрыш*, среда – *лакомка*, четверг – *широкий*, пятница – *тещин вечер*, суббота – *золовкины посиделки*, воскресенье – *прощеное*. Широко известно название воскресенья *целовник*: в этот день принято было целоваться. Но в Пожве это название не употребляли, и, по воспоминаниям старожилов, «целоваться на виду считалось большим грехом». Целоваться было принято только в Пасху.

Долгое время сохранялась традиция катания на лошадях, запряженных в разукрашенные сани-*кошёвки*. Под звон поддужных колокольчиков ездил по большой дороге от Елизавето-Пожевского завода до д. Усть-Пожвы. Молодежь предпочитала катание на катушках. Старожил Пожвы А. А. Бажина, 1904 г. р., вспоминала:

«На масленой неделе старались напечь блинов и оладий великое множество... так как принято было ходить друг к другу в гости. Молодежь после того, как сходит в гости, собиралась у катушек. У нас перед домом Теплоуховы строили очень высокую катушку, направленную в сторону реки, поэтому спуск получался очень длинным. Вокруг катушки ставили елки. На высокий шест вешали два больших бумажных шара, внутри которых устанавливали лампы. Лампы освещали поляну, и здесь катались допоздна»*.

*Записано Л. В. Иконниковой в 1998 г.

Игровых катушек в Пожве устраивалось много: позволял рельеф местности. С горы скатывались вдоль улиц, идущих к пруду. На высокую Гляденскую гору, с которой хорошо просматривался завод и пруд, приходили все *горские, заратанские и капустинские* ребята. Привлекал обычай появления в Масленицу празднично одетых молодоженов. Молодожены, вступившие в брак накануне Масленицы, катались даже в венчальном наряде, сначала на лошадях, а затем на катушках. В кошевках они объезжали всех родственников, но сначала навещали мать молодухи.

Наиболее весело справляли три последних дня Масленой недели – их называли *проводами Масленицы*. К широко распространенным

развлечением относилось появление ряженых, и прежде всего персонажа Масленицы. А. А. Бажина вспоминает:

«Чтобы проводить Масленицу в последний путь, брали лошадиные сани, и в них впрягались парни. Сверху себя покрывали шкурами, приделывали гриву. В сани садили разряженную Масленицей девку. В этих санях везли ее показывать до завода и обратно. Повозку сопровождала смеющаяся толпа девчат и ребят. Потом Масленицу раздевали, старую одежду с нее сжигали и прыгали через костер».

Ритуальный персонаж, олицетворявший Масленицу, смех, сжигание одежды и перепрыгивание через огонь костра – это явления аграрного, продуцирующего обряда. По народным представлениям, огонь обладал очистительной и животворящей силой, тем более, что он устраивался в преддверии весны. Старожилы по этому поводу еще говорили:

**Воспоминания Е. Ф. На-
зукиной, 1911 г. р.,
А. С. Миковой, 1918 г. р.*

«С Масленицей нужду сжигаем, чтобы по-новому жить, богато»*.

Молодые просили прощения у старых людей, особенно родителей. Вставали на колени и говорили: «Простите ради Бога нас». Им отвечали: «Бог простит». В Пожве соблюдался старый обычай просить прощения и у крестных родителей: восприемников считали ближайшими родственниками.

После Масленицы наступал семинедельный Великий пост. В первый понедельник, называвшийся *чистым*, прибирали дом и обязательно топили баню, чтобы «смыть масленичный жир». Воскресенье, которым заканчивалась первая неделя Великого поста, называли *сборным*, т. к. было принято собираться вместе молодым женщинам, начавшим замужество в нынешнем году. На эту встречу было принято приходить в венчальной одежде и с прялками. Совершались ритуальные действия. Нарядные женщины на донцах прялок по одиночке скатывались к пруду и примечали: кто дальше скатится, у той лен вырастет длинным. Этот древний магический прием имел продуцирующее значение еще и потому, что в обрядовом действии применялась прялка – предмет, который имел непосредственное отношение к обработке льна. К тому же в Великий пост было принято заниматься прядением и ткачеством. Лен – символ прядения и жизни длинной и прочной, а вместе с тем и символ непрерывного времени. Традиция эта держалась в Пожве долго: такие обрядовые действия наблюдали старожилы, родившиеся уже в конце 1940-х гг.

Великим праздником являлось Благовещение. За большой грех считалась любая работа в этот день. Придерживались и тут многих

обычаев. Шли в церковь за просфорами с рисунком в виде процветшего креста, просфоры хранили до посева, во время которого их рассыпали в зерно. Запекали в хлебцы кресты: кому крест доставался, тот считался счастливым. В низкой посуде проращивали ячмень, чтобы к Пасхе он успел прорасти. В Пасху в ячмень клали крашеное яйцо и ставили на полку к иконам.

В Пасху жители Пожвы посещали храмы, участвовали в крестном ходе. В православных семьях разговлялись куличами, яйцами. На всей Пасхальной неделе священники обходили дома прихожан с иконами. Для них готовилось специальное угощение. Дом и двор окроплялись святой водой. Молодежь ходила на колокольню Свято-Троицкого храма, и целую неделю над Пожвой возносился колокольный звон. Сооружались качели – перед домами, обязательно на Торговой площади, в Лысково, на Теплоуховской поляне.

Троице, в которой воплощалась идея триединой сущности Бога-Отца, Сына и Святого Духа, предшествовала родительская суббота. Но по издавна заведенной в Пожве традиции поминовение усопших родителей совершалось в Семик – накануне Троицы, в четверг седьмой недели после Пасхи.

Праздник во имя Троицы справлялся очень широко и значимо. Он был популярным и любимым, престольным или храмовым. В честь этого праздника был возведен местный храм. Паперть храма украшалась зелеными березками и лентами. Ставились украшенные березки в улицах перед домами.

На Торговой площади развertyвалась пышная ярмарка, длившаяся три дня. Здесь же сооружался балаган из парусины, натянутой на столбик, для представлений народного театра с Петрушкой. Устанавливали здесь и большую карусель. Традиция ярмарочного действа и веселья имела общерусское распространение. Спустя много лет старожилы Пожвы вспоминали:

«На площади негде было развернуться от палаток торговцев, приехавших отовсюду. У них можно было приобрести мебель, посуду, материю и украшения».

Во время этого праздника проявлялись родственные связи, присматривались будущие брачные пары. Готовилась трапеза для родных и близких людей, съезжавшихся в поселок. Начав гулять в одной семье, гости переходили в другую, где «угощение шло в таком же порядке».

Вечером молодежь разворачивала троицкие гулянья. Собирались на так называемых *полянках*, где водили хороводы, играли, пели, танцевали кадрили и ланце под гармонь. Сюда же приходили пожилые

люди с внуками, рассаживались на скамейках и наблюдали за весельем молодых. По воспоминаниям жительниц Пожвы, во время гуляний чаще всего пели плясовые песни «Эх, ты, бабушка-преленка», «Макаруха-макара».

В Пожве справлялся еще один престольный праздник – в день Ивана Купалы (Иванов день). В календаре старого стиля он приходился на 24 июня. В Ивановской церкви постоянно службы не велись, но в престольный день ее открывали, и священник Свято-Троицкого храма совершал праздничное богослужение. В течение трех дней в церковь мог прийти любой. Старожилы вспоминали:

«...накануне и на заре этого дня девушки ходили в лес собирать травы. Сорок собранных цветов клали под подушку, загадывая желание о суженом. Отпускали по реке веник и примечали: уплывет далеко – не выйти в ближайшее время замуж, прибьется к берегу – обязательно окрутят, а если на глазах утонет – ожидай смерть».

Как только завод перешел князю С. Е. Львову, в Пожве получает широкое празднование день Сергия Радонежского (25 сентября по ст. ст.) – это был «день ангела» хозяина завода, его именины. Совершалось праздничное богослужение, устраивалась ярмарка. Многим праздник запомнился тем, что в Пожве в этот день продавались свежие яблоки, арбузы, дыни, помидоры.

Покров день (день Покрова Богородицы – 1 октября по ст. ст.) считался рубежом завершения хозяйственного года. Готовясь к нему, убрали все выращенное на полях и в огородах, утепляли жилище и дворы. Девушки не пропускали момента, чтобы молитвенно обратиться к Пресвятой Богородице с просьбой «покрыть землю снежком, а меня – хорошим женишком».

Время между двумя праздниками церковного календаря – Рождеством Христовым и Крещением (Богоявлением) Господним (25 декабря – 6 января по ст. ст.) – заполнялось святочными развлечениями: наряжались сакральными персонажами и совершали ритуальные обходы домов, сходились на кулачные бои и много гадали.

«К обрядам в семье тщательно
готовились»

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

В русской православной традиции формированию семьи отводилось два «брачных сезона» – от Покрова до Николина дня (1 октября – 6 декабря по ст. ст.) и после Крещения (6 января по ст. ст.) до Масленицы. В Пожве соблюдалась свадебная обрядность, свойственная другим регионам России, но она имела и свою особенность. Обстоятельное описание свадьбы в Пожве было выполнено в середине XIX в.

А. Калмыковым*. О свадьбах, приходящихся на 1920-е гг., когда их традиционность сохранялась еще в полном виде, рассказала А. А. Бажина, 1904 г. р., к чьим воспоминаниям, записанным в 1998 г., мы уже обращались.

**Калмыков А. Описание свадебных обрядов жителей Соликамского уезда Пожевского завода с окрестностями//ПГВ. – 1861. – №2.*

Сын сообщал о своем выборе родителям, за которыми оставалось окончательное решение. Если выбор одобряли, в дом девушки засылали сватов. Сватовство проходило при нечетном числе людей, в нем участвовали отец, мать, сын и его духовные родители – крёстные. Допускалось засылать до сватовства сваху, чаще ею была крестная парня, но в 1920-е гг. этот обычай уже отпал. Когда сватов приглашали пройти к столу, это означало согласие родителей выдать дочь замуж. Сговаривались о сроках и порядке ведения предсвадебного периода и самой свадьбы. Заключительный этап сговора – рукобитье и домашнее обручение помолвленных молодых. Зажигались свечи, молодых благословляли иконой и хлебом, сначала родители невесты, а затем родители жениха, молодые обменивались кольцами. Потом устраивали пиршество.

Теперь шла подготовка к свадьбе. Невеста готовила приданое, крестная навещала дом жениха и измеряла в комнате, где будут жить молодые, ширину окон, длину пола, печи, чтобы приготовить занавески и половики. Венчальное платье заказывали местным мастерицам. На протяжении всего подготовительного периода невеста должна была оплакивать свою судьбу и расставание с родственниками. Пожвинские невесты использовали традиционные причитания, но нередко повторяли их с существенными изменениями и включая сюжеты из своей жизни*.

**Калмыков А. Описание свадебных обрядов...*

Последний заключительный пир в доме невесты накануне свадьбы – *девичник* (в Пожве его называли *девишник*). Собирались подруги невесты. Было принято устраивать *отнимание косы*, на которое приходили посмотреть многие желающие женщины. Невеста сади-

лась за стол, ей плели одну плотную косу, которую она наматывала на руку. В этот момент присутствующие пели жалобные песни о расставании с родимым домом и родителями. Крестная и подружки отнимали косу у невесты, стремились снять ее с руки. Порой и втроем не могли снять косу с руки. Считалось, чем громче невеста будет кричать, плакать и чем дольше сопротивляться, тем легче будет ее жизнь с мужем.

*Ж и ч а, ж и ч к а –
шерстяные нитки домаш-
него приготовления.

Как только коса была «отобрана», ее расплетали «по одной жичке*». В этом процессе участвовали все, кто прибыл посмотреть «на невестины слезы».

Следующее обрядовое действие, завершающее девичник, происходило в бане. Баню готовили подружки невесты под специальные песни.

**Кагаров Е. Г. *Состав и происхождение свадебной обрядности/Сборник музея антропологии и этнографии. – Л., 1929. – Т. 8. – С. 171.*

Невеста мылась в бане с подругой. «Банное действие» – не что иное, как очистительный обряд и пережиток старинного поверья о бракосочетании невесты с хозяином бани – *банником*, которому она приносила свою девственность, чтобы обеспечить себе плодородие**.

Но баня расценивалась еще и как приобщение невесты к жениху и его семье, поскольку в ней пользовались мылом и веником, принесенными от жениха, а иногда и топили дровами из его же дома.

В начале XX в., как объясняли старожилы, девичник и баню из свадебного комплекса исключали, допуская упрощенный вариант: невесту сажали на стул, опрыскивали водой, на что она отвечала причитаниями. Но бывали случаи, когда баню не топили, а ходили в нее «угощаться и песни петь». Во многих случаях, когда не проводился девичник, предсвадебный период завершался пиром родственников жениха и невесты, во время которого невеста могла одаривать родных жениха.

Следующий этап – собственно свадьба. Утром невесту снаряжали в церковь, делали высокую прическу, дополняя ее убором в виде венка. Когда свадебный поезд приближался к дому, девушки запевали самую распространенную свадебную песню: «Ой, не было ветру, вдруг навеяло, не было гостей – да вдруг наехало...» Жених с крестной, выступающей в роли свахи, заходили в дом. Жених направлялся в кухню-куть, где находилась невеста. Ему навстречу отец выводил за полотенце невесту и передавал со словами: «Пой, корми, бело води». При этом пели:

*Не с-по блюдечку серебряному,
Да по другому позолоченному
Выкаталася жемчужина,
Выходила да красна девица
Из кути, да из-за занавеси,
Из-за тонкой, белой,
Тонкой полотняной.*

*Да не сама собой выходила,
Выводил да родимый батюшка.
Да среди полу да становилася,
Всеми миру поклонилася,
Одному же да на особицу,
Свет Ивану,
да свет Ивановичу*

Присутствующие в доме садились за стол, угощались. «Как все одновременно садились, так же враз и вставали и, выходя из-за стола, пели»:

| | |
|----------------------------|--------------------------------|
| <i>Ой, из лугу, лугу</i> | <i>Ой, разлуку везут</i> |
| <i>Вороны кони бежат,</i> | <i>Да с родным батюшкой,</i> |
| <i>Бурушко космат</i> | <i>Да с родной матушкой...</i> |
| <i>Все вперед забегат.</i> | |

Свадебный поезд отправлялся в храм. Жених ехал с тысяцким на одной лошади, невеста со свахой – на другой, причем сваха сидела у невесты на коленях. После венчания новобрачные ехали на одной лошади во главе с тысяцким. Встречали их родители жениха на крыльце и обязательно за его порогом. Благословляли иконой и хлебом, который пекла свекровь*.

**Калмыков А. Описание свадебных обрядов...*

Молодуху в доме переодевали: вместо венчального платья надевали другое, более нарядное. Мать и крестная жениха вместо одной заплетали ей две косы, укладывали по кругу и покрывали кокошником, позднее наколкой и обязательно платком. Устройство женской прически (*окручивание*) знаменовало окончательный переход новобрачной в категорию замужних женщин. В этом наряде ее подводили к мужу, который со всеми участниками свадебного поезда сидел за *приезжими столами*. Приняв угощение, все расходились по домам.

Вечером накрывались *большие столы* и созывались гости. Когда гости входили в дом, «песельницы» пели для тысяцкого:

| | |
|--------------------------|-------------------------|
| <i>Тысяцкий-воевода,</i> | <i>Ой, головами.</i> |
| <i>Ой, воевода.</i> | <i>Да как первой</i> |
| <i>Да как и раньше</i> | <i>головой Ивана,</i> |
| <i>воевал городами,</i> | <i>Ой, у Ивановича.</i> |
| <i>Ой, городами,</i> | <i>Да как второй</i> |
| <i>Да как и нынче</i> | <i>головой у Марии,</i> |
| <i>воюет головами,</i> | <i>Ой, у Марии.</i> |

Разворачивался свадебный пир, который мог продолжаться далеко за полночь. За столами пелись величальные песни. Кого величали, тот должен был положить деньги на блюдец. Блюдца стояли перед каждым гостем. Свахе пели:

| | |
|-------------------------------|---------------------------------|
| <i>Приезжала свашенька,</i> | <i>Я пшеном белояровым</i> |
| <i>Сваха гордо-спесивая,</i> | <i>(два раза).</i> |
| <i>Молодая, горделивая.</i> | <i>Откуда сваха ехала?</i> |
| <i>Откуда сваха ехала?</i> | <i>Уж я ехала, ехала</i> |
| <i>Уж я ехала, ехала,</i> | <i>Через синее морюшко.</i> |
| <i>Я полями широкими</i> | <i>Ты кого сваха видела?</i> |
| <i>(два раза).</i> | <i>Уж, я видела, видела</i> |
| <i>Уж ты чем поля дарила?</i> | <i>Серу утицу на тихой воде</i> |
| <i>Уж я дарила, дарила,</i> | <i>(два раза).</i> |

считают исследователи, расценивались не только развлекательными, но ритуальными, т. к. показывали качества, необходимые в семейной жизни, способствовали приобщению молодой к роду жениха.

Следующая свадебная традиция – *хлебины*, посещение молодоженами родственников. Этот обряд был направлен на общественное признание и упрочение новой семьи.

В целом имеющиеся в нашем распоряжении источники показывают как общие, так и своеобразные черты свадебного обряда пожевского населения, обусловленные влиянием заводской среды, а порой уже и городской.

В Пожве преобладали многодетные семьи. По свидетельствам местных жителей, роды проходили в домах, а не в банях, как было заведено у крестьян. Роженице помогали *повитухи* – опытные в родовспоможениях женщины. За оказанную помощь им полагались дары. Традиция диктовала крестить детей в течение первой недели. В храм ребенка приносили восприемники – крёстные. Мать в это время оставалась дома и занималась подготовкой угощения. Так она поступала потому, что в течение десяти дней после родов ей запрещалось посещать храм.

Похоронно-поминальный обряд длительное время сохранял архаические черты. Тело покойника обмывал чужой человек – *обмывальщик*, которому за услугу обязательно давали одежду. Некоторые женщины еще при жизни наказывали детям похоронить их в венчальном наряде. Если умирал ребенок, гроб ставили на стол. Объясняли это тем, что ребенок был безгрешным.

Очень интересны обычаи, необходимые, судя по представлениям людей, для продолжения жизни в загробном мире. Среди них – сшитый «на живую нитку» саван, недоплетенные лапти, неподпоясанная и незастегнутая погребальная одежда, недопеченный поминальный хлеб – таким образом похороны включались в «сценарий» продолжения жизни, а не смерти.

После выноса гроба обязательно мыли полы. Покойников отпевали в храме. По возвращении с кладбища все мыли руки и принимали трапезу. Соблюдали обычай ставить на стол четное число блюд.

«В театре Всеволожского столица
создает в провинции крепостной театр»

КРЕПОСТНОЙ ТЕАТР

В начале XIX в. в Пожве существовал хор с оркестром, мальчиков приобщали «к певческой науке». Но как только в конце 1814 г. в центре своей уральской вотчины поселился Всеволод Андреевич Всеволожский, здесь создается театр, «чтобы развлекать и обслуживать хозяина»*. По составу труппы и по месту нахождения – в провинции,

**В. А. Всеволожский и его сыновья Александр и Никита были своими людьми в столичном мире искусства, театра, музыки. Как страстного театрала, В. А. Всеволожского в 1805–1807 гг. прочили на должность директора московских театров. Современники отмечали: «...страстный охотник до музыки, имеет собственный оркестр, любитель театра и всяких общественных увеселений... Таких людей со свечкой поискать. Нет сомнения, что назначение В. А. Всеволожского оживило бы театры и ободрило бы актеров...» (Жихарев С. П. Записки современника: воспоминания старого театрала. – Л., 1989. – Т. 2. – С. 95.)*

***РГИА, ф. 652, оп. 1, д. 940, л. 86.*

в вотчине – его нужно назвать крепостным. Но по репертуару, составу зрителей и уровню актерского профессионализма он не отличался от театров столицы.

В. А. Всеволожский задумал вести подготовку актеров для крепостного театра не в столице, а в своей уральской вотчине. Для музыкального оформления спектаклей он приглашает известного композитора и скрипача Людвиг Вольфганга Маурера, приехавшего в Москву в 1806 г. из Пруссии. Когда были поставлены все известные к тому времени оперы, Маурер сочиняет произведения, которые впервые ставятся на сцене Пожевского театра. Никита Всеволожский, сын Всеволода Андреевича, вернувшись в 1816 г. из Пожвы в Санкт-Петербург, сообщил отцу о передаче А. А. Шаховскому, руководителю репертуарной части дирекции Императорских театров, крупному деятелю русского театра, для постановки на столичной сцене сочинения, «уже известные узкому кругу лиц на сцене Пожвинского театра, в том числе “Мирабо” **.

В Пожевском театре играли модные в первой четверти XIX в. водевили, комедии, ставились французские комические оперы. В 1817 г. В. А. Всеволожский писал сыну Никите:

«Тебе известно, что у нас есть ноты французских опер, каковы суть: “Водовоз”, “Адольф и Клара”, “Глупости, или Неоконченная картина”, “Черногорский замок” и “Калиф Багдадский”, которые, как тебе известно, снова переведены на русский язык, но у нас их нет. И потому все наши просят тебя к нам их доставить печатные или писанные, а под музыку речь мы как-нибудь подведем сами***.

****РГИА, ф. 652, оп. 1, д. 940, л. 54.*



Шляпа из театрального реквизита. Первая половина XIX в. Из собрания Березниковского историко-художественного музея

Никита перевел с французского водевили «Каролина», «Две говорящие картины», которые были поставлены сначала на сцене Пожевского театра, а затем уже в Петербурге.

В 1817 г. в Пожве были поставлены переведенные с французского языка А.А. Шаховским оперы Людвига Маурера «Новый бедлам», «Лекарь-самоучка», которые в Санкт-Петербурге прошли в 1818 г., а в Москве намного позднее.

В.А. Всеволожский, узнав о создании А.А. Шаховским водевиля «Крестьяне, или Встреча незваных», просит сына Александра, служившего в Санкт-Петербурге, приобрести пьесу:

«Прикажи, мой друг, купить оперу... и пришли ко мне. Рекомендую, если есть и другие хорошие, которые, как тебе известно, могут быть играны на нашем театре, присылай к нам»*.

**РГИА, ф. 652, оп. 1, д. 940, л. 54.*

По поводу репертуара Пожевского театра в исследованиях отмечается:

«Сверяя этот список с пьесами, шедшими в те годы на профессиональных подмостках, мы можем констатировать значительное совпадение репертуара московских и петербургских театров и крепостного театра Всеволожского»**.

***Касперина - Азарян А.Б. Театральная старина Урала. - Екатеринбург, 1998. - С. 85.*

Несомненно, много общего было потому, что сохранялась тесная связь Всеволожских с профессиональным театром. Известно, что пьесы, сочиненные или переведенные Никитой Всеволожским, ставились не только в крепостном театре, но и в столичных профессиональных театрах. Людвиг Маурер, писавший музыку для спектаклей в Пожве, впоследствии стал дирижером французского театра в Санкт-Петербурге, а с 1851 г. – инспектором музыки при Императорских театрах.

Постановку пьес В.А. Всеволожский поручал «дворовому человеку» Лариону Коревякину, доверяя ему и подбор репертуара. Обращался также к мастеровому Прокофию Хазову. Имен крепостных, игравших роли, сохранилось мало. Лучшими оперными актрисами театра В.А. Всеволожский называл дворовых людей Менюхину и Поджарову. «Из дворовых людей, детей мастеровых и заводских служащих», окончивших местную горнозаводскую школу, комплектовались хор и оркестр. Зрителями театра являлись не только члены семьи Всеволожского, но и заводские служащие, местная интеллигенция.

Особенный интерес представляет тот факт, что крепостную труппу и реквизит театра В.А. Всеволожский вывез в 1818 г. в Санкт-Петербург, в свое имение Рябово. В столичной театральной среде труппа пользовалась неизменным успехом. В «Летописи русского театра» отмечается, что актеры, прошедшие театральную выучку на Пожевском

**Отечественные записки. – 1822. – Кн. 31. – С. 268.*

заводе, были стержнем театра Всеволожского и «лучшими актерами высокого профессионализма»*.

К сожалению, дальнейшая судьба актеров из Пожвы остается неизвестной. Но, без сомнения, крепостной театр Всеволожского оставил яркий след в уральской и столичной культуре. Петербургский дом В.А. Всеволожского пользовался большой популярностью в театральных и музыкальных кругах столицы. На музыкальные вечера «съезжался весь аристократический Петербург», в них участвовали

***Иконников В.С. Граф Мордвинов. – СПб., 1873. – С. 439.*

****Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. – Т. 10. – Л., 1979. – С. 76.*

известные композиторы А.А. Алябьев, А.Н. Верстовский**. Постоянным гостем дома В.А. Всеволожского был А.С. Пушкин. Никиту Андреевича Всеволожского поэт называл «лучшим из минутных друзей моей минутной младости»***.

Известно, что с отъездом труппы в столицу театральное искусство в Пожве не заглохло. Оно развивалось так же, как во многих центрах уральской провинции. В газете «Екатеринбургская неделя» за 1883 г. находим такую характеристику:

«Любительская сцена в Пожевском заводе существует очень давно. Народ здесь привык к театру. Сцена существует в особом здании. Обстановка театра очень недурна. Хотя декораций и не особенно много, зато очень порядочный гардероб, где, например, один старинный придворный костюм из белого бархата, отделанный золотом и вышитый в узор разноцветными перьями, стоит больше 500 рублей. Одно жалко – сцена мала здесь. Боялись, что все

*****Екатеринбургская неделя. – 1883. – №4. – С. 71.*

действующие лица из «Бедность не порок» не поместятся на сцене, исполнение актерами своих ролей в Пожевском театре заслуживает самых высоких похвал»****.

Спектакли Пожевского театра посещали жители соседних заводских поселков – Майкорского, Чермозского и др. Здесь можно было посмотреть пьесы А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, водевили, в том числе и зарубежных авторов, как отмечалось в газете, «перестряпанных с французского». Среди зрителей были «заводские служащие, зажиточные мастеровые и их семейства».

Пожевская публика предпочтению отдавала не водевилям, а классике русского театра, например пьесам А.Н. Островского. Об этом пристрастии также сказано на страницах «Екатеринбургской недели» в 1883 г.:

«Островский, так удачно поставленный раз на нашей сцене, был бы ближе к уровню понятий большинства нашей публики; в нем каждое слово – наше слово, каждая сцена – сцена окружающей нас жизни».

Для театральных представлений было выстроено специальное здание в районе Горы. Сцена от зала отделялась не занавесом, а «складывающейся в гармошку ширмой».

В начале XX в. местным театром руководила жена князя С. Е. Львова Зинаида Петровна, при которой «представления демонстрировались с большим успехом». Шли пьесы Н. Полевого «Параша-сибирячка», А. С. Пушкина «Борис Годунов», Н. В. Гоголя «Ревизор». Афиши 1907 г. приглашали смотреть комедию В. Александрова «Лакомый кусочек» и водевиль А. Яковлева «Женское любопытство». При театре постоянно работала чайная.

Сценическое мастерство стало основой театрального искусства в советские годы. Уже в 1919 г. в Пожве ставится спектакль «На чьей стороне справедливость», приуроченный к очередной годовщине восстания декабристов на Сенатской площади в Санкт-Петербурге*.

**Красный Урал (Пермь). – 1919. – 21 дек.*

*«Свои тоже решили
перестроить жизнь»*

ВЛАСТЬ РАБОЧИХ

В 1902 г. в Пожве появляется организация, сочувствующая идеям Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Ее возглавил техник-чертежник завода С.А. Черепанов. Вскоре численность партийной организации превысила 100 человек**. В Прикамье она была одной из самых многочисленных и вместе с пятью такими же организациями участвовала в избрании делегата В. Т. Фролова на V съезд РСДРП, состоявшийся в Лондоне в 1905 г.

***Революционеры Прикамья. – Пермь, 1966. – С. 710.*

Партийный комитет организовал 22 октября 1905 г. забастовку рабочих с требованием сократить рабочий день. В результате владелец завода С. Е. Львов пошел на уступку: сократил рабочий день с 11 часов 30 минут до 9 часов 30 минут и увеличил зарплату на 30%. Тогда же им был отпущен лес на строительство здания для женского училища.

Вскоре рабочие приступили к укреплению своих организаций – профсоюза металлистов и комитета РСДРП, который в 1907 г. вошел в состав Уральского областного комитета РСДРП.

В дальнейшем рабочие постоянно собираются на маевки, выдвигают новые требования заводской администрации, а 6–7 марта 1917 г., как только узнали о свержении царизма, создают Совет рабочих депутатов.

14 июня 1917 г. С. Е. Львов покидает Пожву. Руководство заводом переходит к вновь созданному фабрично-заводскому комитету.

XX – начало XXI в.

*«...и это оказало новое влияние
на развитие поселка»*

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ЗАКРЫТИЕ ЗАВОДА

В 1918 г. Пожевской завод был национализирован. Его учредителем стал Уральский областной совет народного хозяйства. Завод входил в состав Прикамского металлургического округа «Камметалл», который объединял еще заводы Майкорский, Чермозский, Добрянский, Полазненский, Юго-Камский, Воткинский. Округ создавался для координации обмена сырьем и полуфабрикатами. Каждый завод осуществлял свою деятельность в соответствии с утвержденной сметой и программой, но право самостоятельного ведения торговли своей продукцией не имел. Правление округа назначало на завод красного директора и инженера. Изучением рынка сбыта продукции занимался Уральский горнозаводский синдикат «Ураллит».

Пожевской завод имел цеха ведерный, цинковальный, ушкочайбочный, механический, а также гидроэлектростанцию и кузницу. Как отмечалось в 1925 г. в его характеристике, машины выглядели устаревшими, «благодаря изношенности станков за годы войны и революции». В удовлетворительном состоянии находилась только посудная фабрика, где машины были из Германии и лишь частично изготовлены в Пожве.

Вырабатывалось кровельного железа до 120 тыс. пудов в год.

Сырье по-прежнему доставлялось водным путем, топливо – из окрестных лесов на лошадях. Значительная часть полуфабрикатов поступала из Чермозского и Юго-Камского заводов, кислота – из Германии.

В 1925 г. на заводе работало 380 человек, на прямом производстве – 260. Квалифицированных рабочих насчитывалось 70 человек, полуквалифицированных – 120. Подготовка специалистов велась через организацию ученичества. В 1925 г. ученики составляли 8% от общего числа рабочих и служащих.

Особенно ценились «оцинковщики» (мастера оцинковки железа). Оцинкованная посуда – ведра пяти разрядов, цилиндрические и конусные, тазы пятиразрядные – пользовалась большим спросом. В 1925 г. посуды было произведено 100,5 тыс. пудов. Ее отправляли не только

по Уральскому региону, но и в Поволжье и Сибирь, на Украину, в Туркестан, на Кавказ.

Несмотря на успешное развитие завода, учредители приняли решение законсервировать его, фактически – закрыть. В 1927 г. оборудование было передано разным заводам – Чермозскому, Майкорскому, Добрянскому, Полазненскому, Лысьвенскому.

В это тяжелое время «со слов» Елены Степановны Именных учительница Пожевской школы М. Г. Тунегова записывает «Плач Пожевского завода»:

*За что вы, внуки,
рассердились?
Разрушаете меня?
Зачем вы труд не оценили,
Когда науки давал я?
Науки дал я всей России,
Показателен я был.
Не знали все сыны России,
Что тако есть пароход.
Не задумался я – сделал
И по Камушке пустил.
И недолго я тут думал,
Сделал первый паровоз.
Удивил я всех наукой,
Народ избавил от труда.
Перестали тянуть лямку,
Повезли тут все груза.
А теперь за что ломают,
Разрывают грудь мою,
Сердце кровью обливают
И на клочья меня рвут?
А пожевской куда рабочий?
Точно по миру идут:
За спинами их котомки –
Вот и весь их тут приют.
Жены мучатся с работой –
Надо дома, на полях.
И еще куда детишек?
Вот и правильно питай.*

*Где тут труд восьмичасовой?
Ушел от них он далеко.
Я кормил их всех нетрудно,
И доход другим давал.
За последний год ведерной
Сто сорок девять тысяч
Государству дал.
А еще сколько без дела,
Разрешите рассказать?
Стоит столярка и слесарка,
Кузница, домна и мартен.
Стоит лопаточна, литейня,
Мелкосортные станки.
И за что это ломают,
Ведь питал бы я народ.
Вдовы, солдатки бы питались,
Воспитал бы я детей.
И мальчишкам бы наука,
Чем по улицам ходить,
А теперь только и знают
Они лыжи волочить.
Дайте техники немножко,
Да верните все назад.
Как возьмусь я за работу –
Будет нечего сказать.
Громким голосом я гряну
В свою длинную трубу,
И скитаючи народы
Все к себе я призову...**

Плач, как известно, – жанр устного повествования, к которому по традиции прибегали в случае самого трагического, разрушительного, катастрофического, не зря народ и фольклористы его называют траурным гимном. Закрытие завода – трагедия всеобщая, и не зря местная жительница Е. С. Именных оплакивает это событие.

**БИХМ. Коллекция документов Пожевского завода.*

«Не все новое – хорошее»

НОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА НОВОМ МЕСТЕ

Завод стоял на консервации до октября 1928 г., пока рабочие не создали на основе оставшихся механизмов кустарно-промысловую артель «Молот» для выпуска ведер, тазов и пр.

Та же самая Е. С. Именных по случаю восстановления заводского хозяйства пишет новое стихотворение «Радость Пожевского завода». Там есть такие строки:

*Вот спасибо, милы внуки:
Защитили вы меня.
А то обрывали руки, ноги.
Чуть не слетела голова.
Ох, как рвали!
Мой стон тяжелый
Надрывал сердца у вас,
И невольно у всех катились
Слезы горькие
из глаз.*

*...Пошли суды да разборы,
И во матушке-Москве.
Вот послов послать решили,
Узнать о старом старике.
Подлечить его решили
И на нынешни года.
Спали горести и стоны
С пожевского мужика.
И работать принялись,
Ничуть не дрогнет их рука....*

В 1939 г. артель «Молот» была перепрофилирована на обеспечение своими изделиями Березниковского химкомбината. Затем в Пожве создается завод «Лесосплавмаш», выпускающий в основном сплотно-сортировочные машины для рейдов.

В связи со строительством Камской гидроэлектростанции Министерство лесной промышленности, в ведении которого находился Пожевский завод, приняло решение перебазировать завод на новую площадку – на место старого Марьинского завода, расположенного в 2 км от Пожвы. Дирекцию строящегося предприятия возглавил П. М. Казанцев (о нем мы скажем позднее). Весной 1956 г. закончился демонтаж завода. 16 декабря 1958 г. состоялась первая плавка в литейном цехе, и с этого времени ведет свою историю новый завод, профиль которого определился как судомеханический.

Пермский художник А. Н. Тумбасов, узнав о предстоящем демонтаже завода, прибыл в Пожву и успел в своих картинах и рисунках запечатлеть архитектуру цехов и даже воссоздать исторический момент – сборку в механическом цехе первого паровоза. Спустя 20 лет в своих воспоминаниях художник писал:

«...перед глазами до сих пор стоят сводчатые перекрытия, чугунные литые колонны в кузнице завода, двухъярусные механические заведения на три пролета... В интерьере механического заведения впечатляла анфилада арочных переходов»*.

*Тумбасов А.Н. Глаза художника и краеведа // Звезда (Пермь). – 1973. – 4 марта.

Художник Л.А. Старков, уроженец заводского поселка Елизавето-Пожва, впечатленный историей и архитектурой Пожевского завода, создал в 1950 г. несколько исторических полотен, и на одном из них показал спуск на воду первого отечественного парохода.

В 1990-е гг. предприятие стало называться не заводом «Лесосплавмаш», а Пожвинским** машиностроительным заводом. Его основная продукция – спецтехника для мастерских, водогрейные котлы, самоходные косилки, которые пользуются спросом на Урале и в Сибири. Кроме того, завод перерабатывает лес и выпускает мебель. В наше время рабочие заняты сборкой пожарных машин.

На новую заводскую площадку в середине 1950-х гг. переместили многие жилые и общественные здания. В связи с этими преобразованиями в Пожве сложился новый микрорайон.

Пожву в XIX и первой половине XX в. часто титуловали «заводом Пожва», хотя такого официального типа поселения не существовало. Менялось ее административное подчинение. Пожва длительное время пребывала в статусе села и только Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 26 июля 1940 г. была признана рабочим поселком. А это уже статус поселка городского типа.

Пожва входила в состав Майкорского района, а с 1931 по 1959 г. – Чермозского района. С 1959 г. и по настоящее время поселок находится в составе Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа.

**В прошлом и изначально завод именовался Пожевским, а с конца 1940-х гг. – Пожвинским. Последнее наименование стало общеупотребительным и официальным как для завода, так и для всех учреждений и организаций поселка. Жители сами себя продолжают называть по-старому: «пожевляне», «пожевлянин», «пожевлянка». Идею смены старого названия, как считают старожилы, подали учителя русского языка местной школы, «обнаружив в этом многовековую ненормальность», и решением поссовета все стало называться «пожвинским».

«Старое витает повсюду...»

ПОХВАЛА ПРЕДКАМ

От старого завода сохранилось немного: над водой возвышается кирпичная труба, невдалеке стоят остатки стен заводских корпусов и дома... Но в современной Пожве не забывается историко-культурное наследие старинного поселения. В 2000 г. здесь открыт памятник предкам: четырехгранная пирамида с якорем – символом старого завода – и чугунными плитами, на которых запечатлены основные вехи истории завода.

Историю Пожевского завода долгие годы изучал Павел Максимович Казанцев (1916–1991), уроженец Пожвы, немало проработавший на заводе инженером и директором. Заводу он посвятил книгу «На старом уральском заводе» (1966), второе, дополненное, издание которой вышло в 2004 г. – к 250-летию завода. Им же написано много газетных и журнальных статей, собрано немало экспонатов для заводского музея. Еще одна тема увлекала Павла Максимовича – «Пушкин и Всеволожский». Публикации на эту тему в местных и центральных изданиях получили высокую оценку пушкиноведов.

П. М. Казанцев сделал немало находок и открытий. Во время разборки печи в господском доме он обнаружил вмурованную в топку часть плиты, которая когда-то и кем-то была унесена с могилы гидротехника и управляющего В. П. Воеводина. Позднее краевед отыскал и вторую ее часть. Вот что на ней удалось прочитать:

«Здесь погребено тело раба Божия Василия Петровича Воеводина управляющего Вотчинами и заводами Его Превосходительства Всеволода Андреевича Всеволожскаго, бывший Его прежде крепостным, но за верную и усердную службу в 1813 году с семейством получил свободу. Родился в 1764 году января 26, а переселился в вечность 1829 года в 26 день ноября в звании купеческом. Именем Всеволода Андреевича управлял 32 года, а всего жития его было 65 лет и 10 месяцев. Сей памятник воздвигли ему верная его супруга и благодарный сын коллежский асессор Лев Васильевич Воеводин 1830 года».

Без этой находки мы так и не узнали бы точные годы жизни замечательного уроженца Пожвы, изобретателя, успешного управляющего.

Продолжает изучать историю завода и поселка Надежда Филипповна Исакова. В 2004 г. она создала музей при Пожвинской библиотеке, которой тогда заведовала, сосредоточив в нем личный архив П. М. Казанцева. Н. Ф. Исакова владеет исчерпывающими и безупречно точными историческими сведениями. О родословии князя С. Е. Львова она

*2001. – №7. – С. 58.

**Юрий Сергеевич Львов окончил в 1918 г. в Москве гимназию, затем учился в политехническом институте, служил в армии. Как и все дети князя С. Е. Львова, неоднократно арестовывался. В 1925 г. вместе с родителями и братом Сергеем выслан из Ленинграда в Куйбышев. В 1938 г. был расстрелян «как социальное опасное лицо».

впервые рассказала в статье «Княжеский род сохранился», опубликованной в журнале «Наука и жизнь»*. Она разыскала в Подмосковье внучку князя Екатерину Юрьевну Ройнишвили, получила от нее воспоминания и очень ценные фотографии.

Внучке С. Е. Львова довелось посетить Пожву в июне 2007 г. В своих воспоминаниях она пишет:

«В Пожве родился мой отец Юрий** и все мои тети, дяди, там они прожили свои детские и юношеские годы... Перед нами как-то неожиданно открылась потрясающая красивая картина: крутой, поднимающийся в гору берег Камы, в центре белый, сверкающий на солнце собор, вокруг сады, дома и высоченная труба дедушкиного завода, торчащая прямо

из воды. Первым делом нас привезли к дедушкину двухэтажному большому дому с красивой мансардой... на крыльце дома стояли представители поселка с хлебом-солью и цветами... Могли ли мои родные, пережившие гонения и репрессии, когда только одной принадлежности к княжеской фамилии было достаточно для смертного приговора, представить себе, что все так изменится. Ко мне подходили пожилые люди и говорили, что их родители много хорошего рассказывали о князе и его семье, о работе на старом заводе. В их словах звучала неподдельная, искренняя признательность».

В начале 2009 г. Екатерина Юрьевна откликнулась на исследовательские сочинения пожвинских учащихся, выполненные под руководством учителя истории Т. В. Караваевой. Она не только дополнила их редкими примерами, но и прислала выписки из писем деда – князя С. Е. Львова, в которых рассказывается о заводе и быте населения Пожвы начала XX в.

В наше время средоточием памяти о прошлом Пожвы являются музеи при заводе и библиотеке. Здесь собраны рукописи, фотографии, книги и разнообразные изделия бытового назначения, изготовленные на заводе. Карты, схемы и макеты производственной территории позволяют представить планировку и застройку заводского поселка в первоизданном виде.

Увлекательные экскурсии по заводскому музею ведет А. Б. Панфилов. Он работал на заводе слесарем-сборщиком, а стал глубоким исследователем его истории и педагогом, умело привлекающим к поисковой работе школьников. Благодаря ему экспозиция музея представляет полную картину не только истории завода, но и естественно-исторического прошлого этих мест. По берегам Камы от Тамана до Усть-Гаревой А. Б. Панфилов собрал кости вымерших животных – оленя, носорога, шерстистого быка – и разнообразные орудия труда каменного века.

Поселковая библиотека заслуженно носит имя А. С. Пушкина: тому есть две основательные причины.

Во-первых, она была открыта по решению Соликамского уездного собрания в 1901 г., когда Россия отмечала 100-летие со дня рождения поэта. Обустройство и комплектование библиотеки принял на себя владелец завода князь С. Е. Львов.

Во-вторых, как известно, владельцы завода Всеволожские, проживавшие в Санкт-Петербурге, общались с А. С. Пушкиным. Поэт бывал на собраниях общества «Зеленая лампа», проводимых Никитой Всеволожским. События, происходившие в семье Всеволожских, запечатлены поэтом в романе «Русский Пелам». Предполагается, что А. С. Пушкин стихотворение «Адель» посвятил дочери В. А. Всеволожского.



Библиотекарь-краевед Надежда Филипповна Исакова за изучением заводской летописи.
Фото 2008 г.

Пушкинскую тему в Пожве, открытую краеведом П. М. Казанцевым, успешно развивает на протяжении многих лет Надежда Филипповна Исакова. Как в петербургском доме Всеволожские собирали единомышленников вокруг «Зеленой лампы» (кстати, Казанцев предполагал, что и сама лампа была изготовлена пожевскими умельцами), так Н. Ф. Исакова объединяет в

библиотеке поклонников творчества А. С. Пушкина. В Пожве проходят свои заседания «Зеленой лампы», устраиваются спектакли и конкурсы на тему «Пушкин, Всеволожские, Пожва».

Историю и культуру поселка широко пропагандирует Пожвинский дом культуры. Его деятельность началась в 1918 г. Сегодня он размещается в редком для учреждения культуры здании – в домне начала XIX в. На этажах домны развернуты выставки о деятельности заводо-владельцев Всеволожских и С. Е. Львова, об истории поселка и крепостного театра. Художественный руководитель центра В. Н. Ефремов реконструировал местную свадьбу. Для этого он привлек знатоков старинного обряда В. П. Неволину и Л. Т. Белянину.

С 1932 г. в Доме культуры действует оркестр русских народных инструментов, которому присвоено имя Ирины Ивановой, около 30 лет руководившей этим творческим коллективом. В репертуаре немало произведений, исполнявшихся в старинной Пожве.

А. Ф. Чудова знают в Пожве не только как знатока истории завода и увлеченного участника местной художественной самодеятельности: он не смог равнодушно смотреть, как ветшает парк при господском доме, и посадил здесь молодые сосны, кедры, рябины, черемухи.

Века пронеслись над заводом и рекой... Многие страницы истории Пожвы сначала кажутся навсегда стертыми из памяти. Но сохранившиеся архивные документы, музейные экспонаты, старые фотографии, картины и рисунки заводских строений, записки путешественников и исследователей, воспоминания старожилов помогают воссоздать прошлое уникального культурно-исторического гнезда Пермского края.

ХРОНИКА ПОЖВЫ

- 1754** – Н. Г. Строганов начинает строительство завода.
1770 – завод посетил и описал географ Н. П. Рычков.
1773 – завод покупает Всеволод Алексеевич Всеволожский.
1796 – завод переходит во владение Всеволода Андреевича Всеволожского.
1798 – Главное правление вотчины В. А. Всеволожского переведено из с. Новое Усолъе в Пожву.
1799 – открытие заводской школы.
1811 – разработан «План заводского и сельского строительства»; строятся первые конно-машинные суда.
1814 – создание крепостного театра.
1815 – оснащение механического цеха паровой машиной.
1816 – построены первые пароходы.
1817 – вниз по Каме отправился первый пароход.
1821 – пароход «Всеволод» проплыл от Пожвы до г. Рыбинска.
1828 – часы, изобретенные на заводе, установлены на Спасо-Преображенском соборе в Санкт-Петербурге.
1829 – паровые машины экспонируются в Санкт-Петербурге.
1833 – изобретение паровой коляски.
1836 – завод переходит наследникам В. А. Всеволожского.
1839 – паровоз «Пермяк» в разобранном виде доставлен в Санкт-Петербург.
1865 – освящение Свято-Троицкого собора.
1900 – завод переходит князю С. Е. Львову.
1917, март – закрытие Елизавето-Пожевского завода; создание Пожевского совета рабочих депутатов.
1918 – национализация Пожевского завода.
1924 – Пожва существует в составе Майкорского района.
1927 – демонтаж некоторых цехов и консервация завода.
1928 – создание на базе завода кустарно-промышленной артели «Молот».
1931 – Пожва в составе Чермозского завода.
1940 – Пожва получила статус рабочего поселка (городского типа).
1954 – начало демонтажа завода в связи с предстоящим созданием Камского водохранилища.
1955 – сооружение водовода и локомобильной электростанции на площадке, отведенной для нового завода.
1958, 16 декабря – первая плавка в литейном цехе, с которой начинается рождение нового завода.
1959 – Пожва в составе Юсьвинского района.
1966 – вышла книга П. М. Казанцева «На старом уральском заводе».
1973 – издан буклет «Пожва» с текстом и рисунками художника А. Н. Тумбасова.
1998 – создание ОАО «Пожвинский машиностроительный завод».
2000 – открытие памятного знака «предкам» завода.
2004 – празднование 250-летия машиностроительного завода.
2007 – впервые посетила Пожву внучка князя С. Е. Львова Екатерина Юрьевна Ройнишвили (Львова).
2008 – в Пожве отмечено 90-летие Дома культуры.
2009 – празднование 210-летия средней школы №1.

ЛИТЕРАТУРА

Алферов Н. С. Зодчие старого Урала/Н. С. Алферов. – Свердловск, 1960.

История машиностроения. – М., 1961. – Т. 38.

Казанцев П. М. На старом уральском заводе/П. М. Казанцев. – Пермь, 1966.

Казанцев П. М. Пожвинский завод: историческая хроника 1754–2004/П. М. Казанцев. – Кудымкар, 2004.

Кастерина-Азарян А. Б. Театральная старина Урала/ А. Б. Кастерина-Азарян. – Екатеринбург, 1998.

Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область/Сост. Л. С. Рафиенко. – М., 1978.

Наш край: вып. 9: Наследие Пармы: материалы Свода памятников истории, архитектуры и монументального искусства Коми-Пермяцкого автономного округа/Сост. О. В. Попова. – Кудымкар, 2005.

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения/Е. Г. Неклюдов. – Нижний Тагил, 2004.

Памятники истории и культуры Пермской области/Сост. Л. Шатров. – Пермь, 1976.

Сигов И. На старом Урале/И. Сигов. – Молотов, 1953.



